13 марта, 1911 года. Печатать разрѣшается. Ректоръ С.-Петербургской духовной академіи епископъ *Георгій*.

„Чти отца твоего и матерь твою..." (объясненіе 5-й заповѣди Закона Божія) *).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Обязанность попеченія дѣтей о престарѣлыхъ родителяхъ.—Библейскія свидѣтельства.—„Послѣдняя воля" родителей и сила ихъ благословенія.—Свидѣтельства Слова Божія.—Мѣсто изъ „Повѣсти о Горѣ-Злосчастіи".

Когда отецъ съ матерью состарятся, дѣти тѣмъ болѣе должны оберегать ихъ покой. «Если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется», учитъ ап. Павелъ, «тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго» (1 Тим. 5, 8). «Сынъ», взываетъ Іисусъ Сираховъ, «прими отца твоего въ старости его и не огорчай его въ жизни его. Хотя бы онъ и оскудѣлъ разумомъ, имѣй снисхожденіе и непренебрегай имъ при полнотѣ силы твоей; ибо милосердіе къ отцу не будетъ забыто; несмотря на грѣхи твои, благосостояніе твое умножится. Въ день скорби твоей воспомянется о тебѣ: какъ ледъ отъ теплоты, разрѣшатся грѣхи твои. Оставляющій отца—то же, что богохульникъ, и проклятъ отъ Господа раздражающій мать свою» (Сир. 3, 12—16). Въ своемъ «Шестодневѣ» *св.* Василій Великій беретъ назидательный примѣръ изъ природы, безсознательно исполняющей пятую заповѣдь. «Заботливость буселей (перелетныхъ птицъ) о состарѣвшихся достаточна къ тому, чтобы и нашихъ дѣтей сдѣлать отцелюбивыми. Обступивъ отца, у котораго отъ старости вылиняли перья, бусели согрѣваютъ его своими крыльями и, обильно доставляя ему пищу, даже въ летаніи оказываютъ ему сильную помощь, слегка поддерживая съ обѣихъ сторонъ своими крыльями. И

*) Окончаніе. См. мартъ.

это такъ извѣстно всякому, что вмѣсто: „воздать за благодѣянія“ нѣкоторые выражаются: „отбуселить“ [1]). Къ несчастью, въ жизни нерѣдки примѣры бѣдственной участки престарѣлыхъ родителей въ домахъ своихъ неблагодарныхъ дѣтей. Легче отцу прокормить шестерыхъ дѣтей, нежели шестерымъ дѣтямъ прокормить одного отца.

Слово Божіе многократно подтверждаетъ, *насколько великъ грѣхъ непочтенія къ родителямъ*. «Глазъ, насмѣхающійся надъ отцемъ и пренебрегающій покорностью къ матери», пишетъ Премудрый, «выклюютъ вороны дольные и сожрутъ птенцы орлиные» (Прит. 30, 17). Въ ветхомъ завѣтѣ непокорный сынъ наказывался лютою смертью. «Кто ударитъ отца своего, или матерь свою», а такъ же «кто злословитъ отца своего или матерь свою, того должно предать смерти» (Исх. 21, 15. 17). «Если у кого будетъ буйный и непокорный сынъ, неповинующійся голосу отца своего и матери своей, и они наказывали его, но онъ не слушаетъ ихъ,—то отецъ его и мать его пусть возьмутъ его и приведутъ его къ старѣйшинамъ города своего и къ воротамъ своего мѣстопребыванія и скажутъ старѣйшинамъ города своего: „сей сынъ нашъ буенъ и непокоренъ, не слушаетъ словъ нашихъ, мотъ и пьяница“; тогда *всѣ жители города его пусть побьютъ его камнями до смерти;* и такъ истреби зло изъ среды себя, и всѣ Израильтяне услышатъ и убоятся» (Втор. 21, 18—21).

Страхъ и трепетъ охватываютъ сердце при чтеніи этихъ, идущихъ изъ сѣдой древности, прещеній. Возможно, что многіе упрекнутъ ее въ жестокомъ варварствѣ и благословятъ наше, снисходительное ко всякимъ преступленіямъ, «всепрощающее» время. Дѣйствительно, побіеніе камнями непокорнаго сына, съ главнымъ участіемъ самихъ родителей,—зрѣлище, не поддающееся никакому описанію. Нѣтъ спору, древность была въ высокой степени строга и взыскательна къ нравственнымъ проступкамъ, чѣмъ и засвидѣтельствовала, въ поученіе грядущимъ поколѣніямъ, свою необычайно-высокую моральную зрѣлость. Этого отъ нея не отнять никакими ухищреніями и способами. Но при этомъ необходимо помнить, что нравственно—*должное* не знаетъ ни древности, ни юности, и наиболѣе обязательнымъ является для тѣхъ, которые гордятся своей высокой «культурностью». Весьма жаль только,

[1]) Василій В., Бес. на Шестодневъ. Рус. пер. Москва, 1845, стр. 146.

что плоды ея смертельно-ядовиты, а противоядія доселѣ еще нѣтъ, да о немъ почти и не заботятся, потому что, въ противномъ случаѣ, вмѣсто зараженія старались бы объ очищеніи нравственной атмосферы.

Завершительные часы земного странствованія человѣка являются самымъ знаменательнымъ моментомъ его жизни, по одну сторону котораго остается временное, а по другую открывается вѣчное бытіе съ его великими наградами и тяжкими наказаніями. Находящійся при послѣднемъ издыханіи, естественно, оглядывается на весь, имъ пройденный, житейскій путь и голосомъ неподкупной совѣсти теперь, какъ никогда прежде, судитъ о цѣломъ содержаніи оконченной жизни. Тѣлесно немощный, онъ силенъ душевно: ничто земное ужъ не привлекаетъ его вниманія и разсматривается имъ только sub specie aeternitatis.

Приблизимся къ одру умирающаго, окруженнаго дѣтьми, отца и посмотримъ на его душевное состояніе. Послѣднее характеризуется совершеннымъ равнодушіемъ къ богатству, славѣ и почестямъ. Какимъ ничтожнымъ представляется все это по сравненію съ возвышающимся надъ суетными призраками нравственнымъ міропорядкомъ, представителемъ котораго (и, къ несчастью, нарушителемъ) на землѣ является человѣкъ! И вотъ, отходящій къ праотцамъ и теперь особенно высоко, «паче тысящъ злата и сребра» (Пс. 118, 72), оцѣнивающій духовныя блага, останавливаетъ потухающій взоръ на своихъ дѣтяхъ, какъ на будущихъ носителяхъ нравственнаго міропорядка: или устроителяхъ его, или разорителяхъ. Теперь этотъ прощальный взоръ становится особенно утонченнымъ и проницательнымъ и получаетъ доходящую до ясновидѣнія способность прозрѣнія будущихъ судебъ ихъ. Родитель становится «пророкомъ.... въ дому своемъ» (Мѳ. 13, 57)—не въ смыслѣ какого-то оторваннаго отъ житейской почвы «прозорливца», но какъ родной отецъ, которому, предпочтительно предъ всѣми другими, вѣдомы и сердца, и жизнь его дѣтей. Какъ на происходящемъ «свыше» (Еф. 3, 15 ср. Іоа. 19, 11), и на земномъ отчествѣ отражается небесное, и потому слова Христовы: «никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ» (Мѳ. 11, 27) могутъ и должны имѣть приложеніе, въ извѣстномъ смыслѣ, такъ же и къ разсматриваемому событію.

Да, отецъ «знаетъ» сына и, вообще, своихъ дѣтей, а еще болѣе любитъ ихъ и, особенно въ виду приближающейся разлуки, испытываетъ нравственную потребность—выразить имъ

свою *«послѣднюю волю»*, иначе говоря, преподать имъ *родительское благословеніе*—кому болѣе, кому менѣе благопріятное, смотря по личнымъ качествамъ и достоинствамъ дѣтей.

Вышеуказанныя условія, въ которыхъ происходитъ изъявленіе этой послѣдней воли или родительскаго благословенія, не оставляютъ мѣста сомнѣнію въ его *могущественномъ вліяніи на дѣтскую судьбу*: подлинно, «благословеніе отчее утверждаетъ домы чадъ» (Сир. 3, 9). А такъ-какъ послѣднее не только не является какимъ-то случайнымъ и безпочвеннымъ дѣйствіемъ,—ибо предъ отцомъ открыты сердца и жизнь его дѣтей,—то двѣ половины пятой заповѣди: повелѣніе («чти») и воздаяніе («да благо ти будетъ») являются, преимущественно въ разсматриваемомъ моментѣ, соединенными одна съ другою крѣпкою *причинною* связью. Ужъ если когда, то, конечно, предъ смертью предпочтительнѣе всего возлюбить и говорить только одну правду, какою бы сладкой или горькой ни была она! Вотъ почему праотецъ Іаковъ, твердо памятуя, что Рувимъ—«первенецъ, крѣпость и начатокъ силы» его, не безъ огорченія, однако, лишилъ его преимущества за то, что онъ «взошелъ на ложе отца своего». Подобнымъ же образомъ лишены части первородства и двое другихъ старшихъ братьевъ: Симеонъ и Левій, вмѣсто которыхъ оно передано четвертому, въ порядкѣ рожденія, сыну патріарха, Іудѣ (Быт. 49, 1—11), отъ котораго произошли царь Давидъ и (по плотскому рожденію отъ Дѣвы) Спаситель міра—Христосъ (Лк. 3, 31. 32; Рим. 1, 3). Такимъ образомъ, Самъ Господь Своимъ чудеснымъ воплощеніемъ оправдалъ, предъ лицомъ всего міра, непреложность обѣтованія: *«благословеніе отчее утверждаетъ домы чадъ»* (Сир. 3, 9) и неразрывно соединилъ его съ св. долгомъ почитанія родителей. Слѣдовательно, оно почіетъ только на повинующихся пятой заповѣди дѣтяхъ, имъ принадлежитъ, а нарушающія ее тѣмъ самымъ лишаютъ себя этого великаго напутствія въ жизнь, такъ что для нихъ и заповѣдь (по противоположенію) гласитъ иначе:.... «а если не почтишь отца твоего и матерь твою, то *зло* тебѣ будетъ и *кратковременнымъ* будешь на землѣ». И сбудутся грозныя слова: «не будетъ старца въ домѣ твоемъ никогда, но все потомство твое будетъ умирать въ среднихъ лѣтахъ» (1 Цар. 2, 31—33).

Неизвѣстный древнерусскій (17-го в.) писатель изобразилъ это зло въ дидактической «Повѣсти о Горѣ и Злосчастіи, какъ

Горе-Злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ». Непослушный сынъ сидитъ на пиру.

„Говорятъ молодцу люди добрые:
Что еси ты, добрый молодецъ,
Зачѣмъ ты на пиру невеселъ сидишь,
Кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ?...
Говоритъ имъ, сѣдя, добрый молодецъ:
Государи вы, люди добрые!
Скажу я вамъ про свою нужду великую,
Про свое ослушанье родительское,
И про питье кабацкое, про чашу медвяную,
Про лестное питіе пьяное.
Язъ какъ принялся за питье за пьяное, —
Ослушался язъ отца своего и матери;
Благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалося;
Господь Богъ на меня разгнѣвался,
И на мою бѣдность велись великія
Многія скорби неисцѣльныя;
Изсушила печаль мое лицо и бѣлое тѣло:
Ради того мое сердце невесело“... [1])

Невысокая съ художественной стороны, повѣсть, безспорно, проникнута чисто-христіанскою моралью и достойна особаго вниманія со стороны юныхъ нашихъ современниковъ.

Но если такъ, то *откуда же происходятъ обратныя и такъ нерѣдко наблюдаемыя въ жизни явленія*, что вполнѣ благовоспитанные, трудолюбивые и честные люди, однако, не пробиваются впередъ и терпятъ чуть не сплошныя неудачи? Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, говорятъ: «ему не везетъ», «не судьба», или «онъ не имѣетъ счастья». Но самое выраженіе: «счастье»—совершенно неопредѣленное и неясное понятіе. Справедливѣе будетъ замѣнить малозначащее слово другимъ: «*благословеніе*», которое послужитъ намъ путеводною нитью къ рѣшенію заданнаго вопроса. Почему же недостаетъ ему благословенія? За отвѣтомъ необходимо оглянуться на минувшія дѣтство и отрочество неудачника, а такъ же освѣдомиться и у родителей, какъ такой-то относился къ нимъ, исполнялъ ихъ волю, чтилъ ли ихъ и, вмѣсто утѣшенія, не причинялъ ли имъ только одни огорченія? Горе такому сыну, который своимъ непослушаніемъ только оскорблялъ родителей, ибо, по господствующему (не въ одномъ фи-

[1]) *Неизвѣстный*, изъ „Повѣсти о Горѣ и Злосчастіи, какъ Горе-Злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ“.

зическомъ, а и) въ нравственномъ мірѣ закону отраженія, родительскія горести и слезы свинцовой тучей повиснутъ надъ судьбой ихъ сына и, какъ бы ни былъ онъ талантливъ, разрушатъ или, по крайней мѣрѣ, испортятъ всѣ его житейскіе планы и привлекутъ на голову его праведное возмездіе. И наоборотъ: почему менѣе талантливый, съ нѣкоторыми недостатками, не такъ ловкій и сообразительный въ житейскихъ дѣлахъ юноша, подчасъ, какъ бы на крыльяхъ слѣпой фортуны высоко поднимается къ счастью и преуспѣянію? «Онъ родился въ рубашкѣ», или «баловень судьбы»—обыкновенно говорятъ о такомъ. Но если бы любопытный наблюдатель прослѣдилъ прошлое этого баловня, прогулялся бы въ его родную деревню и, далѣе, до его родительской хаты, то отъ отца и матери узналъ бы назидательную повѣсть о почтительномъ мальчикѣ и юношѣ, который всегда слѣдовалъ приказаніямъ родителей и боялся опечалить послѣднихъ не только дурными дѣлами, но, даже, и неприличными словами.

Нѣтъ спору, что иногда и добрыя дѣти терпятъ житейскія несчастья, какъ, наоборотъ, и негодныя благоденствуютъ. Что же изъ того? Передъ нами, вѣдь, *исключительные* случаи, не опровергающіе правила, подобно другимъ безчисленнымъ, извѣстнымъ еще съ самой глубокой древности. Такъ, напримѣръ, еще праведный Іовъ спрашивалъ о томъ, «почему беззаконные живутъ, достигаютъ старости, да и силами крѣпки? Домы ихъ безопасны отъ страха, и нѣтъ жезла Божія на нихъ. А, между тѣмъ, говорятъ Богу: отойди отъ насъ, не хотимъ мы знать путей Твоихъ!» (Іов. 21, 7—14). «Доколѣ грѣшницы, Господи, доколѣ грѣшницы восхвалятся?» восклицаетъ Псалмопѣвецъ (Пс. 93, 3). «Почему путь нечестивыхъ благоуспѣшенъ, и всѣ вѣроломные благоденствуютъ?» спрашиваетъ пророкъ Іеремія (Іер. 12, 1). Вопросъ о праведномъ воздаяніи, надо замѣтить, всегда служилъ острымъ жаломъ для смущенныхъ совѣстей, иногда приходившихъ въ отчаяніе отъ неумѣнья разобраться въ нелегкомъ дѣлѣ. Отъ того, разумѣется, нисколько не страдаетъ о с н о в н о е правило нравственной (а таковою всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ должна быть человѣческая) дѣятельности, управляемой безусловнымъ закономъ, а не какими-то случайными обстоятельствами. Легко представить себѣ, что получилось бы изъ примѣненія къ жизни такъ называемой «практической» мудрости, которою завтра отрицается то, что превозносится сегодня! Забывая о лич-

ныхъ достоинствахъ, послѣдняя отдаетъ преимущество внѣшнему положенію человѣка и, пока оно находится въ хорошемъ состояніи, «чтутъ» такого; наоборотъ, теряютъ всякое уваженіе къ лишившемуся земныхъ благъ. На мѣсто нравственнаго міропорядка въ этомъ случаѣ устанавливается самая развратная биржа, съ воздвигнутымъ алтаремъ золотому тельцу и съ развѣнчаннымъ, презираемымъ и попираемымъ въ его нравственномъ достоинствѣ человѣкомъ. Избави Богъ, если и въ семью проникнетъ этотъ тлетворный духъ!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Библейскіе примѣры почитанія дѣтьми родителей.—Исаакъ, Іосифъ и Руѳь.—Свидѣтельства хр. миссіонеровъ о томъ же среди язычниковъ.—Выдержка изъ китайской драмы: „Пипа-Цзи“.—Письмо донского казака.

Священная исторія завѣщала всѣмъ вѣкамъ и народамъ несравненные по красотѣ и силѣ *примѣры* высокаго до самоотверженія *почитанія дѣтьми своихъ родителей*. Невозможно безъ слезъ читать эпически-спокойное повѣствованіе св. Библіи (Быт. 22), напримѣръ, о жертвоприношеніи Исаака. Богъ, сказано (ст. 1), «искушалъ» Авраама. Да, получившій уже въ преклонныхъ лѣтахъ, по особой милости Божіей, «единственнаго (отъ Сарры), любимаго» (ст. 2) сына Исаака и нѣжно взлелѣявшій его отецъ теперь, по грозному повелѣнію свыше, долженъ своею собственной рукою заклать его во всесожженіе. Вникните въ это страшное «искушеніе» и, если можно, взвѣсьте всю тяготу отчаго подвига! Къ сожалѣнію, никакая психологія, ни близкая ей психоневрологія, доселѣ еще не въ состояніи опредѣлить земными мѣрами сверхчеловѣческихъ страданій: эта задача посильна только Тому, Который «вѣтру полагалъ вѣсъ и воду распредѣлялъ по мѣрѣ» (Іов. 28, 25). Однако, не здѣсь, а на другомъ мѣстѣ намъ слѣдуетъ остановить главное вниманіе,—на самомъ возлюбленномъ Исаакѣ. «И взялъ Авраамъ», повѣствуетъ Библія, «дрова для всесожженія и возложилъ на Исаака, сына своего; взялъ въ руки огонь и ножъ, и пошли оба вмѣстѣ. И началъ Исаакъ говорить Аврааму, отцу своему, и сказалъ: отецъ мой! Онъ отвѣчалъ: вотъ я, сынъ мой. Онъ (т. е. Исаакъ) сказалъ: вотъ огонь и дрова; *гдѣ же агнецъ* для всесожженія?» (ст. 6—7). Въ послѣднемъ вопросѣ объ агнцѣ не слышится ли скорбный голосъ самого приговореннаго къ страшной жертвѣ? На этотъ

вопросъ будетъ правильнѣе отвѣтить въ положительномъ смыслѣ. ибо до невозможности трудно допустить, чтобы, въ продолженіе трехдневнаго (ст. 4) пути, смышленый «отрокъ» (ст. 12) не прочиталъ большой задумчивости въ очахъ и на лицѣ своего отца (ср. Сир. 13, 31) и, во время восхожденія на вершину горы, своимъ трепетнымъ сердцемъ не прозрѣвалъ ожидающей его участи. Въ самомъ дѣлѣ, не приложимы ли и къ настоящему случаю знаменательныя слова: хоть «я (и) сплю, а сердце мое бодрствуетъ» (Пѣсн. 5, 2)? Не справедливѣе ли согласиться съ тѣмъ, что и въ настоящемъ случаѣ отецъ съ сыномъ могли сказать о себѣ: «не сердце ли наю горя бѣ въ наю?» (Лк. 24, 32). Вѣдь, по словамъ вѣрной поговорки, «le coeur a des raisons que la raison ne connaît pas», т. е., сердце имѣетъ непостижимыя для разсудка доказательства. Но, въ такомъ случаѣ, Исаакъ прозрѣвалъ себя въ положеніи жертвеннаго агнца и, слѣдовательно, сознательно и самоотверженно,—символизируя «Смирившаго Себя даже до смерти» (Фил. 2, 8),—восходилъ на свою Голгоѳу, чтобы только исполнить родительскую, а въ ней и Божью волю. что и подтверждается дальнѣйшимъ повѣствованіемъ (ст.8—10). «Достоинъ удивленія здѣсь и Исаакъ», читаемъ въ одной изъ бесѣдъ св. Златоустъ [1]). «Какъ отецъ его повиновался Богу, такъ и онъ—отцу; и какъ тотъ, когда Богъ повелѣлъ ему принесть жертву, не потребовалъ объясненія, такъ и этотъ, когда отецъ связывалъ его и возлагалъ на жертвенникъ, не сказалъ: для чего ты дѣлаешь это?—Но преклонился подъ отеческую руку».

Переносясь на двѣсти лѣтъ впередъ, одного изъ внуковъ Иссака мы видимъ «возсѣдающимъ на золотомъ тронѣ, по правую руку египетскаго фараона. Стройный, съ гладко остриженными волосами, безъ бороды, облаченный въ бѣлый виссонъ, съ золотыми запястьями, съ обрамляющею его чело золотою змѣей, выражающій чрезъ переводчика суровыя угрозы устрашеннымъ чернобородымъ пастухамъ» [2]), — не правда ли, какимъ недосягаемо-высокимъ представляется этотъ «полудержавный властелинъ»? Повидимому, онъ долженъ «забыть домъ отца своего». Къ счастью, не такъ былъ воспитанъ и

[1]) *Златоустъ*, Слово V о Лазарѣ. Твор. въ рус. пер. Спб. 1895, т. I, стр. 837.

[2]) Изъ *Bettex*'а: Die Bibel Gottes Wort, Stuttgart, 1902, S. 49.

не такъ поступилъ «прекрасный» Іосифъ. Съ величайшимъ смиреніемъ, почтительно встрѣтилъ онъ своего незнатнаго (по Быт. 46, 34: «скотовода») отца, доложилъ о немъ фараону, потомъ самъ «привелъ» (Быт. 47, 7) Іакова во дворецъ и поселилъ, вмѣстѣ съ своими братьями, въ землѣ Гесемъ (ст. 6, 11—12), а съ приближеніемъ родительской кончины Іосифъ привелъ къ престарѣлому отцу двухъ сыновей своихъ для благословенія (Быт. 48, 1—6), причемъ благоговѣйно «поклонился лицемъ до земли» (ст. 12). Извѣстно также (Быт. 50, 1—14), съ какою точностью выполнилъ Іосифъ «послѣднюю волю» своего отца. Вся жизнь этого прекраснаго сына, начиная съ ранняго возраста (Быт. 37), представляется, такимъ образомъ, исполненіемъ родительской воли и осуществленіемъ Божьей заповѣди еще раньше начертанія ея на каменныхъ скрижаляхъ.

Третій примѣръ, останавливающій на себѣ вниманіе, является тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что заимствованъ не изъ Божьяго «виноградника», а какъ бы случайно возросъ на «дикихъ» (ср. Рим. 11, 17) поляхъ Моавитскихъ. Овдовѣвшая, безвѣстная Руѳь значительно уступаетъ въ своей женской скромности величественнымъ образамъ патріарховъ, но зато симпатично выдѣляется своимъ смиреніемъ и безропотной покорностью горькой участи своей и даже до самоотверженія доходящей преданностью не матери родной своей, а свекрови, въ добавокъ еще до нищеты бѣдной, какою была и сама Руѳь. Итакъ, въ отношеніи послѣдней къ Ноемини видна только самая безкорыстная любовь, излившаяся въ слѣдующихъ трогательныхъ словахъ: «не принуждай меня оставить тебя; но куда ты пойдешь туда и я пойду, и гдѣ ты жить будешь, тамъ и я буду жить; народъ твой будетъ моимъ народомъ, и твой Богъ — моимъ Богомъ» (Руѳь 1, 16). Замѣтимъ еще разъ, что такая преданность свидѣтельствуется невѣсткою въ такое время, когда ея свекровь находиласъ въ самомъ бѣдственномъ состояніи и приписывала его особому дѣйствію Промысла: «ибо рука Господня постигла меня» (ст. 13). И, однако, не взирая на это, Руѳь еще продолжаетъ: «гдѣ ты умрешь, тамъ и я умру: одна смерть разлучитъ меня съ тобою»! (ст. 17). Внимая этихъ вдохновеннымъ словамъ чистѣйшей любви и самоотверженной преданности, невольно задаешься вопросомъ: въ возвышенныхъ псалмахъ Давида не звучитъ ли еще голосъ его великой прабабки? Вѣдь «Духъ идѣже хощетъ, дышетъ» (Іоа. 3, 8). Высокій

подвигъ Руѳи достойно оцѣненъ женщинами—виѳлеемитянками, привѣтствовавшими рожденіе внука ея, Овида, слѣдующими замѣчательными словами: «онъ будетъ тебѣ (Ноемини) отрадою и питателемъ въ старости твоей, ибо его родила *сноха твоя, которая любитъ тебя, которая для тебя лучше семи сыновей*»! (Руѳь 4, 15)...

Не говоря уже о христіанской семьѣ, весьма богатой поразительными примѣрами въ библейскомъ духѣ,—даже и «въ» языческой «тьмѣ свѣтитъ» благодатный «свѣтъ» (Іоа. 1, 5) и являетъ достопочтенные образцы почитанія старшихъ младшими. Объ этомъ лучше всѣхъ освѣдомлены люди, благовѣствующіе тамъ проповѣдь о Христѣ. Такъ, напримѣръ, протестантскій миссіонеръ Лехлеръ, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ жившій среди *китайцевъ*, указываетъ на одну поразительную черту ихъ нравственнаго облика, безспорно, имѣющую великое значеніе для упроченья ихъ государственнаго быта: это—глубокое *почтеніе къ старшимъ и благоговѣйное отношеніе дѣтей къ своимъ родителямъ*. «Какъ патріархальный укладъ жизни, такъ и семейныя отношенія, въ Китаѣ упорядоченныя лучше, нежели въ какой-либо другой языческой странѣ», по словамъ упомянутаго миссіонера, «свидѣтельствуютъ о томъ, что наставленія Конфуція, въ этомъ отношеніи, не принизились до пустой фразы, но жизнетворнымъ элементомъ внѣдрились въ народную жизнь» [1]). «24 примѣра» сыновней почтительности служатъ классическою книгой китайской морали. Въ капищахъ и въ школахъ, въ пріютахъ и въ чайныхъ, въ общественныхъ залахъ и въ частныхъ помѣщеніяхъ они росписаны на стѣнахъ съ тою цѣлью, чтобы каждый смотрящій на нихъ, по мѣстному выраженію, „пощупалъ свое сердце и погладилъ животъ", т. е., испыталъ себя: исполняетъ ли онъ свой, по отношенію къ родителямъ, долгъ согласно съ данными примѣрами» [2]).

«Прочность китайской семьи», по словамъ Ревилля, «основывается на священномъ характерѣ отеческой власти. Общепризнанная обязанность сыновняго повиновенія достигаетъ въ Китаѣ абсолютнаго значенія» [3]). Въ одной китайской драмѣ

---

[1]) *Lechler*, Miss.—Mag. 1888, S. 116.

[2]) См. *Wurm P.*, Handbuch der Religionsgeschichte, Calw et Stattgart, 1904, S. 131.

[3]) *Reville, A.*, La Religion Chinoise, p. 170, въ собр. соч. *Соловьева Вл.*, т. VI, стр. 90.

«Пипа-цзи» (Исторія флейты) отецъ спрашиваетъ сына объ его обязанностяхъ по отношенію къ родителямъ и получаетъ слѣдующій отвѣтъ: «батюшка, вотъ въ чемъ состоятъ обязанности сына: онъ долженъ заботиться, чтобы лѣтомъ и зимой родители пользовались всѣми житейскими удобствами; долженъ каждый вечеръ самъ оправлять постель для родителей; каждое утро, при первомъ крикѣ пѣтуха, обращаться къ родителямъ съ почтительнѣйшими вопросами о здоровьѣ; долженъ въ теченіе дня многократно спрашивать родителей: не безпокоитъ ли ихъ холодъ или жаръ; сынъ обязанъ поддерживать родителей, когда они идутъ; обязанъ уважать то, что̀ они уважаютъ, любить то, что они любятъ, до лошадей и собакъ включительно; сынъ при жизни не долженъ удаляться изъ дому, въ которомъ они живутъ» [1]). Подобнымъ же образомъ молодой *индусъ* всецѣло занятъ только однимъ желаніемъ—помочь своему отцу въ его дѣлахъ и предпріятіяхъ и все, пріобрѣтенное личнымъ трудомъ, считаетъ не своею, а фамильною собственностью [2]).

Сколько возвышенной поэзіи, любви и самоотверженія, какая неодолимая нравственная мощь таятся въ этомъ святомъ чувствѣ, изливающемся, подчасъ, въ простѣйшихъ рѣчахъ несравненной прелести и силы. Оставимъ иностранцевъ и обратимся къ своимъ. Вотъ, предъ нами самое безхитростное письмо рядового казака къ своему любимому начальнику. «Эхъ! бывало», пишетъ онъ, «въ чужой землѣ приключится немочь лютая; разведешь щепоть земли Дона-батюшки въ водѣ свѣжей, выпьешь, какъ ни въ чемъ не былъ. А другого морятъ разными кореньями да лѣкарствами: лѣчитъ насъ нашъ милый Донъ.—*Вспомнишь мать, отца, дѣтей своихъ, хоть изъ мертвыхъ приподнимешься.* Ахъ, бывало, пишешь грамотку на родимую сторону: „ты, отецъ мой, родной батюшка, ты родная моя матушка. Мнѣ не надо ни золота, ни серебра, надо мнѣ ваше благословеніе; вы, родимые, не шлите мнѣ казны златой, а пришлите мнѣ воды Донской; почерпните вы ее хоть въ скляночку, поклонитесь Дону милому“! *Ну, да какъ же не любить намъ нашу родину*, не любить намъ Дона-батюшки» [3])? Не правда ли,—великолѣпно!..

---

[1]) Взято изъ свящ. книги Ли-цзи, см. у *Соловьева*, Собран. сочин., Т. VI, стр. 117.

[2]) *Robson*, Hinduism and its relations to Christianity. Edinb. 1874, p. 121.

[3]) „Письмо казака Платову“, см. Рус. Стар., 1905, май, стр. 462—463.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Переходъ къ обѣтованію въ пятой заповѣди.—Послѣднимъ не рѣшается окончательно вопросъ о побужденіи дѣтей къ отцепочитанію.—Почему же досточтимъ отецъ?—Притча о блудномъ сынѣ.—Причина умолчанія Библіи о матери.—Свидѣтельство современной антропологіи о значеніи материнства въ развитіи альтруизма.

Много причинъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, повинны въ затемнѣніи правильныхъ отношеній между родителями и дѣтьми. Образовалось необоримое средостѣніе, раздѣляющее младшихъ отъ старшихъ, и мѣсто любви и довѣрія уступлено непріязни и скрытности, особенно въ отношеніяхъ болѣе строгихъ отцовъ къ ихъ свободолюбивымъ сыновьямъ. Начавшаяся, подчасъ, съ ранняго дѣтства этихъ послѣднихъ, пагубная раздвоенность острымъ клиномъ проходитъ чрезъ всѣ другіе возрасты сыновней жизни, остающейся до конца дней въ состояніи нераспустившагося, хотя и къ солнцу обращеннаго, цвѣтка. Умъ, авторитетъ, воля и другія отцовскія достоинства высоко цѣнятся сыномъ, но отъ такого признанія ихъ до заповѣданнаго «чти»—большое разстояніе. И остается оно, какъ великая пропасть, между отцомъ и сыномъ, и послѣдній, подчасъ въ продолженіе цѣлой жизни, ни однажды не получалъ счастья, или, вѣрнѣе, блаженства—созерцать плѣнительный образъ своего отца. Выраженіе: «плѣнительный»—не риторическая прикраса (ибо и на этомъ свѣтѣ существуетъ, слава Богу, далеко превосходящая ее дѣйствительность), а только слабая признательность по отношенію къ тому, кто для человѣка въ этомъ мірѣ долженъ быть драгоцѣннѣе всякихъ сокровищъ.

Подобно тому, какъ великій художникъ слова и, особенно, поэтъ видитъ, что незримо для помраченнаго взора, и слышитъ невнятное для огрубѣвшаго слуха, и въ своихъ мастерскихъ произведеніяхъ открываетъ предъ «средними» людьми новый, доселѣ сокровенный для нихъ, міръ небесной красы, такъ, только въ превосходной степени, и «единый Учитель-Христосъ» (Мѳ. 23, 8), предъ чистымъ взоромъ Котораго самая маленькая птичка и полевая лилія открывалась въ недоступной намъ красотѣ (Мѳ. 6, 26—28), въ одной изъ притчъ начерталъ возвышенный о б р а з ъ о т ц а, излившаго таившуюся въ его сердцѣ любовь на своего раскаявшагося сына (Лк. 15, 11—32). До легкомысленнаго удаленія и, тѣмъ болѣе, до спа-

сительнаго возвращенія послѣдняго въ отчій домъ она находилась въ скрытомъ или, какъ говорятъ, въ потенціальномъ состояніи, какъ бы съ умышленною цѣлью, чтобы тѣмъ пышнѣе развернуться въ своемъ величіи и нѣжнѣйшей красотѣ послѣ того, какъ раскаявшійся юноша, «возставъ», пошелъ къ покинутому отцу, издалека узрѣвшему его и бросившемуся ему на шею въ минуту сладостной встрѣчи. «И когда онъ былъ еще далеко, узрѣлъ его отецъ его и сжалился; и побѣжавъ палъ ему на шею и поцѣловалъ его» (ст. 20), и дальнѣйшее: «принесите лучшую одежду и облеките его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленнаго теленка и заколите: станемъ ѣсть и веселиться, ибо этотъ сынъ мой былъ мертвъ и ожилъ, погибалъ и нашелся» (ст. 22—24) — изображаютъ превосходящую всякое описаніе потрясающую сцену. Подлинно, «николиже тако есть глаголалъ человѣкъ, яко Сей Человѣкъ»! (Іоа. 7, 46).

Приточная форма изображенія нисколько не умаляетъ достоинства расположенныхъ на немъ лицъ: каждое изъ нихъ поставлено на своемъ мѣстѣ и само за себя отвѣчаетъ. Вѣдь изъ *дѣйствительной* жизни взята притча и ея же улучшеніе преслѣдуетъ. Въ возвышенномъ образѣ отца Спаситель хотѣлъ (*буквальный* смыслъ притчи) [1]) приподнять только часть завѣсы, за которою скрывается неистощимая въ своихъ сокровищахъ человѣческая душа,—родительское сердце и уступчивое и мягкое (Лк. 15, 12), и милующее и прощающее до поразительнаго самоотверженія (ст. 20—32). Любвеобильный къ вѣрному, отецъ еще болѣе является таковымъ по отношенію къ блудному сыну. И когда промотавшій выдѣленное имѣніе и до крайней степени униженный, послѣдній осиротѣлъ друзьями и знакомыми и опытно извѣдалъ горькую, которой не испытывали пасенныя имъ животныя, нужду и былъ отринутъ даже

---

[1]) Цѣль притчи — показать неизреченное милосердіе Божіе къ раскаявающемуся грѣшнику. Подъ земнымъ отцомъ разумѣется Отецъ небесный. Слушатели должны возноситься отъ образа къ Первообразу, представляя себѣ приписанныя первому свойства увеличенными въ безконечной степини. Въ богословской наукѣ этотъ способъ богопознанія называется via eminentiae. Существомъ самаго дѣла, при антроморфическомъ богознаніи, требуется, чтобы самое eminendum было чуждо всякихъ недостатковъ и соотвѣтствовало идеальной дѣйствительности, отсюда слѣдуетъ, что самый образъ долженъ представлять ее въ реальной (земной) дѣйствительности. Слѣдовательно, въ притчѣ выведенъ *наилучшій отецъ*.

роднымъ братомъ своимъ, — въ это, именно, критическое время несчастный особенно «милъ бысть» своему отцу. Въ огнѣ родительской любви растворилось совершенное сыномъ беззаконіе, и на мѣстѣ смерти и погибели возгорѣлась новая жизнь.

Притча обращается и къ вѣрнымъ, и къ блуднымъ сыновьямъ (respect. и къ дочерямъ) съ однимъ увѣщаніемъ: почтите отцовъ, вѣрьте любви ихъ, не покидайте ихъ: это необходимо для вашего же счастья, для семейнаго благополучія, для вашего спасенія, потому что земной отецъ—хотя и слабый, но лучшій образъ Небеснаго Отца (ср. Мѳ. 7, 9—11; Лк. 11, 11—13),—истинный, а не извращенный, ибо *«отъ Отца Господа нашего І. Христа именуется всякое отечество на небесахъ и на землѣ* (Еф. 3, 14. 15) [1]). Все рѣже и рѣже встрѣчающееся въ дѣйствительности достойное воплощеніе этого образа не измѣняетъ существа дѣла: недостойные носители отчества не уничтожаютъ его святости, чтить которую—всегдашній долгъ дѣтей.

Какъ бы то ни было, однако, по своей психо-физической организаціи, отецъ является въ семьѣ представителемъ, главнымъ образомъ, авторитета и силы, верховнымъ блюстителемъ законности и порядка и труженикомъ, обязаннымъ добывать пропитаніе ея членамъ. Поставленный въ необходимость значительную часть времени проводить внѣ своего дома, отецъ, естественно, поручаетъ дѣтей попеченію ихъ матери, которая и является, такимъ образомъ, главною ихъ воспитательницею. Нѣтъ нужды распространяться на тему объ исключительной близости матери къ дѣтямъ, начинающейся съ момента, ей одной прежде всѣхъ открывающагося. Материнская любовь—предметъ общеизвѣстный и не требующій никакихъ доказательствъ. Спаситель только разъ и, надобно сказать, чрезвычайно сильно, по противоположности предшествующаго и послѣдующаго моментовъ, выразилъ эту любовь матери, отъ радости, по случаю

---

[1]) Замѣчательное, въ психологическомъ смыслѣ, признаніе дѣлаетъ одинъ, выводимый въ романѣ *Бальзака*: „Горіо“, старикъ, по имени котораго названъ и самый романъ: „*Когда я сталъ отцомъ, я понялъ Бога.* Онъ одинъ повсюду, потому что твореніе Его вышло изъ Него... Я тоже самое чувствую по отношенію къ моимъ дочерямъ, только я люблю ихъ больше, чѣмъ Господь Богъ—насъ (sic!), потому что міръ хуже Господа Бога, а мои дочери лучше меня“! (Собр. сочиненій избранныхъ иностр. писателей. Собр. соч. *Бальзака*, т. I. Спб., 1896, стр. 105).

появленія въ міръ младенца, забывающей смертельныя муки рожденія. Для изображенія ожидающаго плачущихъ и рыдающихъ учениковъ Его блаженства (Іоа. 16, 20) Онъ употребилъ не какое-либо другое, а именно, *это* сравненіе ихъ съ рождающей женой (ст. 21—22). Ея радость проистекаетъ изъ чистѣйшей любви къ рожденному младенцу, едва узрѣвшему свѣтъ и всецѣло предоставленному ея материнскому попеченію. Младенецъ еще ничѣмъ не заявилъ себя, кромѣ крика о своей безпомощности, а она его уже любитъ, какъ никто на свѣтѣ. Такова безкорыстная любовь,—и какъ же младенцу не отвѣтить на нее любовью? Младенецъ, отрокъ, юноша, зрѣлый мужъ,—сынъ навсегда останется таковымъ по отношенію къ матери и не долженъ «оставлять свою къ ней первую любовь» (ср. Апок. 2, 4). А если послушать голоса современной антропологіи (изъ устъ достойнѣйшихъ ея представителей), то еще болѣе станетъ ясною причина, по которой должно чтить свою мать. Предоставляя спеціалистамъ спорить о временахъ и срокахъ міротворенія, обратимъ вниманіе на главнѣйшее, составляющее нравственную красоту человѣчества, о чемъ у насъ такъ любятъ распространяться,—на происхожденіе гуманности, или, по другому выраженію, *альтруизма*. Послѣдній имѣетъ свою очень продолжительную генеалогію и культивированъ, главнымъ образомъ, матерью. По словамъ Генри Друммонда, «переходъ отъ дружества (Other—ism) въ физіологическомъ смыслѣ къ альтруизму въ моральномъ совершается въ связи съ измѣненіемъ естественной задачи той, для которой предназначена борьба за жизнь другихъ. Выражаемая однимъ великимъ словомъ, эта задача—*материнство* (Maternity), представляющее собою только видоизмѣненную и перенесенную въ нравственную область борьбу за жизнь другихъ. Если прослѣдить развитіе материнства, начиная съ его обнаруженія на низшихъ ступеняхъ природы, и затѣмъ посмотрѣть на его возвышенныя качества въ человѣческомъ родѣ, то его характеръ, а равно и характеръ процессовъ его развитія предстанутъ въ ихъ совершенной божественности. По отношенію къ чему материнство служитъ матерью? Къ дѣтямъ? Нѣтъ, ибо они являются только покровомъ его духовнаго обнаруженія. Къ аффекціи между мужемъ и женой? Нѣтъ, ибо аффекція, вопреки общепринятому мнѣнію, имѣетъ мало мѣста въ первоначальныхъ сексуальныхъ отношеніяхъ. Къ чему же? Къ самой любви, къ любви, какъ къ любви, къ любви, какъ къ

жизни, къ любви, какъ къ гуманности, къ любви, какъ къ чистому и неиспорченному роднику всего того, что̀ только имѣется вѣчнаго въ этомъ мірѣ» [1]). «Природѣ было легче, въ тысячу разъ легче, произвести милліонъ дѣтенышей, нежели одну мать» [2]). Нельзя не почтить «вѣчное въ этомъ мірѣ», и, по естественной близости къ своей матери, дѣти, прежде другихъ обязаны ей почитаніемъ. Такъ быть должно по Божескимъ и по человѣческимъ законамъ.

Предоставляя дѣтямъ самимъ поразмыслить о causa efficiens почитанія родителей, пятая заповѣдь ясно говоритъ объ его causa *finalis*: *для чего* дѣти должны чтить ихъ? Къ послѣднему вопросу мы и перейдемъ теперь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Двѣ части обѣтованія и взаимоотношеніе ихъ.—Обезпечиваемыя правильнымъ дѣтскимъ воспитаніемъ душевныя качества въ значеніи моральнаго „блага".—Отрицательное доказательство въ возмездіи дѣтей родителямъ, нарушавшимъ требованіе заповѣди.—Генезисъ патріотизма, начиная съ дѣтской колыбели.—Отношеніе послѣдняго къ „всечеловѣчеству".—Литературныя справки.

Обратимся къ *обѣтованію*. Оно состоитъ изъ *двухъ частей*: «да *благо* [3]) ти будетъ»—это первая часть, а «да *долголѣтенъ* будеши на земли»—вторая, совокупностью которыхъ образуется одно нераздѣльное цѣлое. Обѣ части соединены между собою не внѣшне, а внутреннею органическою связью: изъ «да благо ти будетъ» естественно слѣдуетъ земное долголѣтіе, какъ и наоборотъ послѣднимъ предполагается первое, т. е. «благо». Добродѣтель и награда соединены здѣсь не такъ, какъ въ другихъ случаяхъ. Напримѣръ, земледѣльцу говорятъ: трудись, какъ можно усерднѣе, надъ обработкою пашни, чтобы она принесла тебѣ большій урожай; или коммерсанту: умѣй «показать товаръ лицомъ», чтобъ получить больше прибыли; солдату:

---

[1]) *Drummond Henry*, The Lowell Lectures on the Ascent of Man. London, 1906. p. 331.

[2]) Тамъ же, стр. 348.

[3]) jîtab „хорошо будетъ"—3-е лицо единств. числа (безлично) несовершеннаго времени (2-го аориста) 1-й формы (калъ) отъ глагола jatab—„быть хорошимъ", а глаголъ отъ прилагательнаго tôb „хорошій" въ смыслѣ: „угодный, пріятный, соотвѣтствующій идеалу, добрый, благостный, счастливый"; здѣсь: „чтобы тебѣ быть счастливымъ".

сражайся отважнѣе, чтобы украситься знакомъ военнаго отличія; или общественному дѣятелю: чаще появляйся въ публичныхъ собраніяхъ, чтобъ достать себѣ громкую извѣстность и т. д. Дѣйствія въ приведенныхъ примѣрахъ довольно внѣшне связаны съ наградами, и, по свидѣтельству многократнаго опыта, очень многіе поступаютъ по такимъ правиламъ «житейской мудрости», пожиная, подчасъ, гдѣ не сѣяли, и собирая, гдѣ не расточали (Мѳ. 25, 24). Вѣдь сколько на свѣтѣ такихъ баловней счастья, героевъ безъ подвиговъ, сановниковъ безъ заслугъ, знаменитостей по бездѣлью, милліонеровъ изъ-за обманутаго довѣрія другихъ! По числу ихъ «цѣлый обликъ» (Евр. 12, 1), а по дѣламъ они—«безводныя тучи» (Іуд. 12).

Если внимательно вглядѣться въ семейную жизнь, то обѣщанное благо усмотрится въ ней такъ же ясно, какъ, напримѣръ, кратчайшее разстояніе между двумя точками въ прямой линіи, или теплота въ огнѣ, польза въ разумномъ трудѣ и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, уже съ издѣтства подчиненіе младшихъ старшимъ служитъ лучшимъ *воспитаніемъ воли*, этой величайшей силы человѣческаго духа. Кто предварительно не научился повиновенію самъ, тотъ никогда не будетъ въ силахъ повелѣвать другими—не слѣпо и деспотически, а такъ, какъ это требуется разумностью нашей природы. Избалованный безхарактерными родителями и привыкнувшій своевольничать можетъ сдѣлаться капризнымъ тиранномъ, несноснымъ деспотомъ, врагомъ всякаго повиновенія Божескимъ и человѣческимъ законамъ, но только не „повелителемъ“ въ подлинномъ значеніи этого слова. Чтобы первенствовать, для этого необходимо быть всѣмъ слугой (Мр. 10, 43). И лишь таковой окажется полезнымъ гражданиномъ своей страны; что же до своевольныхъ дѣтей, то нѣтъ данныхъ уповать на ихъ полезное для общества гражданство. Неутомимые глашатаи гражданской свободы, они первые посягнутъ на нее, что и доказывается тысячекратными примѣрами.

Обращаясь къ любой другой способности, напримѣръ, къ *совѣсти*, еще разъ убѣдимся въ неоцѣненныхъ услугахъ ея воспитанія по смыслу пятой заповѣди. Еще не родившійся на свѣтъ, а только формирующійся въ материнской утробѣ младенецъ живетъ одною жизнью съ матерью, и его маленькое сердце бьется въ унисонъ съ ея сердцемъ. Вспомните чудное повѣствованіе евангелиста о свиданіи Богоматери съ праведною Елисаветой и, особенно, эти трогательныя строки: «се бо

яко бысть гласъ цѣлованія Твоего (Маріина) во ушію моею, взыграся младенецъ радощами во чревѣ моемъ» (Лк. 1, 44), и вы поймете, что, подлинно, въ разсматриваемомъ, какъ и въ подобныхъ ему, случаяхъ «сердце сердцу вѣсть подастъ». Дивно-премудрымъ своимъ устроеніемъ сама природа сроднила, только не слила, между собою двѣ души, двѣ совѣсти, не для того, чтобы потомъ порвать родственную между ними связь, а для другого (природа, вѣдь, ничего не творитъ напрасно), чтобы и по рожденіи своемъ младенецъ почиталъ родившую его вначалѣ безсознательно, а потомъ, когда придетъ въ разумъ и сознательно. Смотрѣть всегда въ любвеобильные глаза матери своей, говорить ей чистую правду, не допускать никакой лжи и притворства,—какъ все это естественно и въ то же время плѣнительно и какъ высокополезно для будущаго гражданина! Счастливы и сладостны эти блаженные часы духовнаго единенія дѣтей съ своей матерью, цѣлительна эта, наступающая иногда послѣ продолжительнаго молчанія, исповѣдь на ея груди, очистительны покаяныя слезы, ибо онѣ являются «омывающею совѣсть банею» (Акаѳ. Пр. Богор., Ик. 11). Еслибъ мы продолжили разсмотрѣніе другихъ душевныхъ способностей младенца, то опять убѣдились бы въ чрезвычайно-благодѣтельномъ вліяніи на нихъ родителей. Съ измлада привитое почтеніе къ послѣднимъ, повиновеніе, подчиненіе имъ дѣтской воли, охраненіе ихъ чести и достоинства, покорность и преданность имъ, безпрекословное исполненіе ихъ приказаній, предупредительность и вѣжливость, сдержанность въ сужденіяхъ и поступкахъ, чувство тѣснѣйшаго родства и солидарности,—вѣдь это неоцѣненныя *моральныя блага*, служащія украшеніемъ и счастьемъ человѣческой души не только во время пребыванія дѣтей подъ родительскимъ кровомъ, но и «въ долготу дней» ихъ общественнаго служенія. Тѣмъ болѣе необходимо помнить объ этомъ, что, по словамъ нашего выдающагося психіатра, «новѣйшія наблюденія надъ развитіемъ въ раннемъ дѣтствѣ открыли фактъ чрезвычайной важности, состоящій въ томъ, что многія неправильности въ характерѣ человѣка и въ его способностяхъ получаютъ свое начало въ раннюю пору, въ первые мѣсяцы и годы жизни и ведутъ къ стойкимъ особенностямъ душевнаго склада будущаго взрослаго человѣка» [1]). Повторяемъ,

---

[1]) *Сикорскій И. А.*, проф.: Психологическія основы воспитанія. Рѣчь произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Второго Съѣзда Отечествен-

что правильно развитыя душевныя способности въ дѣтствѣ составятъ цѣлый капиталъ на всю трудовую жизнь молодого поколѣнія, когда оно призвано будетъ вершить ея судьбы; явятся тѣмъ самымъ «благомъ», которое обѣщано дѣтямъ за исполненіе пятой заповѣди,—и не напрасно, потому что нѣтъ еще ничего другого на свѣтѣ прекраснѣе душевной красоты. Въ какую страшную бездну паденія ни устремлялись бы люди, даже и въ такомъ состояніи, а, можетъ быть, благодаря ему и утратѣ *своего* «блага», они особенно высоко цѣнятъ его въ другихъ и потому относятся къ нимъ съ подобающимъ уваженіемъ.

Твердая воля, чистая совѣсть! Произнося эти слова, не проникнемся ли мы глубокимъ уваженіемъ, больше того: благоговѣніемъ къ высокимъ носителямъ названныхъ качествъ? И, далѣе, какимъ болѣе подходящимъ именемъ назовемъ эти качества, какъ только «*благомъ*»? Да, они—благо, превосходящее все другое, такъ высоко цѣнимое людьми въ земномъ мірѣ! Этихъ-то, именно, благъ и не достаетъ современному поколѣнію, а безъ нихъ всѣ напряженныя усилія и всѣ огромныя затраты для житейскаго строительства не приведутъ къ желанной цѣли.

Чего не знаешь самъ, тому не научишь другого: «если слѣпой поведетъ слѣпого, то оба упадутъ въ яму» (Мѳ. 15, 14). Не научившійся чтить родителей въ молодости и самъ, когда будетъ имѣсь своихъ дѣтей, не преподастъ имъ спасительной заповѣди. Что посѣялъ, то и пожнетъ. Рано ли, поздно ли, а наступитъ время тяжкаго *возмездія*, исполнителями котораго явятся собственныя же дѣти. Трагизмъ положенія начнется съ ихъ непослушанія родительской волѣ, съ презрѣнія ихъ къ совѣтамъ и распоряженіямъ старшихъ, съ грубыхъ и злостныхъ надъ ними насмѣшекъ и издѣвательствъ, пока отъ словъ дѣти не перейдутъ къ самому дѣлу и не подымутъ рукъ не только на родительское стяжаніе, но и на честь, на общественное положеніе и, даже, на самую жизнь имъ давшихъ ее. А каково будетъ душевное состояніе такихъ родителей, и какими словами горечи и раздраженія могутъ они, подчасъ, разражаться противъ непочтительныхъ дѣтей,—пусть скажетъ объ этомъ

ныхъ Психіатровъ въ Кіевѣ профессоромъ Психіатріи при Университетѣ Св. Владиміра. Кіевъ, 1905, стр. 3.

выводимая великимъ драматургомъ обиженная мать. Вотъ ея проклятья родному сыну:

„Родился ты, чтобъ превратить міръ Божій
Мнѣ въ темный адъ. Твое рожденье стало
Мнѣ бременемъ. Ребенкомъ своеволенъ
Ты былъ и золъ; въ года ученья буенъ,
Капризенъ, грубъ; въ дни юности вселились
Въ тебя порывы дерзости, вражды;
Когдажъ достигъ ты зрѣлыхъ лѣтъ—проникся
Коварствомъ весь, неумолимой жаждой
Лить кровь людей, и это все скрывалъ
Наружнымъ лишь смиреньемъ. Въ самой злости
Казался добрымъ ты, чѣмъ сдѣлалъ злость
Свою еще опаснѣй.—Былъ ли мигъ,
Когдабъ могла сказать я, что вкусила
Покой въ твоемъ присутствіи?
Жилъ ты кровью
Всю жизнь свою,—въ крови погибнешь самъ“! [1])

Однако, этимъ далеко еще не исчерпывается содержаніе завѣщаннаго блага. По многократному опыту извѣстно, что, любя человѣка, мы вмѣстѣ любимъ и то, что такъ или иначе связано съ нимъ, особенно, когда провожаемъ его въ «страну, откуда нѣтъ возврата». Въ такомъ случаѣ даже самый ничтожный предметъ становится для насъ драгоцѣнною святыней. Нѣчто подобное происходитъ и въ благоденствующей семьѣ. Вмѣстѣ съ почтительностью къ родителямъ возгарается любовь и къ родному *дому*. Это происходитъ вначалѣ безсознательно. Вотъ, предъ нами питающійся у материнской груди младенецъ, потомъ безмятежно почивающій въ своей колыбели. Маленькая, завѣшенная пологомъ, темненькая, послѣдняя представляетъ для почивающаго въ ней, какъ и для бодрствующаго, цѣлый міръ. Это—его *отечество*, которое онъ начинаетъ любить и къ которому привязывается, потому что чувствуетъ себя здѣсь очень спокойно. Пройдутъ нѣсколько мѣсяцевъ,—дѣтскій міръ постепенно начинаетъ расширяться: отъ колыбели онъ возрастаетъ до размѣровъ *хаты*, потомъ своего *двора*, цѣлой *деревни* съ ея окрестностями, далѣе—мѣстной *волости*, *уѣзда*, *губерніи*, мѣстнаго *края* и, наконецъ, родного *отечества*. Непрерывный процессъ развитія сыновней любви къ

---

[1]) *Шекспиръ*, Король Ричардъ III, слова герцогини. Пер. Соколовскаго. Спб., 1896, Т. VI, стр. 381.

родинѣ происходитъ съ такою же постепенностью, какъ, напримѣръ, незамѣтное произрастаніе злака изъ сѣмени, «ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ» (Мр. 4, 28), причемъ последующее обусловливается предшествующимъ. Такъ и въ духовномъ мірѣ одно соединено съ другимъ органически: послѣдующія стадіи обусловлены предшествующими, но всѣ онѣ—изъ одного зерна, слѣдовательно, и любовь къ отечеству. Другими словами, *патріотизмъ — это только старшій (по значенію) братъ первоначальной любви къ колыбели.* Онъ настолько же законорожденный сынъ, какъ и та—законная дочь естественной любви къ родному гнѣзду. Поэтому совершенно неправы тѣ бездомники или (какъ называютъ ихъ) «космополиты», для которыхъ слово «патріотизмъ», — звукъ пустой. Нѣтъ, это не звукъ, а подлинная, неискалѣченная предвзятыми теоріями, дѣйствительность! Не звукъ, а пламенная любовь къ родному очагу, какимъ бы незначительнымъ ни представлялся онъ для стороннихъ зрителей. Пусть для другихъ онъ ничтоженъ,—для родившагося дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе: «палату убо гноище вмѣняше»—выраженіе до нѣкоторой степени примѣнимое и къ разсматриваемому случаю.

«*Линейная* безконечность семьи можетъ находить свою нравственную полноту лишь въ другомъ болѣе широкомъ цѣломъ, какъ и геометрическая линія реализуется только какъ предѣлъ плоскости, которая для линіи есть то же, что сама линія для точки. И если нравственная точка—единственное лицо—имѣетъ настоящую дѣйствительность только какъ носитель родового преемства, то и вся линія этого преемства получаетъ реальное содержаніе бытія ближайшимъ образомъ лишь въ связи со множествомъ собирательно сосуществующихъ семей, составляющихъ *народъ*. Если мы все наше физическое и духовное достояніе получили отъ отцовъ, то *отцы* имѣли его только чрезъ *отечество*. Семейныя преданія суть дробь преданій народныхъ, и будущность семьи нераздѣльна съ будущностью народа. Поэтому необходимо почитаніе отцовъ переходитъ въ почитаніе отечества, или патріотизмъ, и семейное воспитаніе примыкаетъ къ воспитанію національному» [1]).

Только тотъ, кто научился любить свой, хотя бы и убогій, домъ, способенъ оцѣнить такъ же и въ другихъ соотвѣт-

---

[1]) *Соловьевъ. Вл. С.*, собран. сочин., т. VIII, стр. 434).

ствующую этому любовь къ родному дому. Только тотъ, кто возрастилъ въ себѣ патріотизмъ, въ состояніи понять и оцѣнить его такъ же и въ другихъ. Какъ невозможно уважать ближнихъ, предварительно не научившись уважать себя самого, т. е., чтить свое человѣческое достоинство и жить сообразно съ нимъ, такъ и въ гражданской области одни *только патріоты способны къ «всечеловѣческой» любви.* Истинная жизнь распространяется *отъ центра къ периферіи,* а не наоборотъ. «Несчастіе Рудина (безпріютнаго космополита) состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это точно большое несчастіе. *Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись.* Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! Космополитизмъ—чепуха, космополитизмъ—нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ» [1])!

Но любить родину; отечество, любить народъ свой, вѣру, преданія, родную исторію, добрые обычаи, — развѣ это не «благо»? Великое и неоцѣненное! Въ томъ-то и бѣда, что мы разучились этой отеческой добродѣтели и, въ погонѣ за «всеобъемлющею» любовью, и этой не достигли, и патріотизмъ вытравили.

Всякому государству полезны великіе, а не обиженные душой люди; нужны зиждущіе, а не разрушающіе граждане, истинные патріоты, а не безличные утописты. Какъ въ міровой жизни, по извѣстной формулѣ, *побѣждаютъ только сильные,* а слабые представляютъ собою «погибельную массу», такъ и въ политикѣ только однѣ сильныя натуры выходятъ побѣдителями на поприщѣ міроваго соревнованія, будетъ ли оно мирнымъ, или воинственнымъ,—безразлично. Отсюда понятно, почему, въ связи съ указанными благами, или, какъ въ заповѣди, съ «благомъ» поставлено въ тѣсную связь долголѣтіе на земли. Послѣднее является естественнымъ слѣдствіемъ перваго, и другимъ быть не можетъ. Какъ должно происходить (и, дѣйствительно, происходитъ) въ маломъ, такъ и въ великомъ.

---

[1]) *Тургеневъ,* „Рудинъ“, см. Собр. соч., Моск., 1880, т. III, стр. 123.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Соціальное значеніе пятой заповѣди. — Безсиліе соціологіи къ уврачеванію общественныхъ золъ и необходимость обращенія къ содѣйствію морали. — Происхожденіе рабства изъ „хамства“. — Слова Златоуста.—Студенческія волненія и происхожденіе ихъ.—Письмо Хомякова.—Сравненіе нашего студенчества съ англійскимъ.—Заключеніе.

Преступно, поэтому, думать, что пятая заповѣдь имѣетъ въ виду благоустроеніе только одной семейной жизни и своимъ обѣщаніемъ «блага» утѣшаетъ будущимъ почтительныхъ дѣтей исключительно въ положеніи членовъ взятой семьи. Заповѣдая почитаніе родителей, Господь прозрѣваетъ весьма далеко впередъ, въ то отдаленное будущее, когда, не порывая связи съ родителями и сдѣлавшись взрослыми, дѣти выступятъ за порогъ родного дома на общественную дѣятельность и станутъ полноправными гражданами. Иначе говоря, сфера дѣйствія пятой заповѣди простирается за ограниченный кругъ семьи въ *соціальную* область. Намѣренно говоримъ: «соціальную», чтобы самымъ терминомъ возбудить (такъ или иначе, а возбудить необходимо) вниманіе къ первостепенной важности предмету. Ибо, спрашивается, чѣмъ болѣетъ современное общество? Неумѣніемъ наладить и регулировать соціальныя отношенія между отдѣльными общественными группами и единичными лицами. Вотъ почему самою модною наукой современнаго человѣчества является соціологія,—модною, хотя, къ сожалѣнію, безсильною преодолѣть укоренившееся зло. Не даромъ гр. Л. Толстой безпощадно высмѣялъ эту модную науку, «состоящую», по его словамъ, «въ изученіи того, какъ различно дурно жили прежніе люди», отъ чего, разумѣется, нисколько не легче живется теперешнимъ [1]). Не отрицая относительнаго значенія этой науки, при болѣе внимательномъ взглядѣ на общественную жизнь, корень зла легко увидѣть въ нерадѣніи о другой, болѣе важной, наукѣ о томъ, какъ жить въ семьѣ и какъ научить дѣтей почитанію своихъ родителей, а потомъ и старшихъ, на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни. Изъ-за соціологіи не надо забывать (назовемъ въ соотвѣтствіи съ нею эту другую науку новымъ терминомъ) «*икологіи*». Если кто не научился основнымъ добродѣтелямъ въ родной семьѣ, то не помогутъ бѣдѣ ни-

---

[1]) *Толстой Л. Н.*, Возстановленіе ада. Берлинъ, 1903, стр. 39.

какія соціологіи. Для подтвержденія сказаннаго обратимся къ животрепещущему вопросу о порабощеніи богатыхъ бѣдными и сильными слабыхъ, или, въ болѣе широкомъ масштабѣ, о соціальномъ рабствѣ. По словамъ соціологіи, послѣднее возникаетъ на почвѣ неравномѣрнаго распредѣленія труда и капитала, или, общѣе, *матеріальныхъ* благъ. Нѣтъ спору, что изъ этого рождаются великія общественныя бѣдствія, вражда классовъ, непримиримая между ними злоба, грабежи, насилія и убійства, вопіющіе пороки и полная нравственная разнузданность. Однако, это еще не все, корень зла лежитъ глубже; забыто *главное*: вѣдь надъ матеріальнымъ возвышается *нравственное*, т. е., то, выше чего нѣтъ еще другого на свѣтѣ. Невольно закрадывается въ сердце сомнѣніе: не здѣсь ли, именно, въ попраніи нравственнаго закона, корень зла? И не родилось ли зло раньше, чѣмъ появилась на свѣтъ экономическая зависимость?

Основательный отвѣтъ мы находимъ у человѣка, нравственная зрѣлость котораго стоитъ неизмѣримо выше очень многихъ изъ современныхъ печальниковъ общественныхъ золъ, а что касается умственной (образовательной), то она стоитъ выше всякихъ подозрѣній. Разумѣемъ одного изъ свв. отцовъ четвертаго вѣка. «Вамъ надобно узнать, откуда произошло рабство», произноситъ Златоустъ въ одномъ изъ своихъ словъ. «Спустя немного времени (послѣ потопа) взошелъ проклятый сынъ его (Ноя) и увидѣлъ наготу отца. Слѣдовало бы прикрыть ее, накрыть платьемъ, ради старости, ради горя, ради несчастія, ради того, что это—отецъ его (Хама); а онъ вышедши разгласилъ и сдѣлалъ изъ того печальное зрѣлище. Но прочіе братья его, взявъ одежду, вошли, смотря назадъ, чтобы не видѣть того, о чемъ разглашалъ тотъ, и прикрыли отца. Послѣдній, вставши, узналъ все и сталъ говорить: „проклятъ Ханаанъ отрокъ: рабъ будетъ братіямъ своимъ“ (Быт. 9, 25). Смыслъ словъ его такой: ты будешь рабомъ, потому что обнаружилъ срамоту отца своего. Видишь ли, что *рабство—отъ грѣха, что отъ нечестія произошло рабство*?» [1]. Хамъ смѣется надъ наготою отца, смѣется потому, что, по глубоко-вѣрному замѣчанію русскаго философа исторіи, «его собственное нравственное чувство не оскорблено. Въ его смѣхѣ

---

[1] *Златоустъ*, Творен. въ рус. пер., Спб., 1895, Т. I, стр. 851.

есть сочувствіе съ міромъ вещественнаго упоенія: *онъ не зналъ стыда»* [1]).

Въ томъ-то и состоитъ главная бѣда, что хамы и подобные имъ не знаютъ стыда; ихъ совѣсть потемнена; она сговорчива на низости, входитъ въ сдѣлку съ чувственностью, этимъ ядовитымъ порожденіемъ нравственнаго одичанія, и услаждается тѣмъ, отъ чего бѣжитъ прочь цѣломудріе. Ясно, что и съ молоду, и въ зрѣлости хамы остаются, обыкновенно, вѣрными себѣ самимъ и, отверженные въ семьѣ, являются негодными отщепенцами и въ обществѣ. Тутъ не помогутъ никакія экономическія уравненія, никакая самая модная соціологія, а вся надежда возлагается только на одно *нравственное, издѣтства прививаемое, воспитаніе*, краеугольнымъ камнемъ котораго служитъ разсматриваемая заповѣдь.

Обратимся къ докучнѣйшему явленію нашихъ дней—студенческимъ волненіямъ и спросимъ: изъ какого источника проистекаютъ они? Ужъ черезчуръ легкомысленно было бы отвѣтить: изъ «гражданской скорби» молодежи по нестроенію въ общественной жизни, ибо одно зло не вылечить множествомъ другихъ. Да и что смыслятъ молодые люди въ политической области? Можно сказать: ничего, потому что гражданская зрѣлость воспитывается самою жизнью, а не заимствованнымъ изъ печати или изъ устъ добровольныхъ «страстотерпцевъ» резонерствомъ; она рождается въ процессѣ житейскаго п о д в и г а, изъ не краткаго и, подчасъ, мучительнаго опыта. Ничего подобнаго нѣтъ въ нашихъ юныхъ реформаторахъ, за то сколько самоувѣренности, нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ, сколько нелѣпаго отрицанія религіозной и всякой другой вѣры, добрыхъ обычаевъ и т. д. И все это, главнымъ образомъ, отъ недостатка семейнаго воспитанія, отъ небреженія заповѣдью, предусматривающей горькія послѣдствія сыновней непочтительности. Но постоянно происходящія волненія молодежи—развѣ это не соціальный вопросъ, и развѣ можно теперь сомнѣваться въ тѣснѣйшей связи между соблюденіемъ пятой заповѣди и всѣмъ наскучившими, а еще болѣе всѣхъ удручающими волненіями со стороны юной надежды нашего общества? Горе обществу, живущему ея обманчивымъ пустоцвѣтомъ! Рано ли, поздно ли, но только наступитъ пора тяжелаго пробужденія,

---

[1]) *Хомяковъ А. С.*, Зап. о всемірн. исторіи, см. Полн. собр. сочин., изд. третье, Москва, 1900, Т. V, стр. 266.

и какими горькими упреками себѣ самому разразится общество, теперь не «восхотѣвшее разумѣть» времени исключительнаго Божьяго посѣщенія. Чѣмъ жить на вулканѣ, несравненно лучше позаботиться объ исцѣленіи отъ этого соціальнаго недуга. Но, по справедливому замѣчанію Хомякова, *«болѣзни не вылечишь, не узнавъ ея причины»*. «Позволяю себѣ сообщить вамъ», пишетъ онъ графинѣ А. Д. Блудовой, «свое мнѣніе. Во время оно въ Россіи преобладало *семейное* воспитаніе. Правительство, усомнившись въ просвѣщеніи молодыхъ дворянъ, положило имъ экзамены, такъ называемые комитетскіе. Видя злоупотребленіе этихъ экзаменовъ, оно отмѣнило ихъ и потребовало ото всѣхъ университетскаго курса. Семейное воспитаніе было стѣснено, но не совсѣмъ еще уничтожено: для студента оставалась возможность оставаться еще при семьѣ своей, или примыкать къ чужой семьѣ. Наконецъ, оподозрѣны и университеты, и свобода воспитанія: всѣ привилегіи, всѣ мѣста по службѣ предоставлены замкнутымъ школамъ. Дѣти чуть-чуть не изъ пеленокъ переданы въ казармы общественнаго воспитанія; дѣти оторваны окончательно и навсегда отъ заподозрѣнной семьи, отъ привычекъ и отъ святости семейной жизни; семьѣ объявлено во всеуслышаніе, что она недостойна правительственнаго довѣрія, и что образованіе слугъ правительственныхъ можетъ совершаться благонадежно только въ фаланстеріальномъ устройствѣ замкнутыхъ школъ; *премія дана коммунистическому началу*, и сильнѣйшій оплотъ противъ него уничтоженъ. Дальнѣйшій выводъ сдѣлаете вы сами; но даю вамъ слово, что *сынъ мой не будетъ лишенъ семьи*, хотя бы ему пришлось отказаться отъ всякой службы государственной. Этого требуетъ отъ меня совѣсть, *этого требуютъ начала Русской жизни, которыхъ корень въ семьѣ»* [1]).

Какъ и въ настоящемъ случаѣ неподражаемъ св. Златоустъ. Читая его пламенную проповѣдь, направленную противъ тогдашнихъ возмутителей, невольно поддаешься впечатлѣнію, что она пророчески сказана въ назиданіе и нашему времени. «Бесѣдущій и съ земнымъ царемъ говоритъ только о томъ, о чемъ тотъ хотѣлъ бы слышать», поучаетъ св. отецъ, «а ты, бесѣдуя съ Царемъ царствующихъ, разговариваешь о грязи, о пыли и паутинѣ? Но, скажешь, дѣла и управленіе находятся

---

[1]) *Хомяковъ А. С.*, Полн. собр. сочин. Москва, 1900, Т. VIII. стр. 393—394.

въ худомъ положеніи; о нихъ мы и говоримъ много, и сильно безпокоимся. Какая же причина? Отвѣтишь: неблагоразуміе правителей? Не неблагоразуміе правителей, а наша грѣховность. Она низвратила дѣла, она привлекла всѣ бѣдствія, она вооружила враговъ, она доставила намъ пораженіе. Не отъ чего-нибудь другого постигъ насъ рядъ бѣдствій, какъ только отъ этой причины. Хотя бы нашимъ правителемъ былъ какой-нибудь Авраамъ, хотя бы Моисей, хотя бы Давидъ, хотя бы мудрѣйшій Соломонъ, хотя бы праведнѣйшій изъ всѣхъ людей, но если мы живемъ худо, то все другое безразлично въ отношеніи къ причинѣ золъ. Какъ и какимъ образомъ? Если бы онъ былъ изъ числа людей беззаконнѣйшихъ и поступающихъ безразсудно и безчинно, то вѣдь наше собственное безразсудство и безчинство произвели такого правителя. Получать правителей по сердцу своему значить не что иное, какъ то, что мы, согрѣшивъ напередъ, получаемъ такого и предстоятеля, будетъ ли онъ изъ лицъ церковныхъ, или изъ мірского званія. А, съ другой стороны, хотя бы онъ былъ весьма праведенъ, и такъ праведенъ, что равнялся бы добродѣтелью съ Моисеемъ, — его личная праведность не можетъ покрыть безмѣрныхъ грѣховъ подчиненныхъ. Это можно ясно видѣть на примѣрѣ самого Моисея, который много страдалъ за израильтянъ и усердно молилъ за нихъ Бога, чтобы наслѣдовали обѣтованную землю; но такъ-какъ они собственными грѣхами сдѣлали себя недостойными этого обѣтованія, то молитва его не могла измѣнить праведнаго опредѣленія Божія, по которому весь народъ погибъ въ пустынѣ. Между тѣмъ, кто праведнѣе Моисея? Хотя и говорится въ Писаніи, что „много можетъ молитва праведнаго“ (Іак. 5, 16), однако „поспѣшествуема“, т. е., воспособляемая раскаяніемъ и исправленіемъ тѣхъ, за кого возносятся. А у кого образъ жизни нераскаянный и неисправимый, тѣмъ какъ можетъ она принести помощь, когда они сами препятствуютъ этому своими дѣлами» [1])?

Къ сожалѣнію, мы живемъ въ такое время, въ которое „широкіе круги“ отчужденнаго отъ церкви общества съ полнымъ упованіемъ взираютъ на «*интеллигентовъ*», особенно на университетскихъ, и ожидаютъ отъ нихъ руководственнаго слова въ важныхъ вопросахъ культуры и жизни. Но если повнима-

[1]) *Златоустъ*, Творенія въ рус. перев. Спб., 1900, т. VI, стр. 386.

тельнѣе всмотрѣться въ этихъ «интеллигентовъ», то окажется, что едва ли еще когда было такое время, когда ученый былъ менѣе, чѣмъ теперь, готовъ къ принятой имъ на себя руководящей роли. Никогда еще господство односторонней спеціализаціи не являлось столь преобладающимъ, какъ теперь.—и даже самая философія, нѣкогда съ высокой башни стремившаяся обозрѣть и осмыслить цѣлую жизнь, теперь такъ же грозитъ роковымъ распаденіемъ на множество спеціальныхъ дисциплинъ. Съ научной точки зрѣнія это, можетъ быть, и необходимо, но только находится въ яркомъ противорѣчіи съ громкимъ лозунгомъ нашихъ дней, по которому культурноруководящую роль церкви приняла на себя наука. Дженна Эдемсъ, основательница Hull-house-settlements въ Чикаго, справедливо замѣчаетъ: «современные ученые всячески утоляютъ жажду къ такому знанію, которое не состоитъ ни въ какомъ отношеніи къ дѣйствительной жизни, и передаютъ шарлатанамъ рѣшеніе проблеммъ, особенно глубоко затрогивающихъ человѣческое благополучіе». Оборотную сторону медали, къ сожалѣнію, составляетъ другой фактъ: въ нашихъ высшихъ школахъ, наряду со многими полезными занятіями, довольно много времени удѣляется такъ же и *духовной праздности*, усердной разработкѣ задачъ, не состоящихъ ни въ въ какомъ отношеніи къ насущнѣйшимъ культурнымъ запросамъ. Если бы наши молодые академики со времени своего студенчества прониклись болѣе глубокимъ сочувствіемъ къ *дѣйствительному* человѣку и къ дѣйствительнымъ состояніямъ общества, то отсюда проистекла бы такая, именно, польза, что сама наука обогатилась бы живыми проблеммами, а при выборѣ научныхъ занятій обратило бы больше вниманія на различіе между главнымъ и второстепеннымъ. Теперь много разсуждаютъ объ академической важности, которая должна удерживать университетъ отъ слишкомъ близкаго соприкосновенія съ конкретными житейскими обстоятельствами. Но въ томъ ли, дѣйствительно, состоитъ истинное величіе духа, чтобы бѣжать отъ міра, а не въ другомъ ли, наоборотъ, чтобы въ самую жизнь вносить это величіе и облагораживать ее?

Мы, находящіеся на материкѣ академики, съ завистью смотримъ на замѣчательныя благотворительныя учрежденія при англійскихъ университетахъ и на многомиллюнныя пожертвованія американскихъ крезовъ въ пользу высшихъ школъ. Но сами же мы и виновны въ томъ, что у насъ дѣло обстоитъ

иначе, потому что народъ только тогда участливо отнесется къ университетамъ, когда и эти послѣдніе, въ свою очередь, примутъ участіе въ народѣ—не одними словами, но и дѣлами. Арнольдъ Тойнби (извѣстный англійскій меценатъ) сказалъ однажды: „если народъ не въ состояніи достигнуть университетовъ-то *университеты должны придти къ народу*". Вотъ этимъ-то духомъ и проникнуто распространившееся въ Англіи и Америкѣ „University extension—movement". Названное движеніе родилось во время крайняго недовѣрія рабочихъ классовъ по отношенію къ просвѣщеннымъ и своимъ главнѣйшимъ слѣдствіемъ имѣло примиреніе народа съ носителями духовной культуры, которые, дѣйствительно, житейскимъ опытомъ научились тому, какъ и чѣмъ слѣдуетъ служить родному народу и о чемъ съ пользой разсуждать въ представительныхъ учрежденіяхъ» [1]).

Съ первыхъ дней студенчества знакомящіеся съ подлинными духовными и матеріальными потребностями своего народа, *тамошніе студенты*, далеки отъ бурныхъ выступленій съ взятыми на прокатъ программами и не склонны рядиться въ реформаторскія тоги, съ провозглашеніемъ гибели всему, что́ свято чтитъ и чѣмъ, какъ зеницей ока, дорожитъ простой народъ. Правильно воспитанная англо-американская молодежь больше, чѣмъ кто другой, чтитъ свои святыни и очень деликатна въ отношеніи къ народнымъ. Религія, вѣра, отечество законность, преданные обычаи, трудъ, трезвость, воздержаніе и под. добродѣтели являются лучшимъ украшеніемъ англо-американскаго юношества, обезпечивая за нимъ въ высшей степени плодотворное будущее, когда, по выходѣ изъ университетовъ, молодые люди вступятъ въ число полноправныхъ гражданъ и на серьезномъ дѣлѣ, дѣйствительно, докажутъ себя высокими народниками и патріотами.

Такова тамошняя молодежь, при болѣе внимательномъ взглядѣ на которую надобно признаться, что *секретъ* успѣшно производимаго ею дѣла коренится *въ исполненіи пятой заповѣди*, ибо что́ же другое, какъ не «чти отца твоего и матерь твою», можетъ означать это предупредительное отношеніе тамошняго студенчества къ народу, взятому въ его цѣ-

---

[1]) См. объ этомъ въ очень содержательной книгѣ: *Foerster Fr. W.*, Christentum und Klassenkampf. Sozialethische und sozialpädagogische Betrachtungen. Zürich, 1898, s. 55 ff.

ломъ, въ полнотѣ христіанской вѣры и житейскаго труда, праотеческихъ обрядовъ и обычаевъ, вкусовъ и симпатій, цѣлей и стремленій? И все это не отрицается безпощадно и съ злобнымъ издѣвательствомъ, во имя какого-то «невѣдомаго бога», не приносится въ жертву грубѣйшему матеріализму и нигилизму, а наоборотъ, культивируются и облагороживается. Когда-то отчужденные одинъ отъ другого, Уэстъ-и Ост-Лондонъ братски протянули другъ-другу руки,—и стучавшаяся въ ворота революція должна была покинуть эти страны и на европейскомъ материкѣ искать себѣ благопріятной почвы. Очень жаль, что берега Невы оказались для нея привѣтливѣе береговъ Темзы!. Впрочемъ, «подобаетъ бо и ересемъ быти» (1 Кор. 11, 19) не въ церковной только, но и въ гражданской жизни для того, чтобы явились «искусніи». Наученные горькимъ опытомъ, они будутъ жить своимъ русскимъ умомъ и твердою вѣрой въ необходимость практическаго осуществленія для человѣческаго благополучія дарованной заповѣди. Самъ Христосъ да «сниметъ покрывало съ ослѣпленныхъ» умовъ, и да озарятся они Господнимъ Духомъ, единымъ Подателемъ истинно-христіанской «свободы»! (2 Кор. 3, 14—17).

Протопресвитеръ **Е. Аквилоновъ.**

9 февраля 1911 г.

Рукописное преданіе славянской Библіи [1]).

Древне-славянская Библія, не смотря на 1000-лѣтнюю давность ея существованія, еще не удостоилась изданія. Это свидѣтельствуетъ о недостаточно внимательномъ отношеніи къ ней ученыхъ спеціалистовъ—филологовъ и богослововъ. Правда, филологи дали не мало изданій и изслѣдованій, посвященныхъ отдѣльнымъ славянскимъ текстамъ, но ихъ работы преслѣдуютъ спеціальную цѣль—уясненіе древне-славянскаго языка въ его историческомъ развитіи и нѣкоторыхъ, связанныхъ съ древнѣйшими текстами, культурно-историческихъ вопросовъ. Ученые богословы въ своихъ изслѣдованіяхъ по большей части обходятъ славянскій текстъ къ явному ущербу для своего метода. Они обычно уясняютъ библейскія темы путемъ разбора ихъ источниковъ при помощи всѣхъ вспомогательныхъ средствъ, какія доставляетъ современная наука, и преимущественно въ историческомъ пониманіи ихъ у толкователей, и въ древнихъ переводахъ, т. е. пользуются общенаучнымъ въ настоящее время методомъ исторической критики и анализа своихъ источниковъ. Но, какъ только дѣло касается славянскаго библейскаго текста, эти ученые немедленно замыкаются въ область, будто бы, абсолютной библейской истины въ еврейскомъ или греческомъ текстахъ—и историческаго анализа для оцѣнки показаній такого свидѣтеля, какъ 1000-лѣтній славянскій переводъ Библіи, у нихъ какъ ни бывало. Можетъ быть, этотъ крупный пробѣлъ въ работахъ нашихъ богослововъ-экзегетовъ объясняется тѣмъ, что

---

[1]) Рѣчь, произнесенная съ нѣкоторыми сокращеніями на годичномъ актѣ, 17 февраля 1911 г., въ актовомъ залѣ С.-Петербургской Духовной Академіи.

у нихъ нѣтъ подъ руками необходимаго матеріала для примѣненія надлежащаго историческаго метода къ славянской Библіи—у нихъ нѣтъ научнаго изданія славянскаго текста. Этимъ, повидимому, объясняется и недостаточное обслѣдованіе вопросовъ, касающихся нашей Библіи, и со стороны филологовъ-славистовъ [1]). Во всякомъ случаѣ предъ нами тотъ фактъ, что наука не только не можетъ въ настоящее время представить окончательнаго рѣшенія вопросовъ, касающихся славянской Библіи, но даже не въ состояніи поставить во весь ростъ тотъ рядъ задачъ, который исчерпалъ бы этотъ предметъ во всемъ его объемѣ и значеніи.

Мы беремъ въ настоящемъ случаѣ изъ этого возможнаго ряда одинъ вопросъ: *каково библейское значеніе древне-славянскаго перевода Библіи?* [2]).

Вопросъ этотъ еще съ XVIII в. толкаетъ въ двери славянской науки. Какъ только западная наука приняла на себя трудъ научнаго изданія греческаго библейскаго текста ветхаго и новаго завѣта, такъ немедленно взоры ученыхъ издателей обратились, между прочимъ, къ славянскому переводу Библіи. «Что можетъ дать для исторіи и установленія подлиннаго вида греческаго текста Библіи древній славянскій переводъ этого текста?»—ставили для себя вопросъ западные ученые библеисты. Въ отвѣтъ на это отъ своихъ московскихъ и петербургскихъ благожелателей и знакомыхъ пытливые изслѣдователи получали новое, по тогдашнему времени, изданіе Елизаветинской Библіи 1751 г. Но оно неспособно было дать отвѣтъ на предъявляемые къ славянскому тексту научные запросы. И западная наука жалуется, при объясненіи своихъ невольныхъ пробѣловъ въ изданіяхъ, на недостаточную отзывчивость и чуткость къ значенію своего исконнаго драгоцѣннаго достоянія со стороны русской науки и особенно высшей церковной власти. Такъ въ послѣдней четверти XVIII в. извѣстный ученый библеистъ Михаэлисъ въ своемъ Введеніи къ новозавѣтному тексту Св. Писанія выражалъ сожалѣніе о недоступности для него настоящаго древняго славянскаго перевода Новаго Завѣта съ

---

[1]) Академикъ И. В. Ягичъ особенно энергично указываетъ на отсутствіе научнаго изданія славянской Библіи, какъ на главную причину недостаточности ея разработки—Archiv. f. slav. Philologie 1902, XXIV, H 1—2. S. 254—262, Исторія славянской филологіи. СПБ. 1910, стр. 891 и друг.

[2]) Рѣчь идетъ о ветхозавѣтной части Библіи.

горячимъ пожеланіемъ, чтобы русскій Синодъ приложилъ попеченіе къ дѣлу изданія рукописныхъ библейскихъ текстовъ, при чемъ выражалъ надежду, что на «это великое дѣло» національнаго просвѣщенія члены Синода не пожалѣютъ ни усердія, ни денегъ [1]). Въ концѣ того же XVIII в. ученые англійскіе издатели капитальнаго, не замѣненнаго еще до настоящаго времени изданія греческаго текста ветхаго завѣта (1798 — 1827) Холмзъ и Парсонзъ пытались чрезъ профессора Маттэи ознакомиться въ московской патріаршей библіотекѣ, на ряду съ греческими рукописями, и съ славянскимъ текстомъ ветхозавѣтной Библіи, но, среди увлеченныхъ латынью тогдашнихъ преподавателей московской славяно-латинской академіи, желавшихъ заняться славянскими рукописями не нашлось, въ бѣломъ и монашествующемъ духовенствѣ таковыхъ также не оказалось, самъ Маттэи славянскаго языка не зналъ, и любознательнымъ англійскимъ ученымъ пришлось ограничиться привлеченіемъ въ свой ученый аппаратъ только печатнаго текста московскаго изданія 1759 г. и Острожской Библіи 1581 г. Переводъ и приспособленіе этого текста къ цѣлямъ изданія поручены были издателемъ двумъ лицамъ іудейскаго происхожденія, знавшимъ славянскій языкъ, и при ихъ посредствѣ западный ученый міръ получилъ возможность судить о подлинномъ славянскомъ текстѣ Библіи. Работа надъ славянскимъ текстомъ для этихъ сотрудниковъ была, видимо, недостаточно привычна: въ обратномъ ихъ переводѣ съ славянскаго языка на греческій встрѣчаются иногда не малые курьезы, въ родѣ истолкованія славянскихъ д о б р ы ꙗ д ѣ т и и д о б р ы ѧ д ѣ т е л и греческимъ выраженіемъ τὰ ἀγαθὰ παιδία, вмѣсто надлежащаго τὰς ἀρετάς. Показанія этихъ изданій въ такой обработкѣ зарекомендовали славянскую Библію въ глазахъ англійскихъ ученыхъ съ столь незаманчивой стороны, что, когда у современнаго намъ поколѣнія англійскихъ ученыхъ явилась похвальная мысль, на замѣну изданія Парсонза, черезъ 100 лѣтъ его почтенной службы наукѣ, выступить съ новымъ изданіемъ греческаго текста LXX, примѣнительно къ тѣмъ успѣхамъ, какіе оказала библіологія за 100 лѣтъ, то для славянской Библіи въ этомъ изданіи уже не нашлось мѣста [2]).

---

[1]) Einleitung in die göttlichen Schriften der N. T., Göttingen 1788, S. 518.

[2]) The Old Testament in greek, according to the Text of codex Vaticanus, supplemented from other uncial manuscripts, with a critical apparatus

Особенно энергично и научно обосновано было стремленіе къ ознакомленію съ древне-славянскимъ переводомъ Библіи знаменитаго геттингенскаго профессора († 1891) Павла де-Лагарда, острымъ чутьемъ намѣтившаго a priori совершенно правильно историческое мѣсто для славянскаго перевода среди другихъ свидѣтелей греческаго библейскаго текста. Мы подробно объ этомъ заслуженномъ ученомъ говорить не будемъ, потому что намъ неоднократно приходилось уяснять его взглядъ на методъ изученія библейскихъ текстовъ, въ частности славянскихъ, въ прежнихъ нашихъ работахъ. Укажемъ только, что научная разработка славянскаго библейскаго текста въ нашей литературѣ неразрывно связана съ его именемъ. Его методическія идеи относительно изученія греческаго библейскаго текста—и въ связи съ нимъ славянскаго—въ настоящее время, при содѣйствіи его почтеннаго преемника въ геттингенскомъ университетѣ, проф. А. Ральфса, стоятъ на пути къ грандіозному осуществленію въ видѣ капитальнаго, подготовляемаго въ Геттингенѣ, изданія греческаго текста LXX, въ связи съ изученіемъ и, можетъ быть, изданіемъ всѣхъ переводовъ съ текста LXX. Если древне-славянскому библейскому тексту суждено будетъ увидѣть свѣтъ при содѣйствіи — или подъ вліяніемъ — этого, духовно связаннаго съ де-Лагардомъ предпріятія, то это будетъ достойнымъ завершеніемъ и яркимъ показателемъ силы и дѣйственности вѣковыхъ научныхъ стремленій Запада въ исконной области Востока, и въ значительной мѣрѣ заслуженнымъ памятникомъ ученой проницательности де-Лагарда.

Помимо запросовъ западной науки, съ XVIII-же вѣка ставились предъ русскимъ церковнымъ сознаніемъ подобные вопросы, даже въ болѣе жизненной формѣ, самою церковною

containing the variants of the chief ancient autorities for the text of the Septuagint, edited by Alan England Brooke, B. D. and Norman M[c]Lean, M. A. Cambridge. Volum I. The Octoteuch. Part I. Genesis. 1906. Part II. Exodus and Leviticus 1909. *Реценз.* Гауча—Göttingische gelehrte Anzeigen 1909, S. 563—580, Ральфса, ThLtz. 1911, № 1. Интересныя свѣдѣнія о стремленіи западной науки къ ознакомленію съ славянскимъ текстомъ Библіи въ XVIII в. приводитъ проф. А. В. Михайловъ въ своемъ только что выпущенномъ трудѣ (хотя помѣченномъ 1905 г.)—„Опытъ изученія текста книги Бытія пророка Моисея въ древне-славянскомъ переводѣ". вып. I. стр. CLII—CLXV, особенно CLX, примѣч. 2.

практикою. О нѣкоторыхъ изъ этихъ запросовъ мы скажемъ далѣе. Отвѣты на эти властныя потребности собственной жизни мы приведемъ также впослѣдствіи,—укажемъ только, что они не составляютъ особенной чести тѣмъ, которые давали эти отвѣты. Наиболѣе обстоятельный и для своего времени авторитетный голосъ русской церкви въ качествѣ отвѣта на эти практическіе запросы о библейскомъ достоинствѣ славянскаго перевода Библіи данъ былъ въ 1858 г. митрополитомъ Филаретомъ въ его сочиненіи «О догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго седмидесяти толковниковъ и славянскаго переводовъ свящ. Писанія», стр. 22—24. Но къ удовлетворенію научныхъ потребностей это сочиненіе не могло служить и въ свое время, тѣмъ менѣе способно оно отвѣтить на запросы нашего времени, когда, взамѣнъ догматическаго покрова, требуется фактическое, документальное обоснованіе удѣльнаго вѣса славянскаго текста Библіи.

Мы въ настоящемъ случаѣ ставимъ для себя задачею разрѣшеніе этого вопроса въ качествѣ пробнаго отвѣта славянской науки на давно поставленную наукой и жизнью сложную проблему высокаго библейскаго, церковнаго и національнаго значенія. Этотъ отвѣтъ не беретъ на себя смѣлости исчерпать вопросъ во всемъ его объемѣ. Это будетъ только вступленіе или первая глава къ отвѣту, вызванная особенными обстоятельствами.

Годъ тому назадъ мы получили приглашеніе отъ королевскаго общества наукъ въ Геттингенѣ принять участіе въ подготовленіи матеріаловъ для новаго, упомянутаго выше, научнаго изданія греческой текста LXX. Прежде всего, по плану изданія, должны быть подвергнуты обслѣдованію и, по мѣрѣ надобности, изданы переводы съ LXX коптскій, эѳіопскій, армянскій, грузинскій,—и въ томъ числѣ славянскій [1]). Непосредственной задачей предъ руководителями изданія стояло ознакомленіе съ рукописнымъ матеріаломъ этихъ переводовъ—по возможности, въ полномъ объемѣ. Задачу собрать для этой цѣли весь славянскій библейскій матеріалъ общество и просило меня принять на себя. Высокій научный авторитетъ гёт-

[1]) „Vor allem sollen auch die verschiedenen alten Überzetsungen der Septuaginta untersucht und, soweit nötig, herausgegeben werden“ (письмо предсѣдателя исполнительной комиссіи по изданію LXX, при Гёттингенскомъ королевскомъ обществѣ наукъ, проф. А. Ральфса, отъ 2 декабря 1909 года).

тингенскаго королевскаго общества наукъ связывался въ моемъ представленіи съ памятью почтеннаго гёттингенца П. де-Лагарда и съ болѣе, чѣмъ вѣковымъ интересомъ Гёттингена къ древнему, настоящему виду славянскаго библейскаго перевода. Все это побудило меня принять приглашеніе общества, о чемъ я и сообщилъ преемнику де-Лагарда въ геттингенскомъ университетѣ, завѣдующему исполнительной коммиссіей по изданію LXX—профессору А. Ральфсу. Въ результатѣ такого рѣшенія, у меня, послѣ годичной работы, подъ руками оказался весь предварительный матеріалъ, необходимый для изслѣдованія славянскаго ветхозавѣтнаго библейскаго текста, въ видѣ инвентарнаго каталога болѣе 4.000 славянскихъ рукописей всѣхъ доступныхъ изслѣдователю книгохранилищъ русскихъ и иностранныхъ [1]).

Оставляя при себѣ всю горечь сознанія о томъ, что наше 1000-лѣтнее кровное достояніе будутъ расцѣнивать чужеземныя руки и что, быть можетъ, намъ суждено будетъ получить научное изданіе нашей Библіи изъ этихъ рукъ, наравнѣ съ коптами и эѳіопами—этими безпомощными, отжившими сынами дряхлаго востока, мы задаемъ себѣ естественную задачу—освѣтить этотъ собранный матеріалъ съ одной руководящей точки зрѣнія, выяснить общее научное значеніе нашего

[1]) Въ 97 библіотекахъ Россіи, южной и западной Европы и Азіи мною исчислено и кратко описано 4.101 рукопись XI—XVII в. славянскаго библейскаго текста. Изъ нихъ текстовъ богослужебнаго типа 3.352 рукописи (Паримійники, Тріоди Постныя и Цвѣтныя, Минеи мѣсячныя и общія, Трефологіи и служебныя Псалтири), текстовъ четьяго типа и толковыхъ 714, при чемъ и здѣсь преимущественное количество (до $^2/_3$) падаетъ на Псалтири четьи (одновременно и служебная) и толковыя. Въ ряду ркп. богослужебныхъ стоятъ глаголическіе хорватскіе тексты въ католическихъ бревіаріяхъ и миссалахъ XIV—XV вв. Этихъ текстовъ мнѣ извѣстно 46. Недоступными для излѣдованія оказались рукописи нѣкоторыхъ частныхъ собраній—почетнаго члена СПБ. Духовной Академіи Е. В. Барсова въ Москвѣ, купца-старообрядца Е. Е. Егорова въ Москвѣ, а также нѣкоторыхъ небольшихъ монастырскихъ и общественныхъ собраній преимущественно въ предѣлахъ Австріи. По приблизительному подсчету число не использованныхъ рукописей не должно превосходить 100—150 номеровъ. Для полноты обзора введены въ списокъ и рукописи сгорѣвшихъ собраній (мон. св. Павла на Аѳонѣ, Архангельской духовной семинаріи), а также исчезнувшія по какой либо причинѣ, такъ какъ, помимо общаго интереса располагать всѣми возможными свѣдѣніями о существовавшихъ когда-либо рукописяхъ этого рода, есть основанія надѣяться, что погорѣвшія рукописи со временемъ гдѣ-нибудь окажутся (напр. ркп-си м. св. Павла въ Пантелеймоновскомъ м.).

славянскаго библейскаго текста. Приготовляемое гёттингенское изданіе Библіи LXX намѣревается произвести реконструкцію LXX на самыхъ широкихъ началахъ: къ обработкѣ привлечены всѣ возможные источники, матеріалы и многочисленныя научныя силы [1]). Славянскому библейскому переводу предстоитъ занять мѣсто одного изъ свидѣтелей исторической жизни текста LXX. И славянской наукѣ было бы невмѣстно послать этого дорогого всему славянству свидѣтеля въ чуждый ареопагъ безъ надлежащаго удостовѣренія или добраго напутствія. Наше слово—опытъ паспорта для нашего матеріала къ его заграничному путешествію.

Итакъ, что-же говоритъ рукописное преданіе о научномъ значеніи славянскаго перевода Библіи?

Въ рукописяхъ древне-славянскій библейскій текстъ содержится въ нѣсколькихъ видахъ: въ видѣ богослужебныхъ списковъ разныхъ наименованій, списковъ съ толкованіями (толковыхъ) и четьихъ списковъ библейскаго текста. Всѣ эти группы текстовъ имѣютъ свои особенности по происхожденію и составу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по своему относительному значенію для библейскаго текста въ его собственномъ смыслѣ.

Богослужебная группа списковъ самая многочисленная и самая древняя по происхожденію. Появилась она на зарѣ славянскаго просвѣщенія для надобностей богослужебныхъ въ видѣ избора библейскихъ чтеній, на ряду съ богослужебнымъ Евангеліемъ и Апостоломъ. Теперь уже не высказывается сомнѣнія, что этотъ богослужебный изборъ былъ переведенъ съ соотвѣтствующаго греческаго оригинала IX в. св. первоучителемъ Кирилломъ въ Моравіи или для надобностей моравской миссіи. Точный объемъ этого избора установить еще не удалось, потому что наиболѣе гибкія, неустойчивыя части богослуженія—минейныя—не поддаются точному учету, но большая часть избора (около $^{9}/_{10}$ объема) устанавливается совершенно опредѣленно, какъ полное соотвѣтствіе греческому оригиналу. Этотъ изборъ въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранился для В. З. въ Паримійникѣ — книгѣ паримій, извѣстной съ XII в. въ количествѣ около 60 списковъ. Съ XII в. паримін

---

[1]) Предварительныя свѣдѣнія объ этомъ предпріятіи сообщены въ Bericht über das Septuaginta-Unternehmen der Kgl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Началось также изданіе серіи спеціальныхъ изслѣдованій по разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ изданіемъ.

изъ этой книги стали вноситься у южныхъ славянъ, вслѣдъ за греческими оригиналами, въ Тріоди. Въ русскихъ Тріодяхъ париміи появляются только съ XIV в., со времени приспособленія ихъ къ іерусалимскому чину. Съ этого же времени, а еще больше съ XV в., париміи перешли въ богослужебныя мѣсячныя Минеи, Минеи общія, Праздничныя, Трефолои, Анѳологіи и др. подобные сборники. Отдѣльно отъ этого богослужебнаго избора стоитъ только одна книга В. З.—Псалтирь. Она вся цѣликомъ входила въ составъ богослуженія, поэтому переведена была самостоятельно, наряду съ богослужебными Евангеліемъ и Апостоломъ. Только одна Псалтирь сохранилась въ памятникѣ до діалектическаго разслоенія церковно-славянскаго языка (Синайская Псалтирь X—XI в.). Всѣ же списки богослужебнаго избора относятся уже къ болѣе поздней эпохѣ, начиная съ конца XII и до XVII вѣка. Впрочемъ, сохранившіеся многочисленные списки этого первоначальнаго перевода даютъ возможность провѣрить всѣ главнѣйшіе этапы исторіи этого текста—у болгаръ, сербовъ, русскихъ и даже у хорватовъ, поэтому для возстановленія этого вида текста—этого труда св. первоучителя Кирилла наука располагаетъ достаточнымъ количествомъ матеріала. Попытки такого возстановленія, и не безуспѣшныя, уже начинаются.

Съ точки языковой и историко-литературной такія попытки имѣютъ важное значеніе. Первоначальный переводъ — трудъ св. Кирилла легъ въ основу древняго церковно-славянскаго языка, поэтому основа эта должна быть уяснена съ особенною точностью. И славянская филологія, къ ея чести, останавливается на изученіи первоначальнаго библейскаго перевода съ особеннымъ вниманіемъ. Но не менѣе важное значеніе имѣетъ этотъ богослужебный библейскій текстъ и для спеціально-библейскаго изученія.

Уясненіе библейскаго значенія этой, равно какъ и другой, четьей группы славянскихъ списковъ стоитъ въ связи съ крупнымъ самостоятельнымъ вопросомъ о научномъ значеніи оригинала нашихъ славянскихъ переводовъ—греческаго текста LXX. Разбирать этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ мы здѣсь не имѣемъ возможности, мы ограничимся однимъ только указаніемъ общихъ руководящихъ путей въ разработкѣ этого вопроса.

Ни съ однимъ библейскимъ текстомъ наука—въ настоящемъ ея состояніи—не связываетъ представленія о точномъ его со-

отвѣтствіи библейской истинѣ. Еврейскій масоретскій текстъ носитъ на себѣ всѣ признаки историческаго вліянія, по характеру своихъ источниковъ-рукописей не допускаетъ провѣрки этого вліянія, поэтому наука по методическимъ соображеніямъ, покамѣстъ, оставляетъ его въ сторонѣ и обращается къ другому, важнѣйшему свидѣтелю библейскаго текста—греческому тексту LXX. Этотъ свидѣтель по условіямъ своего происхожденія и исторической сохранности представляетъ больше доказательствъ своей близости къ ветхозавѣтному настоящему оригиналу, чѣмъ единственно доступный намъ на языкѣ оригинала текстъ масоретскій. Особенное значеніе греческому тексту LXX придаетъ историческая опредѣленность его происхожденія и доступность для провѣрки его источниковъ, рукописей. Все-таки наука далеко не располагаетъ возможностью указать среди извѣстныхъ ей греческихъ списковъ настоящій видъ LXX. Всѣ сохранившіеся (до 400) списки представляютъ свои особенности — и возстановить на основаніи ихъ чистый видъ LXX составляетъ главную задачу науки въ настоящій моментъ. Выработкѣ точнаго метода для такого возстановленія посвящены были труды де-Лагарда, осуществленіемъ этого метода занята въ настоящее время коммиссія LXX при геттингенскомъ королевскомъ обществѣ наукъ. Методъ возстановленія текста LXX состоитъ въ томъ, что, не задаваясь немедленною цѣлію дать непосредственно тотъ видъ текста, какой вышелъ изъ-подъ пера александрійцевъ III-го вѣка до Р. Х., оставляя, покамѣстъ, въ сторонѣ недоступные въ настоящее время для надлежащаго уясненія древніе списки текста LXX, наука ставитъ для себя въ данный моментъ болѣе скромную задачу — возстановить по нѣкоторымъ условіямъ единственно доступную для нея форму текста LXX IV в. по Р. Х., чтобы въ немъ поставить для себя опору для дальнѣйшихъ работъ въ возстановленіи первоначальнаго текста LXX. Эта доступная наукѣ форма LXX выражается въ исторически засвидѣтельствованныхъ для IV вѣка рецензіяхъ текста LXX—Оригена, Исихія и Лукіана [1]).

Изъ этихъ рецензій послѣдняя, лукіановская, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для нашего начальнаго славянскаго

[1]) Bericht über das Septuaginta-Unternehmen der Kgl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, S. 4—5. Объ этой задачѣ науки мы неоднократно заявляли съ 1894 г.

перевода, такъ какъ она была съ IV в. въ употребленіи въ антіохійскомъ и константинопольскомъ патріархатахъ: по зависимости нашего начальнаго библейскаго перевода отъ Константинополя IX в., какъ теперь доказано, она вполнѣ отразилась, какъ оригиналъ, въ этомъ нашемъ переводѣ. Это послѣднее обстоятельство ставитъ нашъ начальный богослужебно-библейскій переводъ въ исключительно высокое и цѣнное положеніе въ дѣлѣ установленія подлиннаго вида и уясненія распространенности лукіановскаго чтенія въ IX вѣкѣ.

Дѣло въ слѣдующемъ. Для надлежащаго научнаго возстановленія лукіановскаго извода IV в. наука, покамѣстъ, не располагаетъ неопровержимо точными источниками. Проба реконструкціи текста Лукіана, произведенная де-Лагардомъ (Librorum V. T. canonicorum pars prior, Gottingae 1883), въ настоящее время вызываетъ серьезныя исправленія со стороны своего матеріала [1]). Чтенія отцевъ антіохійцевъ IV в., которыхъ де-Лагардъ ставитъ во главу угла своей реконструкціи, оказывается, недостаточно устойчивы, чтобы быть мѣриломъ типа церковнаго чтенія IV вѣка. Случайныя рукописи антіохійско-константинопольскаго происхожденія, подкрѣплявшія у де-Лагарда типъ отеческихъ чтеній, не могутъ претендовать на большую авторитетность, чѣмъ это можетъ быть предоставлено случайнымъ свидѣтелямъ неизвѣстнаго происхожденія. И вотъ въ настоящее время мы видимъ у спеціальныхъ изслѣдователей извода Лукіана усиленное стремленіе найти свидѣтелей Лукіана въ болѣе прочной церковно-богослужебной обстановкѣ. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, Дазе, опирается уже въ своихъ сужденіяхъ о лукіановскомъ типѣ рукописей на показанія древнихъ Тріодей. Но взятые на удачу богослужебные Тріоди и другіе греческіе тексты не всегда могутъ приводить къ желательнымъ результатамъ. Элементъ случайности имѣетъ и здѣсь большое значеніе: отдѣльныя рукописи богослужебнаго типа, взятыя внѣ связи съ цѣлымъ типомъ, могутъ уклоняться отъ традиціоннаго чтенія въ сторону случайнаго вліянія. Тотъ же Дазе указываетъ греческую Тріодь 1599 г. съ чертами и лукіановскими и экзаплярными вмѣстѣ [2]). Необходимо привлечь къ дѣлу богослужебный *типъ* библейскихъ чтеній

---

[1]) Ср. Hautsch E. въ 1 вып. Сообщеній Коммиссіи по изданію текста LXX. Dahse J., Zeitschr. f. alttest. Wissensch. 1910, H. 4, S. 281—287.

[2]) Zeitschr. f. alttest. Wissensch. 1910, H. W., S. 287.

въ его собственномъ, законченномъ и признанномъ видѣ. Здѣсь открывается мѣсто для важной роли въ богослужебномъ *типѣ* библейскихъ чтеній славянскаго перевода этого типа. Греческія чтенія церковнаго лукіановскаго текста появились раньше славянскаго перевода, но греческихъ рукописей этого періода не сохранилось: извѣстныя греческія рукописи относятся почти къ тому же времени (IX—XII вв.), когда возникаетъ славянскій переводъ. И славянскій переводъ становится естественно въ разрядъ важнѣйшихъ, центральныхъ свидѣтелей лукіановскаго церковнаго типа. Его преимущество передъ другими греческими свидѣтелями этого типа въ томъ, что онъ носитъ на себѣ неоспоримую печать оффиціальнаго происхожденія отъ церковнаго библейскаго текста константинопольскаго патріархата IX в. Свв. Кириллъ и Меѳодій приняли оффиціальное порученіе отъ константинопольской церкви просвѣтить моравскихъ славянъ по восточному обряду, и нельзя сомнѣваться, что этотъ восточный обрядъ включалъ въ себѣ и богослужебный библейскій текстъ, употребительный въ то время, въ половинѣ IX в., въ великой константинопольской церкви. Ни объ одномъ изъ греческихъ современныхъ начальному славянскому переводу списковъ этого текста или другихъ какихъ-либо греческихъ свидѣтелей мы не имѣемъ такого важнаго свидѣтельства о ихъ точномъ соотвѣтствіи съ чтеніемъ константинопольской патріархіи IX в.

Но значеніе славянскаго богослужебно-библейскаго перевода идетъ дальше одного установленія историческаго факта. Славянскій переводъ расширяетъ поле зрѣнія и на всю область исторіи и развитія этого лукіановскаго извода. Онъ свидѣтельствуетъ о силѣ исторической живучести этого типа. Безъ этого свидѣтельства греческій церковный лукіановскій текстъ представлялся бы незначительнымъ, чахлымъ растеніемъ безъ естественныхъ побѣговъ, безъ авторитета въ исторіи. Молодой отпрыскъ IX в. въ видѣ могучаго славянскаго перевода поднимаетъ эту лукіановскую струю до степени великаго преданія въ восточной православной церкви, до степени *восточной Вульгаты*, по восточному порядку не провозглашенной, правда, высшею церковною властью обязательнымъ текстомъ православной церкви, но самою жизнію несомнѣнно закрѣпленною въ этомъ званіи. Восточное православіе въ громадномъ большинствѣ своихъ представителей въ церковномъ употребленіи держалось по традиціи текста этой восточной Вульгаты съ начала IV в. вплоть

до нашихъ дней или, правильнѣе, до начала утраты традиціоннаго инстинктивнаго преклоненія предъ завѣтами исконнаго православія подъ вліяніемъ латинской схоластики въ нашихъ духовныхъ сферахъ съ XVII в. Западные окатоличенные обломки славянскихъ племенъ, принявшіе христіанство по восточному чину, также сохраняли, хотя въ омертвѣлой, не жизненной формѣ, восточный типъ библейскихъ чтеній до времени натиска римскаго католицизма на остатки восточнаго обряда у западныхъ славянъ и отчасти сохраняютъ донынѣ (хорватскіе глаголиты). Мы не говоримъ о вліяніи этой восточной Вульгаты на текстъ ближайшихъ къ Византіи потребителей и участниковъ ея культуры—иверійцевъ, армянъ и арабовъ, такъ какъ научныя свѣдѣнія по этому предмету слишкомъ недостаточны. И безъ того предъ нами выясняется величественная картина поразительнаго единства православнаго востока въ области библейскаго міросозерцанія, поскольку оно связано съ единствомъ библейскаго текста.

Разница между латинской Вульгатой и Вульгатой православной по ихъ историческому бытію состоитъ только въ томъ, что первая съ самаго своего появленія была предметомъ особаго попеченія и охраненія латинской церкви, а вторая, зародившись въ нѣдрахъ православнаго востока, въ предѣлахъ антіохійскаго патріархата, не безъ соотвѣтствія съ церковно-бытовыми условіями восточнаго христіанства того времени, держалась и развивалась только на принципѣ добраго отеческаго преданія со всѣми нравственными удобствами и практическими невыгодами такого положенія. Мы не знаемъ въ исторической жизни восточной Вульгаты такого момента, когда восточная церковь сознательно и оффиціально, въ силу опредѣленныхъ и ясно выраженныхъ побужденій, высказалась въ пользу или по поводу своего общепринятаго библейскаго текста. Историческая жизнь его происходила стихійно, какъ проявленіе внутренней безсознательной силы могучаго организма. Отсюда естественно, при стеченіи благопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, эта восточная Вульгата, достояніе царственнаго Константинополя, подавила историческія чтенія другихъ болѣе слабыхъ провинцій византійскаго востока (чтенія Палестины и Египта—Оригена и Исихія), естественно развивала свой внутренній видъ по соображеніямъ господствующаго литературнаго стиля, современныхъ церковныхъ потребностей и подъ вліяніемъ другихъ менѣе уловимыхъ воз-

дѣйствій. На славянской почвѣ еще менѣе, чѣмъ на византійской, могло проявиться высшее церковное наблюденіе надъ жизнью и формой библейскаго текста. И восточная Вульгата сохранялась здѣсь естественнымъ ходомъ церковнаго преданія, измѣнялась и замѣнялась другими видами текста по силѣ стороннихъ вліяній, а отнюдь не церковной санкціи. Попытка санкціонировать этотъ исконный восточный текстъ, восточную Вульгату, наблюдается въ нашей русской церкви въ XIX столѣтіи, во время митрополита Филарета, когда отъ настоящаго ея исконнаго вида подъ вліяніемъ редакторской дѣятельности архіеп. новгородскаго Геннадія въ концѣ XV в. и неудачныхъ синодальныхъ справъ библейскаго текста XVIII в. отъ первоначальной восточной Вульгаты оставалось только одно воспоминаніе. Къ счастію, противоисторическая попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ.

Такимъ образомъ, изъ подъ груды 4000 запыленныхъ славянскихъ рукописей библейскаго текста XI—XVII в.в. предъ глазами изслѣдователя обрисовывается обликъ давно забытой восточной Вульгаты. Удѣльный историческій вѣсъ этого достоянія православной церкви безспоренъ изъ того, что этотъ видъ текста, не смотря на отсутствіе какой бы то ни было санкціи со стороны церковной власти, удержалъ почти до нашихъ дней значеніе господствующаго *церковнаго* чтенія православной церкви при натискѣ самыхъ неблагопріятныхъ для этого обстоятельствъ. Могутъ быть возраженія относительно собственно библейскаго значенія этого текста, относительно степени близости его къ подлинному смыслу священнаго откровенія. Дѣйствительно, выдавать его за точное отображеніе библейской истины во всей ея полнотѣ осторожный изслѣдователь не рѣшится. Восточная Вульгата есть такой же продуктъ временнаго историческаго пониманія библейской истины, какъ и всякій другой моментъ въ исторіи церковнаго и религіознаго сознанія съ тѣмъ преимуществомъ, что на сторонѣ этого пониманія стоитъ многовѣковой авторитетъ православной церкви. Если съ этой стороны наша восточная Вульгата стоитъ на одномъ уровнѣ съ Вульгатой латинской, то въ смыслѣ внутренней цѣнности того и другого момента въ религіозно-библейскомъ пониманіи преимущество слѣдуетъ признать всецѣло на сторонѣ Вульгаты восточной. Предположите, что, исчезла латинская Вульгата: вы всецѣло можете возстановить ея содержаніе по наличному еврейскому тексту. Но допустите съ другой

стороны, что вы лишились Вульгаты восточной—и вы безвозвратно теряете цѣлый моментъ въ историческомъ библейскомъ пониманіи, котораго замѣнить ничто не можетъ. Такимъ неоцѣнимымъ сокровищемъ въ видѣ восточной Вульгаты владѣетъ наша наука въ громадномъ большинствѣ пока еще разрозненныхъ и не изученныхъ библейскихъ славянскихъ списковъ (3352 изъ 4101).

Историческая судьба восточной Вульгаты стоитъ въ полной противоположности съ ея значеніемъ. Какъ бы по капризу злой воли, отъ самого появленія ея на славянской почвѣ обстоятельства слагались такъ, что исконная восточная Вульгата, внѣ сферы церковнаго употребленія, заслонялась всегда типами меньшаго значенія, иногда совершенно ей несродными. По замыслу первыхъ устроителей славянской церкви и церковной письменности—свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія, библейскій текстъ долженъ былъ стоять въ самомъ точномъ соотвѣтствіи съ текстомъ великой константинопольской церкви, подобно всему вообще церковному чину. Сообразно съ этимъ, не только церковныя библейскія чтенія, но и сплошной текстъ славянской Библіи эпохи первоучителей воспроизводилъ чтеніе восточной Вульгаты, какъ это нынѣ можно видѣть на возстановленной наукою части меѳодіевской Библіи. Но стоило только умереть великому ратоборцу чистой восточной идеи славянскаго просвѣщенія—св. Меѳодію, какъ восточная Вульгата, только что переведенная имъ или по его почину, замѣняется инымъ типомъ восточнаго александрійскаго текста. Вѣрнымъ этой Вульгатѣ остался только выборъ церковныхъ чтеній, стоявшій особнякомъ отъ полной Библіи, въ составѣ богослужебныхъ чиновъ, да весьма небольшое число келейныхъ списковъ полныхъ книгъ (см. ниже), дошедшихъ до насъ въ видѣ отдѣльныхъ извлеченій. Причина замѣны полнаго библейскаго текста лукіановскаго типа типомъ другимъ, не имѣвшимъ распространенія въ предѣлахъ константинопольскаго патріархата, объясняется, повидимому, не органическимъ оффиціальнымъ нерасположеніемъ къ восточной Вульгатѣ (церковный текстъ оставался лукіановскимъ!), а временнымъ соображеніемъ вдохновителя тогдашней письменности въ Болгаріи IX—X в.—царя Симеона, желавшаго, повидимому, освободиться въ этой области отъ подавляющаго вліянія Византіи. Какъ бы то ни было, эпоха нераздѣльнаго употребленія чистой восточной Вульгаты на славянской почвѣ ограничивается только време-

немъ зарожденія славянской письменности. Уже со времени Симеона, со времени IX—X в., этотъ восточный константинопольскій церковный текстъ въ домашнемъ, внѣцерковномъ употребленіи уступаетъ свое мѣсто другимъ текстамъ.

Внутренняя исторія этой славянской восточной Вульгаты, помимо естественныхъ частныхъ измѣненій и восполненій ея объема, можетъ указать три крупныхъ момента, существенно затрогивавшихъ ея установившійся видъ. Первое по времени явленіе этого рода связано съ моментомъ зарожденія древнѣйшаго славянскаго перевода библейскихъ книгъ. Первоначальный богослужебный изборъ библейскихъ текстовъ, вскорѣ послѣ своего появленія, восполненъ былъ до степени полныхъ библейскихъ книгъ рукою весьма близкою къ богослужебному изводу по характеру славянскаго языка. По нашему убѣжденію, этотъ моментъ въ начальной исторіи славянскаго перевода совпадаетъ съ восполненіемъ канона священныхъ книгъ на славянской почвѣ св. равноапостольнымъ первоучителемъ архіепископомъ моравскимъ Меѳодіемъ. По существу это было естественнымъ продолженіемъ ранѣе начатаго перевода, сдѣланнымъ не съ частичнаго, богослужебнаго, а полнаго библейскаго лукіановскаго текста. Это былъ моментъ и появленія, и расцвѣта, и вмѣстѣ съ тѣмъ полнаго безраздѣльнаго господства восточной Вульгаты на славянской почвѣ. Возстановленіе точнаго вида священнаго текста этого періода составляетъ главнѣйшую задачу въ современномъ изслѣдованіи славянскаго библейскаго перевода, такъ какъ съ этимъ именно видомъ связано оффиціальное значеніе лукіановскаго чтенія въ IX в. въ восточной церкви, слѣдовательно, извѣстная степень его библейскаго достоинства. Слѣдующій моментъ въ исторіи славянской Вульгаты представляетъ другое восполненіе первоначальнаго кирилловскаго богослужебнаго извода. Это совершилось въ предѣлахъ окатоличенной части славянства—на далматинскомъ побережьѣ, у хорватовъ, по требованію католическаго служебнаго чина, въ періодъ съ половины XIII до XV вѣка [1]). Восполненіе сдѣлано по латинской Вульгатѣ, и въ исторіи славянской Библіи, какъ мы увидимъ, имѣло немаловажное значеніе. Третій, послѣдній крупный моментъ

---

[1]) Проф. А. В. Михайловъ, къ вопросу о литературномъ наслѣдіи свв. Кирилла и Меѳодія въ глаголическихъ хорватскихъ миссалахъ и бревіаріяхъ, Варшава 1904, стр. 120—23.

въ исторіи древнѣйшаго славянскаго богослужебнаго библейскаго перевода относится къ концу XIV в. и первой половинѣ XV в., ко времени такъ называемаго сербскаго ресавскаго извода и представляетъ полную справу всего богослужебно-библейскаго текста примѣнительно къ нѣсколько измѣнившемуся къ тому времени типу греческихъ соотвѣтствующихъ чтеній. Этотъ трудъ представляетъ послѣднюю органическую, цѣльную ступень въ развитіи славянскаго богослужебно-библейскаго текста. Относительное значеніе этой ресавской справы, кромѣ общей исторической важности ея въ исторіи Сербіи XIV—XV в., состоитъ въ томъ, что она свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ развитіи и измѣненіи лукіановскаго типа на богослужебной греческой почвѣ послѣ IX в., слѣдовательно, отнимаетъ возможность у изслѣдователей греческаго библейскаго текста пользоваться, въ интересахъ библейской лукіановской реставраціи, богослужебными списками безъ вниманія къ ихъ историческому состоянію.

Таковъ, по нашему представленію, общій историческій обликъ древнѣйшаго вида славянской Библіи, вышедшей въ IX вѣкѣ изъ рукъ первыхъ устроителей славянскаго просвѣщенія—свв. Кирилла и Меѳодія *).

Проф. **И. Евсѣевъ.**

---

*) Окончаніе слѣдуетъ.

Споры въ расколѣ во второй четверти XVIII вѣка *).

VII.

Нѣтовщина.

Свѣдѣнія о томъ: на какіе толки раздѣлялась въ разсматриваемый нами періодъ времени безпоповщинская отрасль, которая извѣстна подъ именемъ нѣтовщины, находимъ въ сочиненіи «Обличеніе на раскольниковъ», писанномъ въ 1737 году нѣкіимъ Василіемъ Флоровымъ, бывшимъ діаконовцемъ [97]). Хотя Флоровъ говоритъ о тѣхъ раскольническихъ толкахъ, которые ему стали извѣстны ранѣе 1724 года, но возможно, что послѣдователи этихъ толковъ существовали и въ разсматриваемый нами періодъ времени. Положимъ, что о всѣхъ упоминаемыхъ Флоровымъ «безпоповцахъ» онъ говоритъ въ прошедшемъ времени, выражаясь такъ: «сказывали, отвергали, отрицали, не принимали;» значитъ, по мысли Флорова, толки эти начали существовать когда-то ранѣе того времени, когда писано сочиненіе; а въ одномъ мѣстѣ авторъ прямо замѣчаетъ, что «продолжалися сіи еретицы лѣтъ 60 и болѣе». Но это послѣднее выраженіе указываетъ не на то, что въ то время, когда писано сочиненіе, эти «еретицы» уже не существовали, а лишь на то, что оно, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ Флорова, имѣетъ частнѣйшее значеніе: именно, благодаря дѣятельности Нижегородскаго епископа Питирима, произошелъ разгромъ раскола, т. е. всѣхъ поповщинскихъ и

*) Окончаніе. См. мартъ.

[97]) Свѣдѣнія объ этомъ произведеніи Василія Флорова сообщены нами въ сочиненіи „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ". С.-Петербургъ, 1898 г., стр. 056—059.

безпоповщинскихъ толковъ, существовавшихъ на Керженцѣ. «Въ Балахонскомъ уѣздѣ, въ селѣ Пафнутовѣ, въ лѣто Христово 1719, октоврія въ 1 день, егда на соборѣ быша обличены и сташа безотвѣтны, означися ихъ лжа, яшася бѣгу въ разныя страны и украйны, даже до Волохъ разсѣяшася, яко жиды, и на запольныя рѣки пустыя, и тамъ стрѣлы своя уготовляютъ до святыя церкве» [98]). Такимъ образомъ Флоровъ не отрицаетъ существованіе перечисляемыхъ имъ толковъ въ описываемое въ сочиненіи время. Въ одномъ мѣстѣ Флоровъ даже прямо говоритъ, что когда онъ жилъ въ Крымскихъ степяхъ, у Азовскаго моря, на рѣчкѣ Міусъ, то нашелъ тамъ «согласіе, именуемое Спасовщина», ученіе котораго состояло въ «отверженіи священства» [99]). А между тѣмъ извѣстно, что о Спасовомъ согласіи, иначе именуемомъ нѣтовщиной, у Флорова говорится именно въ перечнѣ «безпоповщинскихъ» толковъ, причемъ объ этой спасовщинѣ Флоровъ выражается также въ прошедшемъ времени,—«сказывали, отвергали, не молились». Такимъ образомъ оказывается, что нѣтовщина, зародившаяся еще въ XVII вѣкѣ [100]) и существующая доселѣ, существовала и въ разсматриваемый нами періодъ времени. Извѣстно, по какому вопросу нѣтовщина отдѣлилась отъ общей безпоповщины, но видимъ, что и сама она тогда распадалась уже на нѣсколько толковъ:

1. «Безпоповщина подъ именемъ Козмы, называемая кузминщина, она же нѣтовщина. Ереси ихъ и догматы овая общая, иная же собственная... Собственная ересь и догма: сказывали, что святаго причастія нѣсть истиннаго отъ седьмаго вселенскаго собора,—взято все на небо; монашество съ тѣхъ же временъ отвергали; о обращеніи еретиковъ и раскольниковъ, о соединеніи вѣры, не молились; о его императорскаго величества здравіи, и о всей его высокой фамиліи, такожде о благоденствіи, и о поспѣшеніи, и о спасеніи его—не молились; пѣніе и служеніе церковное отрицали,—глаголали сице: како воспоимъ пѣснь Господню на земли чуждѣй»!

2. «Безпоповщина подъ предводителемъ Ѳеодоромъ Ростовцемъ». Этотъ толкъ былъ также нѣтовскаго направленія, такъ какъ послѣдователи его отвергали перекрещиваніе и не дозво-

---

[98]) Бр. Слово 1894, I, стр. 482.
[99]) Тамъ же, II, стр. 92.
[100]) Внутр. вопр. въ раск. XVII в., стр. 085–090.

ляли крестить простымъ мужикамъ: но въ отличіе отъ кузминщины они отвергали ея ученіе о причастіи, монашествѣ и богослуженіи. «Собственныя же ереси ихъ сіи: сами постригались,—одѣяніе монашеское клали предъ иконою Христа Спаса, откуда брали и на себя надѣвали; старица постригала женскій полъ и исповѣдывала».

3. «Безпоповщина подъ предводителемъ Ѳеодоромъ Масленникомъ». И этотъ толкъ былъ нѣтовскаго направленія, такъ какъ въ немъ не допускалась исповѣдь предъ міряниномъ. Именно, «собственныя ихъ ереси» заключались въ слѣдующемъ: «предъ иконою Христовою исповѣдывались; о антихристѣ мудрствовали духовно, а не тако, еже бы въ своемъ линѣ». Но, «ереси» Ѳеодора Ростовца всѣ отрицали.

4. «Безпоповщина подъ предводителемъ Гундуромъ». Что и этотъ толкъ былъ нѣтовскаго направленія, видно также изъ способа ихъ покаянія. «Ереси ихъ собственныя,—говоритъ Флоровъ: каятися на небо, глаголя: согрѣшихъ, Господи, на небо и предъ Тобою; четки для молитвы называли змѣею; если что будетъ прислано на потребу,—жита, или отъ съѣстныхъ что, изъ градовъ, или селъ и деревень,—то оное до своихъ келій не допущаютъ, глаголя: отъ еретикъ-никоніанъ осквернено,—не подобаетъ ясти! но повелѣваютъ прежде на торжищѣ стояти, донележе торгуютъ, потомъ привозятъ до келій: мнятъ торжищемъ освятися, глаголюще: на торжищѣ продаемое вся ядите, ничтоже сумнящеся за совѣсть». Это—также нѣтовскій толкъ.

5. «Безпоповщина яковщина» по имени Якова, ученика извѣстнаго нѣтовца Ѳедора Ростовца. «Сей училъ оставляти жену другу своему, аще полюбитъ ю, а его себѣ пояти, или какую похощетъ, хотя дѣвку; а вѣнчанная отъ никоніанъ, по его мнѣнію, нѣсть жена,—отъ еретикъ дана».

6. Называетъ Флоровъ еще «безпоповщину иконоборную»: это толкъ опять нѣтовскаго направленія. Не отрицая иконопочитанія въ принципѣ, эти нѣтовцы назывались, однако, иконоборцами, потому что не поклонялись ни старымъ иконамъ, считая ихъ оскверненными отъ еретиковъ, ни новымъ, потому что безъ священства ихъ некому освятить. Въ «Объявленіи» разныхъ толковъ, появившихся до 1725 года, объ этомъ безпоповщинскомъ толкѣ сказано такъ: «Ересь иконоборная—за то стала въ расколѣ: отъ старыхъ иконъ благодать Божія отлетѣ, а вновь писанныхъ такожде некому освятить: только на

востокъ поклоняются» [101]). У Флорова объ этой нѣтовщинѣ сказано такъ: «Безпоповщина иконоборная подъ именемъ Михаила: поклонялися на востокъ, святыя мощи почитали» [102]). Нынѣ названный толкъ извѣстенъ подъ именемъ дырниковъ» [103]).

VIII.

Переписка раскольниковъ „исповѣданія" и ихъ „соборныя" опредѣленія.

I.

Отвѣтъ Ивану Алексѣеву.

Настоящій памятникъ принадлежитъ перу Андрея Денисова, писанъ около 1728—1730 года, въ отвѣтъ по вопросу о бракѣ, присланному на Выгъ Стародубскимъ безпоповцемъ Иваномъ Алексѣевымъ, жившимъ въ слободѣ Климовой. Хотя въ рукописи, съ которой мы печатаемъ это сочиненіе, нѣтъ указанія ни на то, кто былъ авторомъ его, ни на то, когда оно было писано и кому, тѣмъ не менѣе заключенія, которыя мы высказываемъ здѣсь, не подлежатъ, по нашему мнѣнію, никакому сомнѣнію. Дѣло въ томъ, что въ данномъ сочиненіи есть такія выраженія, по которымъ можно судить о мѣстѣ жительства лица, которому отвѣтъ былъ адресованъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ авторъ сочиненія говоритъ: «И аще въ насѣянномъ евангельскою проповѣдью вселенскомъ полѣ насѣя врагъ плевелы, ваше ли едино Стародубское поле остави, не бросивъ горсти плевеловъ?» Изъ этого выраженія съ несомнѣнностью слѣдуетъ,

[101]) „Объявленіе" при „Обличеніи" Ѳеофилакта № 34.

[102]) Бр. Слово 1894, I, стр. 480.

[103]) Флоровъ называетъ еще нѣсколько „безпоповщинскихъ" толковъ, которые, однако, не могутъ быть отнесены къ безпоповщинѣ старообрядческой. Такова: волосатовщина, получившая названіе по имени Василія Волосатаго, ученика извѣстнаго старца Капитона, который хотя и слылъ „за вѣру стоятелемъ", но къ старообрядчеству относился враждебно; такова же „безпоповщина иконоборная: крестъ почитали, субботу постилися": это—отрасль той же капитоновщины, основатель которой ввелъ постъ въ субботу; такова же, наконецъ, наговщина, подъ которою нужно разумѣть мистическую секту хлыстовъ (Бр. Слова 1894, I, стр. 479—481).

что адресатъ отвѣта жилъ не гдѣ либо, а именно въ Стародубьѣ. Извѣстенъ Стародубскій безпоповецъ Иванъ Алексѣевъ, проповѣдникъ такъ называемаго безпоповщинскаго «новоженства», сносившійся съ Выговскою пустынью. Въ Выговской пустыни Иванъ Алексѣевъ былъ въ 1728 году. Отсюда понятно другое выраженіе автора отвѣта по адресу, куда писанъ отвѣтъ: «И симъ возбуждаемъ, отъ юга на сѣверъ скоро потеклъ еси»: авторъ отвѣта жилъ на сѣверѣ, въ Выговской пустыни, адресатъ—на югѣ, въ Стародубьѣ. Зачѣмъ же приходилъ Иванъ Алексѣевъ «съ юга на сѣверъ?» Молодого Алексѣева сильно интересовалъ вопросъ о бракѣ. Безпоповщинское ученіе о всеобщемъ безбрачіи было неприложимо къ жизни. Отыскивая способъ выдти изъ этого затрудненія, Алексѣевъ всюду, гдѣ жили безпоповцы, наводилъ справки, чтобы изучить вопросъ въ подробности. Съ цѣлью наблюденія надъ жизнью поморскихъ безпоповцевъ Иванъ Алексѣевъ приходилъ и на Выгъ. Впечатлѣніе, вынесенное Алексѣевымъ отсюда, было крайне неблагопріятное для выговцевъ. Выговцы встрѣтили и приняли Алексѣева, какъ говорится, съ распростертыми объятіями. Въ данномъ отвѣтномъ посланіи прямо говорится, что лицо, которому адресуется посланіе, было принято на Выгѣ «радостными сердцами». Но не понравилась Алексѣеву жизнь поморскихъ безпоповцевъ, потому что развратъ ея, что называется, билъ въ глаза. Отсюда естественно возникла критика со стороны Алексѣева, которую мы и видимъ въ его писаніи на Выгъ, отвѣтомъ на которое служило настоящее писаніе. Въ нѣкоторыхъ раскольническихъ сборникахъ встрѣчаются подлинныя выдержки изъ даннаго отвѣта, которыя имѣютъ такое надписаніе: «въ словѣ отвѣтномъ къ Ивану Алексѣеву Стародубскому» [104]). Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что данное писаніе есть отвѣтъ со стороны выговцевъ на письмо Ивана Алексѣева. Кѣмъ же писанъ данный отвѣтъ? Вопросъ этотъ рѣшается просто: такъ какъ во главѣ Выговской пустыни въ то время, когда писанъ данный отвѣтъ, стоялъ Андрей Денисовъ († 1730 г.), какъ ея архиктиторъ, то его перу, слѣдовательно, и принадлежитъ данное писаніе, что подтверждается и слогомъ послѣдняго.

---

[104]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 429, лл. 185—188 обор. Ср. рукоп. И. П. Б. О. I. 443, лл. 498—501 обор.

Понеже [105]) убо присланное отъ вашего любомудрія сочиненное вами возгласительное слово понуди грубость нашу на подвигъ отвѣщанія; ибо показанная вами въ этомъ словѣ Финеесова ревность вѣнчася радостію сердца слышателей; вѣющая же ярость ваша, гаждательная буря, сломляетъ досадою не точію малодушныхъ, но и истинныхъ братолюбителей мысли: яко находиши лютымъ гажденіемъ на мѣсто, основанное исповѣдническими трудами; наступаешь на селеніе, собранное отеческими подвигами; наскочеши на жительство, утвержденное святописанными законами; и прогрызаеши утробы святоподвижныхъ отецъ, давшихъ свѣтъ познанія истины; біеши полицею твоея хулы и надсмѣиванія бѣдную нашу трудолюбивую братію, пріимшую тя радостными сердцами. Но не бодобало бы ти,—о, любезне,—надходити съ гордымъ фарисеомъ на плачущихъ предъ Создателемъ мытарей; не годствовало бы ти нападати на влекущіеся во вся дни ко Отцу щедротъ съ обратившимся къ покаянію блуднымъ сыномъ; не надлежало бы ти для защищенія слабости твоея поносити пребывающую неотступно во благочестіи братію. Ибо глаголеши о жителѣхъ нашея страны, яко воспріяша залоги тверды въ томъ, дабы со женами не сопрягатися бракомъ, зло нѣкако душевредно изобрѣтоша: нуждъ своихъ ради чужихъ женъ или дѣвъ придержати; якобы бѣжаще дыма, паче же во огнь страстей пріидоша.

Но чего ради, рцы намъ,—о, премудре,—таковымъ поношеніемъ отъ пустыннаго нашего ковчега, во многихъ напастныхъ водахъ плавающаго, ядрила вѣры отсѣкаеши? Почто истинныхъ ревнителей отеческихъ законовъ души таковою смущенія твоего бурею колебаеши? Почто въ терніи вымышленныя ти бесѣды подвигомъ ревности лукаваго змія крыеши, не понимая реченнаго: свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася [106]). Или ты мниши, яко и мы не вѣмы апостольскаго гласа, вѣщающаго: лучше есть женитися и посягати, нежели разжизатися; и паки: честна женитва о всемъ и ложе не скверно, блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ; и паки: яко блудницы и прелюбодѣи царствія Божія не наслѣдятъ [107]). Сія же обая вѣдуще, не чести брака гнушаемся, не сопряженіе мужа и жены поносимъ; подобнѣ убо и блудныя главы не вѣнчаемъ похвальными цвѣтами, ни скареднаго житія покрываемъ одѣяломъ потаки. Аще убо браки не пріемлемъ, не тайну отревающе, но новинъ, про-

---

[105]) Рукоп. Владимірской семинаріи № 75, гл. 16; здѣсь въ заглавіи читаемъ: „Отъ Ивана Петровича Дуниловца Московскаго списано"; затѣмъ еще: „Слово отвѣщательное на возглашеніе нѣкоего мужа, желающаго малодушіе свое дружними недостатки покрыти". Ср. рукоп. Кіевской академіи № Аа 149, лл. 126—137.

[106]) На полѣ: „Рим. 103".

[107]) На полѣ: „Коринѳ. 136. Евр. зач. 333. Коринѳ. 134".

сыпанныхъ отъ Никона, убѣгаемъ. И самъ убо ты основаніе вѣры твоея на древлеотеческомъ благочестіи первѣе положилъ еси, и вѣси, яко вся тайны церковныя креста святаго силою освящаются и благословеніемъ священническія руки совершеніе пріемлютъ. Въ дѣйствуемыхъ же нынѣ тайнахъ креста двучастнаго, а не трисоставнаго видъ зрится. Подобнѣ и благословеніе іерейское пятиперстное, а не двуперстное видится. Чесо ради мы и отцы наши, ревнующе по древлепреданныхъ уставѣхъ и чиноположеніихъ, о новоположенныхъ же исполненіихъ сомняющеся, трепещемъ, древнее преданіе презрѣвъ, въ новопросыпанные обычаи впасти. Того ради тако брака, яко и прочихъ тайнодѣйствій, убѣгаемъ, боящеся соборныя клятвы: аще, рече, кто преданіе церкви, писаніемъ или обычаемъ утверженное, пренебрежетъ, да будетъ проклятъ.

Ты же, малодушіе твое древлеотеческія бывшія святоподвижныя чистоты воспоминаніемъ покрывая, о странствующихъ Бога ради въ пустынныхъ дебрѣхъ братіяхъ нашихъ вопіеши: аще толикіе и таковые столпы (си есть святіи древніе отцы) тако отъ женъ храняхуся, то не постраждутъ ли малодушніи, прямо, смѣло, по сѣнямъ блуднымъ ходящіе? И сіе убо тако.

Но можеши ли, рцы намъ,—о, любезне,—сицевый судъ на вся дѣвы навести? Можеши ли сицеваго осужденія каменіемъ вся мужи побити? Аще ли и на сіе ополчишися, блюди, да не како побіеши между ними и святаго Виталія, по вся дни въ блудилища ходившаго; зри, да не уязвиши древняго мниха іерея Конона, въ дѣвическомъ монастырѣ порученное ему крещеніе и святымъ мνромъ женъ и дѣвицъ помазаніе, смущающими его помыслы исполняющаго. И аще ты еси вѣдатель человѣческимъ мыслемъ, можеши ли прежде совершенно увѣдати души твоея помыслы: кія отъ десныя и которыя отъ шуія страны привпадаютъ? Аще ты судія человѣческимъ согрѣшеніямъ, можеши ли хотя едину вину обрѣсти въ тебѣ, подлежащую осужденію? Или, видя себя во всемъ непреткновенна, вся человѣки подводиши подъ противность святыя церкви? О, коль дерзновенно нарицаеши быти всѣхъ противниками святыя церкви! Аще убо выя твоя не вся желѣзна, и въ горнилѣ неразсудныя ярости не разженна, и въ водѣ пререканія не закаленна, то обратися поне мало на древніе отецъ нашихъ обычаи, и помазанные новолюбія и осужденія братіи бреніемъ очи твои отверзи, и виждь писанные отецъ нашихъ уставы и предѣленія, коль свято и праведно запрещающія: юнымъ съ юными не соводворятися; тако дѣвственное и вдовственное цѣломудріе хранити, яко за несогласіе съ древлецерковнымъ благочестіемъ къ бракосочетанію не совокуплятися; впадшимъ же кому въ тину любодѣянія коликая словесы прещенія, коликая отъ соединенія отлученія, коликое на тѣло ранъ умноженіе, коликая предъ народы постыженія, коликая предъ церковію входящимъ братіи поклоненія, коликая на

трапезѣ труднѣйшія до земли метанія, коликая эпитиміи въ постѣ и въ молитвахъ связанія быша и бываютъ. И сія о впадшихъ зазорно въ видимыя согрѣшенія, по гласу святаго апостола Павла: аще, рече, братъ, именуемъ блудникъ, съ таковымъ ниже ясти; но и о тѣхъ святый Аѳанасій Великій глаголетъ: мнози бо явѣ согрѣшиша, отай же покаяшеся, прощеніе получиша и Святый Духъ пріяша; а иже нами мними грѣшни суще, праведни суть у Бога.

Подобнѣ и о спрягшихся въ новобракъ коликіе подвиги имѣша: отлученіе тое же, необратное же отъ тѣхъ убѣганіе, яко никогда же знаемыхъ, и непождательное тѣхъ изъ пустынныхъ селеній въ міръ изгнаніе, и недопущеніе ихъ не точію въ чій домъ знаемыхъ, но ни къ родителемъ своимъ; обращающимся же завѣщаніе таково: яко или да мужъ въ отдаленное отъ жены жилище преидетъ, или жена въ далекомъ отъ мужа разстояніи поселеніе свое возъимѣетъ.

Ты же ни законы прежде бывшихъ отецъ нашихъ пустынножительныхъ обозрѣлъ еси, ни цѣломудреннаго житія ревнивыхъ братій и сестеръ воспомянулъ еси, ни чинимаго преступающимъ пустынныя обычаи жестокаго наказанія въ память пріяти восхотѣлъ еси, но едино фарисейскаго нрава песіе безстудіе пріемъ, лаеши на праведные и грѣшные единако; не воспомянулъ еси святаго Іоанна Милостиваго, патріарха Александрійскаго, къ клевещущимъ на святаго Виталія, ходящаго по вся дни къ блудницамъ въ блудилище, глаголющаго: престаните отъ осужденія, ибо великій Константинъ царь, данныя ему на епископы и клирики написанныя грѣховныя дѣла сжегши, рече: аще быхъ епископа, или іерея, или инока моима истыма очима видѣхъ на грѣховномъ дѣлѣ, то моею одеждою покрылъ быхъ его, да инъ никтоже узритъ того грѣшаща. Приводиши ли святаго Златоуста, обратившаго око на клиръ свой, имущій при себѣ дѣвъ, аки духовныхъ дщерей и сестеръ, нарицаемыхъ ими агапиты? Представляеши ли святыхъ соборовъ священная правила о недержаніи епископу, пресвитеру, діакону и всякому причетнику въ дому своемъ жены, кромѣ матери, сестры, и тетки? И о сихъ убо отеческихъ завѣщаніяхъ и соборныхъ запрещеніяхъ добрѣ вѣмы и почитаемъ, и исполняти по крайней нашей возможности усердствуемъ. Но и тіи отечестіи законы больше утверждаютъ таковое, весьма незазорное, пребываніе имѣти церковному клиру, а не простому народу. Обаче и простой народъ отъ сихъ преданій, якоже мню, нѣсть свободенъ, ибо и Спаса нашего чтемъ глаголы: всякъ, рече, воззрѣвый на жену, еже вожделѣти ея, уже прелюбодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ,—не рече убо просто воззрѣти, но еже вожделѣти ея: раздѣли простое зрѣніе отъ лукаваго сердечнаго залога.

Ты же,—о, любомудре,—наострилъ еси Финеесово копіе не на Мадіямены, но на всю братію и сестры; ненавидѣлъ

еси дѣвственныя чистоты не точію безбрачныхъ, но и въ сопряженіи сущихъ; не прочиталъ еси повѣстей о древнихъ Галактіонѣ и Епистиміи, и о Андроникѣ и Аѳанасіи, и прочихъ многихъ таковыхъ, иже и въ спряженіи суще, дѣвственную чистоту соблюдоша [108]). Посмѣешилися нынѣшнимъ Галактіонамъ и Епистиміямъ, въ таковыхъ же тѣснотахъ гоненія пребывающимъ? Поругаешилися сущимъ нынѣ въ пустынныхъ селеніяхъ Андроникамъ и Аѳанасіямъ, богорадно живущимъ? Но мы вѣмы и вѣруемъ, яко мнози и послѣдніе сіи первыхъ чистоту во вдовственномъ своемъ житіи невредно соблюдоша и соблюдаютъ, по реченному св. Евангеліемъ: Богови единому есть оправдати, или осуждати, вѣдущему составленіе комуждо и силу, якоже той Самъ единъ вѣсть [109]).

Ты же, гаждая насъ, паки возглашаеши: яко многіе отъ васъ, не простіи, но грамотніи, не токмо на свой вредъ, но и на соблазнъ и претыканіе внѣшнимъ, и на велію хулу церковную придержатъ женъ и дѣвъ, и часто съ ними водворяются. Сими убо тяжчайшими оглаголаніи терзая насъ, размысли о нашихъ многообразныхъ случаѣхъ. Иніи убо, бѣгающе гоненіе за древлеотеческое благочестіе, изшедше изъ міра, съ женами и дѣтьми своими пребываютъ, живуще вдовственное чистое житіе; и мнози убо таковіи, подвигъ сицеваго терпѣнія скончавше, отыдоша въ будущій вѣкъ, не посадивше словесъ поношенія и хулы на нынѣшніе языки. Иніи же, имѣюще ближнихъ родственницъ и тѣхъ престарѣлыхъ, овіи же, аще и чужихъ, но свидѣтельствованныхъ общимъ всѣхъ сосѣдствующихъ жителей окомъ, яко безпорочныхъ и уже многолѣтнихъ, и могущихъ и юныхъ свирѣпство обуздати,—сицевыя незазорныя лица чѣмъ осуждены? и кое зазрѣніе на таковые возложиши? коимъ хульнымъ терніемъ главу онѣхъ обвяжеши?

Симъ ли, еже къ намъ глаголеши: яко вы поистинѣ кары вси Божія понесете, судяще бо инѣхъ, а сами горчайшее зло творите? Кое осужденіе ваше на ны—молимъ тя показати? Кое наше горчайшее злотвореніе? То ли, еже новинъ убѣгаемъ; еже древлеотеческое благочестіе лобызаемъ; еже пустынными отецъ нашихъ бывшими благочестіями хвалимся? Аще убо кіихъ добродѣтелей и не соблюдаемъ, но вѣрою спастися уповаемъ, по реченному: праведный мой отъ вѣры живъ будетъ.

Ты же, законополагая намъ, возглашаеши: а не хотящихъ съ ними, то есть съ женами и дѣвами, разлучитися, дабы отъ церкви отлучали, и съ ними никоего общества имѣли, аки съ ругатели церковными и аки съ преслушниками правилъ св. отецъ. Еще ли наскочеши, — о, любомудре, — безстуднымъ твоимъ

---

108) На полѣ: „Прологъ, окт. 5. Амона, поживша съ дѣвицею лѣтъ 18. Октября 4“.

109) На полѣ: „Прологъ, сентября 27“.

брехотаніемъ на необличившіеся въ таковыхъ винахъ жители, и на сотворшую тебѣ ничтоже нашу братію! Ибо не препяша ноги твоея, въ путь новолюбія бѣжащія; ниже удержаша тя отъ вожделѣнія сопряженія; и новоженства твоего часть тебѣ оставиша; и законы новостей твоихъ о твоей выѣ обѣшени: красуйся ими, яко гривнами, и ликуй въ нихъ, яко въ вертоградѣ! братія же наша терніемъ гажденія твоего на всякъ день слухи своя чешуще, со благодареніемъ пріемлютъ твоя поношенія.

Мы же и о впадающихъ когда въ нѣкое прегрѣшеніе, избраннаго сосуда завѣщаніе въ памяти имѣюще, глаголющее [110]): аще и прежде человѣкъ впадетъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы, духовніи, исправляйте таковаго духомъ кротости. По которому его завѣщанію не смѣемъ на кающіеся твоею яростію наскакати; не имѣемъ, по твоему закону, непощаднымъ духовнымъ мечемъ душевныя главы ихъ отсѣкати, боящеся, да не постраждемъ съ древнимъ Карпомъ страшнаго Ісусова изреченія [111]).

Паки же, не имѣя стыда и боязни, глашаеши: о, за что юными такъ мудрость Божія укорена, и надсмѣяна, и обезчещена! Подобало бы ти, подобало,—о, любезне,—волкояднаго хапанія твоего хулу затворити въ твоихъ устнахъ, и долгій и толстый лисовъ хвостъ на хребтѣ памяти дѣлъ твоихъ подъяти, и тако незапаханные слѣды новоженства твоего оставити намъ зрѣти. Не помниши писаннаго: горе грѣшнику, ходящу на двѣ стези; и паки: приближаются мнѣ, глаголетъ Господь, людіи сіи и устнами чтутъ мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене,—всуе чтутъ Мя; и паки: вѣмъ твоя дѣла, яко ни студенъ еси, ни теплъ: изблевати тя имамъ отъ устъ Моихъ. Или ты мниши симъ гажденіемъ и напрасною хулою погребсти въ пепелъ забвенія содѣянное тобою, съ пріятіемъ новинъ, жены сопряженіе? Но обаче память же того написана есть графіею желѣзною на камени гладцѣ сердецъ человѣческихъ. Како не трепещеши гордыми твоими устнами глаголати мудрость Божію нами укорену, надсмѣяну и обезчещену? Кій таковый тяжкій грѣхъ на ны наносиши? Кое таковое беззаконіе на ны сплетаеши? Ибо единымъ отъ Бога отступленіемъ и хулою мудрость Божія бываетъ укорена, надсмѣяна и обезчещена, а не паденіемъ грѣха. Ты же толь тяжкія вериги на грѣшные куеши, яко едва и покаяніемъ оныя можно разрѣшити: на Святаго бо Духа хулившему не оставится [112]).

И паки гаждаеши, глаголя: почто доселѣ вы домы таковыхъ не очищаете отъ стряпухъ, не разрушаете ихъ безза-

[110]) На полѣ: „Къ Галатамъ 213“.
[111]) На полѣ: „Мученіе Діонисія Ареопагита“.
[112]) На полѣ: „Матѳ. 46“.

конныя любимства и придержанія дѣвъ и женъ, таймичищъ нѣкіихъ лукавыхъ таящихся, аки покровы драгими, чистоты сущими, блуда исполненныхъ и прелюбодѣянія? Но на коихъ убо горахъ, рцы намъ, узрѣлъ еси у насъ острымъ осужденія твоего окомъ блудническіе домы? Въ кіихъ церемоніяхъ позналъ еси беззаконныя любимства? Гдѣ увидѣлъ еси прелюбодѣйная таймичища, содержащая дѣвъ и женъ сонмища? Кого исполненныхъ блуда и прелюбодѣянія, подъ кровомъ чистоты лежащихъ, обрѣлъ еси? Блудныхъ ли сыновъ сонмы? Но по вся дни къ щедрому Отцу вопіютъ: согрѣшихомъ на небо, и предъ Тобою, и нѣсть мы достойны нарещися сынове Твои, сотвори насъ яко единыхъ отъ наемникъ Твоихъ. Блудныхъ ли женъ и дѣвъ совокупленіе? Но по вся часы кающеся, нозѣ Владычнѣ слезами моютъ. Сихъ ли речеши таящихся подъ кровомъ драгія чистоты? О нихъ же св. Златоустъ глаголетъ: всякъ, иже себе оглаголуяй, укротеваетъ судіино негодованіе; и паки отъ лица Божія вѣщаетъ [113]): всякій часъ даровахъ вамъ въ покаяніе, всякій возрастъ объемлю: аще младенца принесеши ми, радостію пріемлю; аще отроча, немотуя, прибѣгнетъ ми, веселюся; аще ли юноша, множае ликовствую о сихъ; аще и совершенніи мужіе притекутъ, пріемлю вся съ вѣрою приходящіе и, яко братію, цѣлую. И самъ Господь, утѣшая таковые, глаголетъ [114]): радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся, нежели девятидесятыхъ и девяти праведныхъ, иже не требуютъ покаянія.

Ты же, наскочивъ на всѣхъ, безстудно брехочеши на предводителей и на подчиняемые, овѣхъ нарицая блудниками и прелюбодѣями, другихъ же уступателями таковаго беззаконія: Оле, дерзости безчеловѣчныя! Мню убо, яко не пріити въ память реченнаго Господемъ: лицемѣре, изми первѣе бервно изъ очесе твоего и потомъ узрѣши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего; и паки: научаяй иного, себе ли не учиши! И симъ возбуждаемъ, отъ юга на сѣверъ скоро потеклъ еси, нося во устну твою языкъ твой изощренъ гажденіемъ и хулою, а не сладостію евангельскаго закона и отеческихъ завѣщаній помазанъ. Аще бо согрѣшитъ къ тебѣ, глаголетъ Господь, братъ твой: иди, и обличи его между собою и тѣмъ единѣмъ. И святый авва Дороѳей между прочими глаголы вѣщаетъ: о приключающихся согрѣшеніяхъ не зѣло стужати, но безъ смущенія показуй пакость, яко отъ согрѣшенія, не властельски повелѣвая, но со смиреніемъ совѣтуяся съ братомъ, и да не оставиши сердце твое возвыситися на нь, но помяни, яко братъ твой есть, и удъ о Христѣ, и образъ Божій. И отцы глаголютъ: аще иному запрещая, на гнѣвъ подвигнишися, свою страсть исполнилъ еси.

---

[113]) На полѣ: „Маргаритъ, слово“.

[114]) На полѣ: „Лука, 79“.

Ты же,—о, братолюбче, да не реку ангельниче,—не обличеніе, въ возглашеніи твоемъ ко дверемъ слуха нашего послалъ еси, но гаждательнаго осужденія гласъ рекій: почто доселѣ вы домы таковыхъ блудныхъ стряпухъ не очищаете, но тако, единъ другому уступающе и умолчевающе, лицемѣрно на свою церковь изъ малыхъ человѣкъ влечете срамъ и уничиженіе отъ внѣшнихъ. Оле, твоего лицемѣрнаго обличенія, наліяннаго ядомъ душевреднаго осужденія! Ибо св. авва Дороѳей глаголетъ: еже осуждати есть, еже рещи, яко онсица ложь есть, гнѣвливъ есть, блудникъ есть, се бо осуди самое то завѣщаніе души его, глагола: яко таковъ есть, посуди его, яко такова.

Ты же,—о, любезне,—не единаго, но всея страны нашея жителей подъ тяжкое иго осужденія низвергль еси, не воспомянувъ страшнаго Владыки нашего на древняго Іоанна Саваитскаго изреченія, глаголющаго: изрините его вонъ, яко антихристъ ми есть, прежде Моего суда той осуди брата своего.

Подобнѣ и предводительствующую богораднѣ братію поносиши, вопія: единъ другому лечетеающе и умолчевающе лицемѣрно и на свою церковьв уступ срамъ и уничиженіе, отъ внѣшнихъ.

Ты же,— о, любезне,—того ради, гаждая, осуждаеши всѣхъ насъ, яко покровители беззаконія, всуе. Ибо, чтый Священная Писанія, нѣси ли видѣлъ повѣсти о отцѣ Аммонѣ, како скрытую братомъ въ келіи подъ спудомъ жену, сѣдя вверху дѣлвы, не хотя подати братіи соблазна, утаи; по исшествіи же прочихъ изъ келіи, увѣща святая та душа онаго внити въ страхъ Божій и сотворити покаяніе о душѣ своей [115]). Не речеши ли,—о, любезне,—и сему въ пучинѣ лицемѣрія утопати, и тѣмъ на свою обитель срамъ и уничиженіе привлекати? Не подражаеши ли сему суду святого Іоанна Милостиваго, запрещающаго братіи осуждати Виталія, въ блудническіе домы по вся дни ходящаго [116]). Не подклониши ли подъ тѣ тягости сего осужденія равноапостольнаго царя Константина, видящаго истыми его очима на грѣховномъ дѣлѣ епископовъ и простыхъ иноковъ и желающаго одеждою своею покрыти ихъ, да инъ никто же узритъ тѣхъ грѣшащихъ?

Аще убо ты (по реченному негдѣ) тако прилежный испытатель житія искренняго еси, пріиди и помози ему въ нуждѣ, спостражи его немощь, къ тому не зазирай ему. Аще бо, рече, съ гордынею дерзостный будеши судія, попуститъ ти Богъ въ той же грѣхъ впасти, яже осуждаеши въ нищетнѣмъ братѣ твоемъ.

---

[115]) На полѣ: „Прологъ, сентября 9“.
[116]) На полѣ: „Апрѣля 22, въ житіи св. Виталія“.

Ты же,—о, любомудре,—не воспоминая сихъ приказаній, терзаеши лютѣ досадою и поношеніемъ братоболительныя утробы, и законополагая, вѣщаеши: домы, въ нихъ же лукавая сія таймичища содѣваются, глаголю дѣвы и жены сhouseholdводворяются, пресѣцыте пути посѣщенія сихъ любимицъ нечестивыхъ, ихъ же ради искони гнѣвъ Божій настоитъ.

Вѣмы,—о, любезне,—яко на таковые скверные домы, аще гдѣ будутъ, настоитъ искони, яко же реклъ еси, гнѣвъ Господень. Но мы на испытаніе таковыя скверны устроенныхъ домовъ не имѣемъ и путей на любодѣйное посѣщеніе не углаждаемъ, кромѣ случающіяся неминучія благословныя потребы: яко больна ли кто кого посѣтитъ когда, но имѣетъ въ томъ себѣ на оправданіе заповѣдь Божію; послужитъ ли чѣмъ кто кому, но вѣдаетъ и сосуда избраннаго, благодарившa иногда Маріамъ за вся къ нимъ послуженія; сродніи ли другъ о друзѣ попекутся когда, и тѣхъ елико союзъ сродства, толико Павлово завѣщаніе понуждетъ на сіе, глаголющее: аще кто, рече, о своихъ, паче же о присныхъ, не промышляетъ, не прилежитъ, вѣры отверглъ ся есть и невѣрнаго горши есть.

Или дивишися, — о, прилежный на братскіе недостатки зрителю, — яко случаются когда въ братіи нашей какіе соблазны и претькновенія? Но не помниши ли притчи, Господомъ Богомъ реченныя? О ней же и ты въ началѣ слова твоего надпомнилъ еси: яко уподобися царствіе небесное человѣку сѣявшу доброе сѣмя на селѣ своемъ; спящимъ же человѣкомъ пріиде врагъ и всѣя плевелы посреди пшеницы и отъиде; и егда возрасте трава, явишася плевелы. И аще въ насѣянномъ евангельскою проповѣдью вселенскомъ полѣ насѣя врагъ плевелы: ваше ли едино Стародубское поле остави, не бросивъ горсти плевеловъ? И аще тако, то въ райской породѣ ваше житіе есть, кромѣ всякаго смущенія. Но и въ таковомъ упокоеніи боятися надлежитъ, да не явится кто иной Адамъ, райскихъ плодовъ посѣтитель, и другая Ева, разумнаго древа вкусительница. И аще въ раю бяше преступленіе заповѣди Божія, то почто дивишися въ толикомъ народѣ нашемъ, къ тому же самовластительномъ, коликому ни буди плевелу расти? Ибо доколѣ возмогаху у насъ отеческіе предѣлы, доколѣ цвѣтяше въ старческихъ сѣдинахъ мудрость цѣломудрія, неодолѣваша злоба добродѣтели: цѣлы бяху церковніи законы, непоколебимы пребываху древлеотеческіе обычаи, всѣхъ же добродѣтелей основаніе и верхъ страхъ Божій незыблемъ стояше, и любовь другъ ко другу, яко рай Божій, выну цвѣтяше. Егда же вогнѣздися въ юныхъ мысли змій сластолюбія и сердца ихъ потрясе преслушаніемъ, и мысли ихъ помаза своеволіемъ: тогда начаша презиратися старческія сѣдины, уничтожишася спасительніи обычаи, возростоша плевелы, чистоту добродѣтели подавляющіе, надъ всѣми же сими явися лжебратій лютая

сонмища. Ея же клеветами потрясошася общежительства, разоришася скиты, связашася веригами настоятельстіи нозѣ, просыпася нестерпимая гроза во всю пустыню, дебри и блата восплакаша, источники и рѣки кровавыя струи испустиша, распужено бысть Христовыхъ овецъ ревнительное стадо, того ради умолкоша отечестіи законы, испровергошася пустынные обычаи, пойдоша мнози въ пути преступленія, побѣжаша въ стези ослушанія, и пріяша браки, новинами гобзующіе. Увы, нашея обиды! Возскрыпѣ пустыня младенческими колыбелями, огустѣша жительства малолѣтними отрочатами, отворишася врата новолюбнымъ священникамъ, и все старческое предводительство отъято бысть. Се же все содѣяся отъ потерянія страха Божія и любви къ искреннему своему. Не имѣя бо, рече, страха Божія въ себѣ, повиненъ есть таковый діаволимъ начинаніямъ; и паки: не бояйся Бога и не имѣяй страха Его въ сердцѣ своемъ впадетъ въ грѣхи мнози и тяжки. Подобнѣ и о любви: не любяй бо, рече, брата, пребываетъ въ смерти; всякъ бо не навидяй брата своего человѣкоубійца есть.

Ваше же любомудріе страхомъ Божіимъ ограждаемъ и горячею любовью къ ближнимъ своимъ распалаемъ. Не ужаснулся еси вся домы наша, якобы на исполненіе блудныя скверны устроенными, нарещи, и вся пути, яко бы на любодѣйное посѣщеніе углаженными, назвати.

Мы же, сія слышаще, Павлово исполняемъ: аще укоряеми, благословляемъ; аще гоними, терпимъ; аще хулими, утѣшаемся; якоже бо отреби міру быхомъ, всѣмъ попраніе доселѣ.

Тебе же, по законѣхъ отеческихъ добраго ревнителя видяще и дружнихъ недостатковъ острозрительнаго надзирателя разумѣвающе, покорно молимъ мыслію твоею къ верху добродѣтелей разсужденія снити, и о нашемъ бѣдномъ предводительствѣ разсмотрити. Ибо не можемъ убо ни властію обладати ряду, ни образомъ бывати стаду. И того ради послѣдуемъ Владычнѣй предусмотрительной высокой волѣ, оставльше расти пшеницу съ плевелы купно. Помнимъ же и Тайновидцу реченное Господемъ, яко время близь есть: обидяй да обидитъ еще, и скверный да сквернится еще, и праведный правду да творитъ еще, и святый да святится еще, и се гряду скоро, и мзда моя со Мною воздати комуждо по дѣломъ его. Не идемъ же мимо и Памвы Великаго, во отцѣхъ приказанія глаголющаго: въ та времена и лѣта спасаяй спаси душу свою, сей великъ будетъ во царствіи небесномъ, его же да сподобитъ насъ милостивый Господь Богъ получити. Аминь.

II.

„Приговоръ" 1739 года.

«Приговоръ» этотъ состоялся на ѳедосѣевскомъ «соборѣ» въ 7247 году 11-го іюня. «Соборъ» происходилъ въ Польшѣ, въ деревнѣ Давыдовѣ, и былъ вызванъ нестроеніями въ ѳедосѣевской общинѣ, возникшими вслѣдствіе ѳедосѣевскаго ученія о всеобщемъ безбрачіи. «Зане тѣхъ ради непослушныхъ винъ,—говорится здѣсь,—на всю церковь и на христіанскую вѣру отъ вѣрныхъ и отъ невѣрныхъ укоръ и велія хула бываетъ, и мнози веліе сомнѣніе имѣютъ, и отъ вѣры мнози отступаютъ». Такимъ образомъ безпоповщинское, въ томъ числѣ и ѳедосѣевское, ученіе о всеобщемъ безбрачіи вызвало въ ѳедосѣевщинѣ такія жизненныя явленія, по поводу которыхъ начались нареканія на ѳедосѣевщину не только со стороны «невѣрныхъ», т. е. непринадлежащихъ къ расколу, но и со стороны «вѣрныхъ»: о ѳедосѣевской «вѣрѣ» возникли «сомнѣнія» въ самой же ѳедосѣевщинѣ и многіе изъ ѳедосѣевцевъ стали отдѣляться отъ ѳедосѣевщины. По этому поводу и состоялся ѳедосѣевскій «соборъ» въ деревнѣ Давыдовѣ. На этомъ «соборѣ» участвовало 13-ть «духовныхъ» лицъ, т. е. 13-ть ѳедосѣевскихъ «отцовъ духовныхъ» и отправителей духовныхъ требъ. Въ знаменитыхъ ѳедосѣевскихъ «Отеческихъ Завѣщаніяхъ» опредѣленіе «собора» 1739 года въ ряду ѳедосѣевскихъ «соборныхъ» опредѣленій, какъ подлинный документъ, занимаетъ первое мѣсто. И это неудивительно: «самый текстъ» собора 1739 года является,—какъ справедливо указываютъ [117]),—«очень близкимъ перифразомъ опредѣленій ѳедосѣевскаго «собора» 1694 года, а «иногда и буквальнымъ ихъ повтореніемъ». Отсюда понятно, почему опредѣленія 1694 года въ «Отеческія Завѣщанія» не вошли: ихъ вполнѣ замѣняютъ опредѣленія «собора» 1739 года. Вопросъ: гдѣ находилась деревня Давыдово?—остается открытымъ, хотя не безъ основаній предполагаютъ, что она существовала въ восточной части теперешняго Себежскаго уѣзда, Витебской губерніи, и что именно эта мѣстность являлась въ XVIII вѣкѣ главнымъ центромъ ѳедосѣевщины въ Польшѣ [118]).

---

[117]) Богослов. Вѣстникъ 1910, декабрь, стр. 691.

[118]) Тамъ же, стр. 693—694.

Изъ 13-ти «духовныхъ человѣкъ», участвовавшихъ на «соборѣ» 1739 года, болѣе извѣстны въ исторіи ѳедосѣевщины собственно лишь 4-ре лица.

Первое мѣсто здѣсь занималъ Терентій Васильевъ. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ Терентія въ 1719 году, когда онъ жилъ на Разиной мызѣ. По всему видно, что еще въ то время этотъ Терентій пользовался въ ѳедосѣевщинѣ большимъ вліяніемъ. По крайней мѣрѣ, когда на Ряпиной мызѣ возникли «разногласія о божествѣ», вызванныя исправленіями въ старопечатныхъ книгахъ, какія дозволилъ себѣ извѣстный Евстратъ Ѳедосѣевъ, то ѳедосѣевцы Ряпиной мызы, рѣшивъ созвать по этому дѣлу «соборъ», послали нѣкоего Калину Михайлова съ письмомъ къ Терентію Васильеву на Разину мызу, прося Терентія пріѣхать къ нимъ «для совѣщаній». Калина пріѣхалъ туда въ тотъ же день ночью и отдалъ письмо Терентію, который обѣщалъ ѣхать на Ряпину мызу завтра. Но на другой день, когда они собирались ѣхать, пришли офицеры съ солдатами, причемъ послѣдовало извѣстное разореніе Ряпиной мызы [118а]). Послѣ этого мы встрѣчаемъ Терентія Васильева въ Лифляндіи, гдѣ ѳедосѣевцы живутъ подъ его «начальствомъ» [118б]). Однако, Терентій еще продолжалъ навѣщать Ряпину мызу: такъ, онъ присутствовалъ на бесѣдѣ ѳедосѣевцевъ съ «священно-іереемъ» Матвѣемъ Андреевымъ, бывшей 13 марта 1722 года въ Лыбовкѣ,—деревнѣ на Ряпиной мызѣ [118в]).

Второе мѣсто на ѳедосѣевскомъ «соборѣ» 1739 года занималъ нѣкій Игнатій Трофимовъ. По отзыву Павла Любопытнаго, Игнатій «у ѳедосіанъ былъ столпъ, утвержденіе, слава и честь ихъ». Дѣйствительно, Игнатій много потрудился на пользу своей общины. «Онъ былъ роста средняго, лицомъ бѣлъ и продолговатъ, взоръ имѣлъ скромный и пріятный, браду окладистую и мало продолговатую, украшенную всю сѣдинами: все это показывало въ немъ мужа важнаго и рѣдкаго» [118г]). Между прочимъ, Игнатій принималъ дѣятельное участіе въ собесѣдованіяхъ ѳедосѣевцевъ съ «священноіереемъ»

118а) Раск. дѣла XVIII в., I, стр. 91.

118б) Извѣщ. правед., стр. 59—60, 119.

118в) *Дружининъ.* „Священноіерей Матвѣй Андреевъ", стр. 81.

118г) Сбор. для ист. стар. II, V, приложенія, стр. 131. Подробныя свѣдѣнія о дѣятельности Игнатія среди ѳедосѣевцевъ сообщены въ статьѣ *П. Д. Густинова,* помѣщенной въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" за 1910 годъ.

Матвѣемъ Андреевымъ. Еще въ первый приходъ на Ряпину мызу Матвѣй бесѣдовалъ съ Игнатіемъ о «богоустановленномъ священномъ чинѣ». Затѣмъ, Игнатій велъ бесѣду съ Матвѣемъ 17 января 1722 года въ Лыбовкѣ; а на бесѣдѣ Матвѣя 13 марта 1722 года, которую велъ со стороны ѳедосѣевцевъ Евстратъ Ѳедосѣевъ, Игнатій много помогалъ Евстрату [118д]). Умеръ Игнатій въ 1761 году.

Есть еще два лица, участвовавшія на соборѣ 1739 года и извѣстныя въ исторіи ѳедосѣевщины: это—Ѳаддей Денисовъ, записанный здѣсь на пятомъ мѣстѣ, и Савинъ Михѣевъ—записанный на седьмомъ мѣстѣ.

Подъ именемъ Ѳаддея Денисова нужно разумѣть извѣстнаго Евстрата Ѳедосѣева, сына Ѳеодосія Васильева, основателя ѳедосѣевскаго толка. Любопытный такъ характеризуетъ Евстрата: «онъ былъ во всей Польшѣ столпъ своей церкви, утвержденіе ея въ Москвѣ, и прочихъ странахъ Россіи, обращавшій на себя не разъ внимательные взоры Выгорѣцкой киновіи и всѣхъ старовѣрческихъ церквей въ Москвѣ. Онъ былъ мужъ тщательный въ созданіи церкви, рачитель церковнаго благолѣпія и строгой жизни, ревнитель правилъ и обычаевъ своей церкви» [118е]). На Ряпиной мызѣ онъ былъ «настоятелемъ» и занялъ это мѣсто по смерти своего отца. По разореніи Ряпиной мызы Евстратъ бѣжалъ опять въ Польшу и поселился тамъ во владѣніяхъ пана Эльзана. Но отсюда онъ не разъ пріѣзжалъ на Ряпину мызу и въ Москву. Такъ, въ 1722 году на бесѣдѣ 13 марта, бывшей въ Лыбовкѣ, Евстратъ выступалъ главнымъ возражателемъ «священноіерею» Матвѣю Андрееву. Около этого же времени начался его раздоръ съ нѣкіимъ ѳедосѣевцемъ Савиномъ Михѣевымъ— изъ за исправленій въ старопечатныхъ книгахъ, допущенныхъ Евстратомъ. Въ 1735 году видимъ Евстрата въ деревнѣ Ступилишкахъ, въ Польшѣ, гдѣ онъ на «соборѣ» произноситъ свое «исповѣданіе вѣры» [118ж]). Тогда Евстратъ всѣми былъ одобренъ и принятъ въ общеніе. Однако, на «соборѣ» 1739 года Евстратъ значится не на первомъ мѣстѣ: возможно, что споры Евстрата съ Савиномъ Михѣевымъ значительно ослабили его авторитетъ. Умеръ Евстратъ въ 1768 году.

[118д]) *Дружининъ*. „Священноіерей" Матвѣй Андреевъ, стр. 38—39, 81.
[118е]) Сбор. для ист. стар. II, V, приложенія, стр. 106.
[118ж]) Сборн. для ист. стар. I, 5—10.

Упомянутый Савинъ Михѣевъ, извѣстенъ своими спорами съ Евстратомъ Өедосѣевымъ. Въ опредѣленіи өедосѣевскаго «собора» 1739 года онъ значится «духовнымъ отцомъ» и въ ряду таковыхъ занимаетъ седьмое мѣсто. Когда өедосѣевцы жили на Ряпиной мызѣ, то Савинъ Михѣевъ состоялъ тамъ кузнецомъ өедосѣевской «обители» [118з]). Тѣмъ не менѣе и тогда онъ былъ человѣкомъ, повидимому, вліятельнымъ: заведя раздоръ съ Евстратомъ, Савинъ рѣшился даже перекрещивать сторонниковъ Евстрата, если таковые приходили для общенія къ нему [118и]).

Г. І. Х. С. Б. П. Н. А. [119]).

Лѣта седмь тысящъ двѣсти четыредесять седьмаго, іюня въ 11-й день [120]).

По совѣту всѣхъ духовныхъ человѣкъ: Терентія Васильева, Игнатія Трофимова, Ивана Иванова, Лазаря Захарьева, Өаддея Діонисіева, Василія Семенова, Савина Михѣева, Симеона Сергѣева, Игнатія Тимофеева, Георгія Андреева, Герасима Яковлева, Макарія Иванова, Өеодора Өеодорова, и прочихъ человѣкъ духовныхъ, книжныхъ и простыхъ, всѣхъ православныхъ христіанъ, мужеска полу и женска,—было у насъ общее братское собраніе—въ Польшѣ, въ деревнѣ Давыдовѣ—и приговорили мы вкупѣ, чтобъ намъ по правиламъ святыхъ отецъ чинить:

Отнынѣ въ келіяхъ на уединеніи, съ зазорными лицы, и съ духовными дочерьми,—и съ дѣвицами, и съ женами,—не жить, и со старѣйшими, и съ преемницами.

И которые люди обыщутся въ духовномъ сродствѣ крещены: единъ кумъ у мужа и жены,—и намъ, отцемъ духовнымъ, таковыхъ разводить, и жить вкупѣ не велѣть, и тѣмъ житіемъ православныхъ христіанъ не соблажнять, и таковаго житія впредь не имѣть, дабы намъ проклятымъ не быть.

Но подобаетъ намъ на послуженіе старѣйшихъ женъ избрать, или мужескій полъ на келейное служеніе имѣть, и тако житіе провожати. А молодыхъ женъ и дѣвицъ въ стряпухахъ отнюдь не держать, и за келейницъ ихъ не помышлять, и не имѣть.

А которые до сего такъ жили и тѣхъ зазорныхъ лицъ у себя въ келіяхъ имѣли, въ тѣхъ зазоръ велій и сумнѣніе стяжали: и

118з) Раск. дѣла XVIII вѣка, I, стр. 92.

118и) Мат. для ист. безпопов. согласій, стр. 26.

119) Рукоп. Владимірской семинаріи № 75, лл. 59—62 обор. Здѣсь опредѣленіе этого „собора“ надписывается такъ: „Списокъ съ приговору“.

120) Противъ этого на полѣ значится: „Отъ Андрея Лазарича Московскаго“.

тѣхъ намъ тотчасъ отослать, и во иныхъ мѣстѣхъ на сохраненіе чистаго житія ихъ посадити, а у себя ихъ ни часу не держать.

А буде которые люди изъ насъ, духовные, не будутъ по оному писанному творить и тако жить, но по своему нраву, по прежнему, будутъ жить, и со всею церковію будутъ противность имѣть: и намъ таковыхъ отъ церкви отлучать—за ихъ непослушаніе и непостоянство. Зане тѣхъ ради непослушныхъ винъ, на всю церковь и на христіанскую вѣру, отъ вѣрныхъ и отъ невѣрныхъ, укоръ и велія хула бываетъ, и мнози веліе сомнѣніе имѣютъ, и отъ вѣры мнози отступаютъ, и за меньшицъ ихъ помышляютъ.

Сего ради не подобаетъ намъ таковаго зазора и порока имѣти, и православныхъ христіанъ своимъ житіемъ соблажнять, и душъ христіанскихъ симъ образомъ сожитія вредить.

Такожде учинить и простымъ человѣкомъ, гдѣ ни случится: юношамъ и дѣвицамъ вмѣстѣ, на уединеніи, въ келіяхъ, или индѣ гдѣ, не быть. Такоже и мужу съ чужою женою по тому же не жить вмѣстѣ, и тѣмъ житіемъ чтобъ за скверну душъ своихъ не погубить.

И отцемъ духовнымъ, вѣдая про то ихъ келейное, уединенное, житіе, на покаяніи сказанное, или отъ сожителей единокупныхъ прослышится негдѣ у кого съ кѣмъ нечистое житіе: и тѣхъ людей втайнѣ отцемъ духовнымъ разводить врознь. А кто, не разсмотряя плодовъ покаянія ихъ, станетъ пріимать, тому запретить: на духъ не пріимать, дондеже не разойдутся; и не исцѣлять, дондеже они врознь жити не станутъ.

А которые люди: юноши или мужи, взявъ къ себѣ женъ или дѣвъ на единокелейное жительство, пребываютъ, безстудно живутъ, и впередъ жити станутъ вкупѣ съ тѣми женами и дѣвами,—и тѣхъ явственныхъ единожительныхъ всею церковію, духовнымъ людемъ, всякому, ихъ разводить, а никому ихъ изъ насъ инако въ церковь не принимать, ни на моленіе, ни на ядeніе не пускать, и вмѣстѣ со христіаны не сообщать, дондеже ихъ врознь не развести. Итого намъ не преступать, и никому изъ насъ, духовному, имъ въ томъ не потакать, и жити имъ вкупѣ не велѣть.

Потомъ и сіе всѣмъ духовнымъ людемъ и простымъ народомъ буди вѣдомо, яко у всѣхъ насъ, духовныхъ людей, будучи на общемъ братскомъ соборѣ, установлено: которые дѣти духовные, юноши или дѣвицы, будучи у насъ на исповѣди, и по наказаніи отцовъ духовныхъ, тѣ дѣти духовные заповѣди Божія и отецъ своихъ преступать будутъ, и обѣты своя потопчутъ, и женитися станутъ, а дѣвицы замужъ пойдутъ, и вѣнчатися отъ еретикъ станутъ, или тако, не вѣнчавшися, сойдутся и жити станутъ, или вѣрной невѣрную поиметъ, и вѣрная съ невѣрнымъ брачитися станетъ, и приживутъ между собою дѣти, и поищутъ пріяты быти въ цер-

ковь, или къ отцемъ своимъ духовнымъ на покаяніе пріити пожелаютъ, или изъ насъ кого, духовнаго отца, къ себѣ призывати станутъ, и дѣтей своихъ крестить: и намъ, отцамъ духовнымъ, духовнаго дѣла у нихъ не творить, и съ ними ни пити, ни ясти, ни на молитвѣ стояти, и на службу къ себѣ ихъ не пущати.

А аще которые дѣти у таковыхъ людей крещены въ болѣзни, по обѣщанію ихъ, и оздравѣютъ, и похощутъ жити со отцами своими и съ матерями, безъ роспуску, и будутъ съ ними общеніе имѣти въ моленіи, и ядeніи, и въ питіи: и намъ таковыхъ дѣтей къ себѣ на моленіе не пущать, и со христіаны сообщенія никакого не имѣть, донележе они отъ отцовъ своихъ не отстанутъ.

А которые младенцы у вышеписанныхъ людей разболятся, и аще обѣщаются отцы и матери врознь разлучитися, или на христіанскія руки отдадутъ, таковыхъ окрестить.

А которые мужи и жены отъ міра приходятъ,—мужъ оставя жену свою, или жена своего мужа, или юноша отъ живаго мужа уведетъ, и сойдутся и жити станутъ:—и таковыхъ намъ не крестить, дондеже не разойдутся врознь, и по крещеніи имъ жити вкупѣ не велѣть.

А которые изъ насъ, отцы духовные или мірскіе, начнутъ безъ разсмотрѣнія въ таковыхъ вышепоказанныхъ бракахъ дѣтей крестить, какъ и ихъ самѣхъ безъ роспуску на исповѣдь пріимать: и намъ, отцемъ, о семъ имъ запретить, и аще не послушны явятся, то и отъ церкви отлучить.

А прочее все творити намъ какъ у прежнихъ отцевъ и страдальцевъ въ письмѣ положено.

И въ томъ мы, духовніи и мірскіе, межъ собою отнюдь на сей приговоръ нашъ инаково дерзати не будемъ.

III.

„Письма“ выговцевъ и ѳедосѣевцевъ.

Споры въ безпоповщинѣ, между поморцами съ одной стороны, и ѳедосѣевцами съ другой, тянулись непрерывно весь разсматриваемый нами періодъ времени. Первое собесѣдованіе по спорнымъ вопросамъ происходило на Выгѣ въ 1727 году. По поводу этого собесѣдованія намъ извѣстно два «письма»: одно принадлежитъ перу поморца Андрея Денисова и носитъ названіе «Извѣстіе страннымъ», другое писано ѳедосѣевцемъ Игнатіемъ Трофимовымъ и извѣстно подъ именемъ «Примирительнаго письма».

Позднѣйшая переписка ѳедосѣевцевъ съ выговцами относится къ 1745 году. Тогда на Выгъ писалъ «письмо» тотъ же Игнатій Трофимовъ, снова предлагая выговцамъ старый вопросъ

о титлѣ на крестѣ. Отвѣтъ, и очень подробный, со стороны выговцевъ былъ данъ Даніиломъ Матвѣевымъ, писавшимъ его 11 февраля 1745 года.

Понеже [121]) пустынножители пріяша обычай отъ древлеправославныя церкве имѣти на животворящемъ крестѣ подписаніе, по древлецерковнымъ святыхъ обычаямъ, и кресты мѣдные литы съ древнихъ образцовъ, съ староцерковными подписаніи [122]), о чемъ премножайшая древлецерковная святыхъ свидѣтельства имѣемъ. А какъ о Пилатовѣ надписаніи въ святѣмъ Евангеліи и въ прочихъ церковныхъ книгахъ писано, тако и пріемлемъ; а своего преданія о тѣхъ святыхъ словесѣхъ, чего тамо не написано, не изводимъ, и не предаваемъ. А отъ другихъ своеразсуднаго преданія не пріемлемъ. О чемъ премногая древлецерковная святыхъ свидѣтельства и противо неистинныхъ наложеній отвѣтствованія достовѣрная на бесѣдѣ любви вашей явихомъ, чесо ради намъ готовому святыхъ преданію послѣдовати надежно есть. А о оной, Пилатомъ написанной, титлѣ, — воображали ли ю въ древлеправославной церкви четырьми буквами святіи на образахъ крестныхъ,—о семъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ ищемъ. Того ради и писать тѣхъ четырехъ буквъ, до подлиннаго свидѣтельства, совѣтовати опасеніе имѣемъ. Понеже у древнихъ святыхъ воображено не обрѣтаемъ; а когда прилучается намъ быти въ странѣхъ христіанъ, и обрѣтающимся у нихъ животворящимъ крестамъ съ подписаніемъ „Царь славы, Іисусъ Христосъ, ника", аще и титла на тѣхъ крестахъ съ четырьмя буквами воображена, и тѣмъ животворящимъ крестамъ поклоненіе творимъ, и инѣмъ совѣтуемъ поклоненіе творити, о чемъ [123]) у насъ и прежде на общей бесѣдѣ письмомъ извѣщено. И о семъ вашу братскую любовь молимъ: еже вы потщаніе имѣйте [124]), на староцерковныхъ крестахъ подписаніе обыскивайте. Благоволите о семъ доброе и боголюбное радѣніе имѣти, якоже соборнѣ, въ Стоглавѣ,

---

[121]) Рукоп. И. П. Б. О. 1. 369, лл. 91—93; здѣсь это „извѣстіе" надписывается такъ: „Извѣстіе страннымъ братіямъ, пришедшимъ ради мирнаго согласія, съ ними же бесѣдовахомъ отъ Святыхъ Писаній, и по желанію ихъ и другихъ братій, въ вѣдѣніе общесогласное примиреніе извѣствуется". Въ рукоп. В. Г. Дружинина № 149, лл. 166—168 надпись „этого извѣстія" такая: „Отца Андрея Діонисьевича и Игнатія Трофимовича писемъ копія", причемъ далѣе говорится: „А. Д. братіи, пришедшей ради... общесогласнаго примиренія". Въ рукоп. Владимірской семинаріи № 75, гл. 14, на полѣ „извѣстія" имѣется помѣтка: „А. Д. 1727 года".

[122]) 149 и 75: подписаніи, кромѣ Пилатова надписанія.

[123]) 149: поклоненіе творимъ, о чемъ у насъ и прежде...

[124]) 149 имѣете.

православная церковь повелѣваетъ: святыя иконы и подписанія съ древнихъ переводовъ воображати, и древлецерковная святыхъ извѣстная начертанія во образецъ и во свидѣтельство возымѣти. А отъ новиковъ, отъ нихъ же мы всякихъ тайнодѣйствій опасаемся: состроенныхъ отъ нихъ иконныхъ и крестныхъ начертаній и на нихъ подписанія, чтобы какимъ исповѣданіемъ намъ во свидѣтельство и во образецъ не пріяти, и подъ преданіемъ ихъ не быти, но якоже въ прочихъ, тако и о семъ древлецерковными свидѣтельствы [125]) утверждатися.

А о чинѣхъ молитвенныя службы, яже мы пріяхомъ отъ древлеправосланыя церкви [126]) святыя обители, о чемъ вашей любви на бесѣдѣ явихомъ, и отъ святыхъ Писаній и отъ отеческихъ обычаевъ засвидѣтельствовахомъ, и аще нѣкія и разныя обрящутся [127]), въ томъ другъ съ другомъ разгласія не имѣти, но кому съ кіимъ прилучится приходити, имѣти соглашеніе, и распри не чинити, да миръ Божій будетъ между христіаны, аминь. 1727 году, августа 5 дня.

Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ [128]).

Вѣдомо буди о семъ: когда были мы на бесѣдѣ у пустынножителей въ 1727 году [129]), на той бесѣдѣ воспомянуся о письмѣ Игнатія старца Палье-Острова, что которое письмо обносится въ христіанѣхъ, и о томъ письмѣ случается пря и смущеніе въ христіанѣхъ. Андрей Діонисьевичъ, блаженной памяти, и со всѣми братіями, бывшими ту на бесѣдѣ, изрекъ о письмѣ ономъ и говорилъ, что мы его во оправданіе не приводимъ о титлѣ, что Пилатомъ писано на крестѣ Господнемъ, и тѣмъ не оправдаемся; но отъ лѣтописныхъ древнихъ крестовъ свидѣтельство приводимъ; такожъ и Өеодосія Васильевича, блаженной памяти, письма, которыя обрѣтаются подъ сомнѣніемъ,—обоихъ сихъ письма судьбамъ Божіимъ предаваемъ; а страдальцевъ сихъ чтобы намъ не судити, такоже и письма ихъ не хухнати, понеже писано есть: писавый самъ вѣсть опасный ихъ разумъ, — но Богу предаваемъ ихъ судити; а что которые люди отъ нашея

---

[125]) 149: древлецерковными святыхъ достовѣрными свидѣтельствы.

[126]) 149 и 75: древлеправославныя церкве, наипаче древлесоловецкія.

[127]) 149 и 75: и аще нѣкіе различные чины обрящутся.

[128]) Рукоп. И. П. Б. Q. I. 1089, лл. 33 об. — 34 об.; здѣсь надписаніе письма такое: „Примирительное письмо Игнатія Трофимова“. — Рукоп. Владимірской семинаріи № 75, лл. 125—125 обор.; здѣсь подпись гласитъ: „Списано съ соборнаго обоихъ странъ письма“.—Рукоп. В. Г. Дружинина № 149, лл. 168 об.—169 обор.; здѣсь надпись такая: „Письмо отца Игнатія Трофимыча“.

[129]) 149: на полѣ: 7235-го.

страны, пустынножителіе, что изрекли дерзко, или сотворили, того мы не одобряемъ, ниже похваляемъ.

Таковъ судъ изданъ бысть на той бесѣдѣ. Доздѣ слова Андрея Діонисьевича.

Такожде и отъ нашея страны Новгородскія—что дерзостно говорили и не въ чинъ писали, того и мы такожде не одобряемъ, ниже похваляемъ. А которые впредь будутъ таковое своею дерзостію творити, и сихъ вкупѣ наказывати.

И тако Богу молилися и, „Достойно" проговоря, другъ другу прощеніе принесли. И тако въ мирѣ воспѣвати и славити Бога во вся вѣки, аминь.

Во извѣстіе [130]) вашему боголюбію, по предложенному слову о письмѣ, что писано старца Игнатія Палье-острова о титлѣ, яже при распятіи Господни на животворящемъ первообразномъ крестѣ была, и нынѣ видимъ. И чрезъ ту титлу онъ, Игнатій, вельми непорядочно пишетъ,—страшно намъ слышать и ужасно намъ прочитати!

А нывѣ мы слышимъ съ вашей страны, подобно оному Игнатіеву списанію, отрыгаете и хулите, якоже и прежде были отъ вашей страны, ревнуя по Игнатіи Палія-Острова, дерзостные хульники. И ваша любовь извольте намъ истинно и праведно извѣстить о томъ письмѣ, какъ стати предъ Богомъ: право ли оно, или неправо, списаніе? пріято ли церковью святою, или не пріято? или вы сами помышляете: право ли, или неправо? А будетъ право, то вы извѣстите намъ письменно: право, и православно, и церкви Божіей не противно, и святымъ богословцемъ согласно. А будетъ вашей любви оное списаніе Игнатіево сумнительно, и мнительно, и непорядочно, и въ мірѣ оное непотребно, и христіаномъ оное мятежно, и вредно: и вы, Господа ради, не скройте о томъ въ сердцѣ своемъ, явственно покажите намъ исповѣданіе на письмѣ чисто, чтобы намъ во свои страны извѣстіе показать братіи своей не токмо словесы, но и на писаніи.

А что ваша любовь приноситъ намъ свидѣтельство о древнихъ святыхъ чудотворныхъ крестахъ безъ титлъ, то мы исповѣдаемъ свято и истинно, и поклоняемся, и пріемлемъ, и облобызаемъ. А что съ титлами кресты у насъ видятся, или гдѣ обрѣтаются въ церквахъ, или гдѣ въ селѣхъ, и во христіанѣхъ: пріемлемъ же равночестно, а оставить, или вонъ вынести, или тыя титлы сокрушить, или стереть оную: не смѣемъ того ради, что святые чудотворцы и обличители на римское царство, и на люторское ученіе, много писали; и о польскомъ государствѣ много Филаретъ патріархъ извѣстилъ,

---

[130]) Рукоп. В. Г. Дружинина № 160, лл. 300—301. На полѣ здѣсь помѣтка: „1745".

а о титлѣ нигдѣ не описалъ, и ниже воспомянулъ. А что были учители и страдальцы въ россійскомъ государствѣ, изъ нихъ же ни единъ упомянулъ о титлѣ, кромѣ вашего Игнатія Палія-Острова; нижѐ Низовскіе отвѣты о всемъ описуютъ, а о томъ не являютъ; нижѐ ваши Поморскіе отвѣты, что противу новинъ всѣхъ описуютъ же, а о титлѣ нигдѣ не проповѣдуютъ, но всячески молчатъ; о крестномъ матеріалѣ писали, а о титлѣ умолчали.

Посемъ просимъ по премногу вашу любовь: пожалуйте, не презрите сего нашего, Господа ради, прошенія, и пользы ради душъ христіянскихъ о себѣ достовѣрно извѣстите.

Писавый, по премногу униженный, кланяюсь Игнатій Трофимовъ и прочіе. 1745 годъ.

Благочестивѣйшей братіи: Игнатію Трофимовичу съ прочими о Христѣ радоватися желаемъ [131]).

Молительное ваше писаніе, вкупѣ же и понуждательное,—о отцѣ Игнатіѣ отвѣтословіе,—пріимше, удивляемся толь вашему усердному тщанію: яко о отцѣхъ, уже въ давнихъ временахъ бывшихъ, совопрошаете, и многая, видится, и неприличная совносите и объявляете; и святопочившую отеческую персть дерзко нѣкако и неучтиво воспоминаете; къ тому же и свое мнѣніе о Пилатовѣ написаніи паки и паки возновляете и подтверждаете. И хотя мы, грубіи, многи и неудобь сказуемыми, по нашей немощи, настоящимъ временемъ, комисеческими, неменьше же генеральною ревизіею, безмѣрно затруждены, однакожъ, по должности христіанской, прошеніе ваше не пренебрегаемъ, но рѣшеньми подобающими, любве ради Христовы и пользы христіанскихъ душъ, разрѣшающе, отвѣтословствуемъ.

Первое о отцѣ Игнатіѣ отвѣтствуемъ. Преподобнѣйшій оный Игнатій постриженикъ бяше Соловецкія святыя обители, вѣрою же благочестивъ и житіемъ святъ,—якоже отъ прежде бывшихъ отецъ нашихъ довольно слышахомъ о немъ,—который послѣди въ Поморской странѣ, въ Паліи—Островѣ, со многочисленнымъ христіанскихъ душъ собраніемъ, за старо церковное благочестіе, отъ гонителей принужденъ (по нынѣшній настоящій 1745 годъ шестьдесятъ лѣтъ уже прейде), скончася о Господѣ благочестно. Отъ сихъ познавается, яко доброревностный онъ: понеже за святоцерковное святыхъ россійскихъ чудотворцевъ благочестіе подвижеся даже до самой смерти; понеже къ Никоновымъ тогдашняго времени новинамъ не токмо не приста, но и всякою ревностію тоя обличи и

---

[131]) Рукоп. В. Г. Дружинина № 160, лл. 302—315; здѣсь надпись этого отвѣта такая: „Къ Игнатію Трофимову отъ Поморскихъ, отъ Данилы Матвѣева“. А на полѣ: „Противъ письма“.

бездѣльны показа; понеже въ писаніи его противу новостей вездѣ ясно Святую Троицу безначальну, и единосущну, и присносущну, въ трехъ ипостасѣхъ, во единомъ же божествѣ, исповѣдуетъ,—о смотрѣніи Сына Божія на многихъ мѣстѣхъ правомудренно явствуетъ, яко единосущенъ Богу Отцу, и соприсносущенъ, и сопрестоленъ Пресвятому Духу, яко совершенный Богъ и совершенный человѣкъ,—пресвятую и преблагословенную Богородицу Марію: и прежде нетлѣннаго изъ нея Бога Слова рождества, и въ рождествѣ, и по рождествѣ, пречисту, и нескверну, и не блазну, сущую Дѣву и Матерь Божія Слова присно и всеблагодатно исповѣдуетъ, и славитъ, и величаетъ, и почитаетъ,—святые вселенскіе соборы и помѣстные со всѣми ихъ богословными преданіями и иконнымъ почитаніемъ и поклоненіемъ вездѣ пріемлетъ и утвержаетъ, кіимъ и прочая всецерковная послѣдованія преславно богомудрый оный старецъ извѣствуетъ, и по части, якоже обычно ему, жалостно воспоминаетъ и многоревностно, за ня ополчаяся, защищаетъ,—о крестныхъ титлахъ, или надписаніяхъ, согласно со святою церковію, яко восточною, тако россійскою правомудрствуетъ, извѣствуя на крестѣ подписывати боголѣпная всецерковная написанія, еже есть: царь славы Іс. Хр. сынъ Божій, якоже и святая, соборная, апостольская церковь и святіи россійстіи чудотворцы крестными надписаніи видно доказуютъ: яко же святый и многословущій Корсунскій крестъ; и св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова меднолитный жезлъ; и св. Петра митрополита знаменитый жезлъ; и великаго царя Константина крестъ; и чудотворный оный, отъ самаго древа креста Христова, на немъ же распяся и кровію освяти, стоящій нынѣ въ соборѣ Благовѣщенскомъ въ Москвѣ, и прочіе многочисленніи, ихъ вы сами видите, находятся неложніи. Изъ сихъ и прочихъ православныхъ древлецерковныхъ послѣдованій познавается оный священный старецъ Игнатій, яко православнаго мудрованія бяше, и вся оная, яже выше сего изъявихомъ о немъ, вся богомудренна и со св. богословцы весьма согласна и за едино исповѣдуемо, и святою древлеправославною церковію право и православно пріемлется, и отъ нашея и вашея страны единовидно пріемлема и вѣруема суть.

И того ради вамъ видятся писанія онаго Игнатія отца непріятна, якоже въ письмѣ вашемъ объявисте гаждательно, непорядочное, и вредное, и непотребное возъименовавше, понеже онъ къ прочимъ новопрозябшимъ Никоновымъ новинамъ и четыре литеры І. Н. Ц. І., на крестѣ Христовѣ пишемыя, якоже ему возмнѣся, новоузрѣ, за что не точію оный непріятъ, но и новиною порече.

Но посемъ Господа ради здраво разсудите: отецъ оный якоже о немъ извѣствуется, мужъ не точію добродѣтельнаго житія бывый, и прозрительнаго дарованія исполненный, но и Св. Писанія вѣдитель многопремудрый, современный и сли-

тенъ отцу Герасиму, по реклу Ѳирсову, бывый съ нимъ единоумно и единомысленно, на Соловкахъ много лѣтъ поживе, о чесомъ тонкостно, аще изволите, надгробное оно слово, отцемъ нашимъ Андреемъ Діонисьевичемъ Петру Прокопьевичу писанное, и Исторію о отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ писанную прочести, и оттуду извѣстнѣйше и опаснѣйше уразумѣете.

Оный премудрый старецъ о святоцерковныхъ, во святѣй древлеправославной церкви зримыхъ, надписаніихъ крестныхъ довольно извѣстися, о нихъ же мы выше сего вкратцѣ воспомянухомъ: и того ради Пилатово надписаніе, чрезъ четыре литеры явльшеся, за несогласіе причте. И святыхъ богословцевъ Священная Писанія и обличительная о Пилатовѣ написаніи словеса причте, яковая находятся: св. Григорія Богослова—въ словѣ второмъ на Крещеніе Господне въ стихѣ 53, которое толковалъ богословный мужъ святый Никита Ираклійскій митрополитъ сими словесы: злѣ написа Пилатъ титлу, яко вину убо, а не яко истину написа. Что сихъ словесъ яснѣйше, что крѣпчайше быти можетъ? Сими писаніи, видится, приснопоминаемый оный старецъ увѣрився, Пилатово надписаніе, съ новшествами въ россійскую церковь прибывшее, обличи.

И не точію древніи богословцы и Соловетстіи отцы Пилатово надписаніе не пріемлютъ и гаждаютъ, но и въ прешедшихъ временѣхъ многоученніи авторы, проповѣдницы слова Божія и защитницы восточнаго православія, во многихъ латыни и уніаты обличающіе, о Пилатовѣ написаніи не помолчаше: якоже зельнѣйшій находится обличитель Евсевій Пименовъ, мужъ, видится, ученый въ книзѣ Лиѳосъ, или Каменъ, лѣта 1642, въ Кіевѣ и въ Краковѣ изданной, во отвѣтствіи агнца или опрѣснока латинска, Пилатово разсуждающъ написаніе и глаголющъ сице: зри въ костелѣ римскомъ во время литургіи на агнцѣ: егда не узриши ли на единѣй странѣ воображенія распятаго Спасителя сихъ словъ подъ титлою I. Н. Ц. I., отъ Пилата на крестѣ написанною, егда не узриши ли и на иныхъ въ кругѣ письменъ болѣе, неже у насъ; и мало понизше: на просфорѣ греческой грамота IС. ХС. ника. Доздѣ Евсевій Пименъ. Тацѣми словесы многоученный оный авторъ извѣстно показуетъ, яко въ римскомъ костелѣ таковое писаніе Пилатово находится на агнцѣ написуемо четырьми прежереченными письмены, еже есть: I. N. R. I; на просфорѣ же греческой такового надписанія не имѣется, но IС. ХС. ника.

Согласно и въ россійской церкви чудотворнымъ надписаніемъ крестнымъ воображаемо. Негли и сицевое написаніе вышеписанный отецъ Игнатій прежде настоящихъ временъ, еще вамъ и намъ и въ свѣтѣ семъ не бывшимъ, прочте и уразумѣ. И посему отъ Никоновыхъ временъ въ россійскую церковь припадшую Пилатову титлу тако позна и разсуди.

Негли и во иныхъ писаніяхъ и книгахъ обрѣте, ихъ же мы и вы видѣти еще не получихомъ. Негли и отъ древнихъ отецъ самослышаніемъ навыкнувъ, и отъ бесѣдъ духовныхъ уразумѣвъ. И ради сего непріятны ему тыя четыре литеры возмнѣшася. Ибо мы не имѣемъ тѣхъ четырехъ Пилатовыхъ написанныхъ литеръ на крестѣ Христовѣ воображати (якоже и друзіи нашего согласія народи не пишутъ), понеже у святыхъ не видимъ тако пишемы.

Тако и святопросвѣщенный отецъ Игнатій, негли негдѣ видѣвъ въ древлеправославной церкви на чудотворныхъ крестахъ пишему, отъ новиковъ же вездѣ воображаемо узрѣ. Чесо ради, якоже можно разсудити, ревностію Иліиною подвигся, оныя письмены обличи и непріятны показа.

Изъ сихъ праведнѣйшихъ доводовъ и показаній свѣтлѣйшихъ разумъ писанія отца Игнатія и ревность о надписаніи животворящаго креста, якоже и прочихъ, правомудренны и со св. каѳолическою, яко восточною, тако россійскою, церковію, и богословскими мужами и проповѣдники слова Божія, согласны и пріятны суть.

Письмо ваше глаголетъ: а и нынѣ мы слышимъ, подобно онаго Игнатія писанію, отрыгаете и хулите, якоже и прежде отъ вашея страны, ревнуя по Игнатіѣ Палія—Острова, дерзостные хульники были. Доздѣ ваше слово. И аще въ случившихся разговорахъ съ вами и отъ нашея бы кто страны на Пилатово надписаніе, четырьми литерами у васъ писанное, не видѣвъ у святыхъ тако писанное, и по ревности за древлецерковное написаніе, еже есть: царь славы ІС. ХС, и произнесъ будетъ какое слово: и сему никакоже подивитеся, ибо и сей согласно со св. богословцы вышеписанными пореклъ бяше, понеже святіи оніи Пилатово написаніе не похваляютъ, но порицаютъ злѣ пишемою виною, а не истинною извѣствующе. Тако и отецъ Игнатій за ревностны по титлу глаголы не зазрѣнія и хухнанія заслуживаетъ, якоже ваше неучтивое и зѣло безсовѣстное въ письмѣ вашемъ о немъ поношеніе изрекается, аще бы вы разсудили кротостно, понеже не о себѣ и собою порече, по вину пріемъ отъ богословныхъ мужей и толковщиковъ богомудрѣйшихъ, и съ ними соглашаяся, Пилатово оно писаніе заусти, и не на васъ таковая писанія изложи, но противу новшествъ Никоновыхъ, въ тая времена новопрозябшихъ, написа.

Второе. Объявляется въ письмѣ вашемъ и сіе, якобы чудотворные кресты съ богословными надписями, еже есть: „царь славы Іс. Хс., сынъ Божій“, и кромѣ Пилатова надписанія пріемлете, и лобызаете, и святою истиною быти исповѣдуете, а и съ титлою, Пилатомъ написанною, кресты, обрѣтающіеся здѣ, въ церквахъ, въ домѣхъ, въ селахъ, равночестно же пріемлете. Но кто отъ святыхъ, скажи, оно Пилатово написаніе съ богословными надписаніи равночестно сравни, и писати тако повелѣ? Напротивъ вашему равночестію велиции бого-

словцы: святой Григорій Богословный, и толкователь словесъ его святый Никита Ираклійскій,—не точію не сравняютъ, но зѣло гаждаютъ, тако о ней написуя: злѣ глаголюще, Пилатъ титлу написа, яко вину убо, а не яко истину. Такъ въ словѣ второмъ на Крещеніе Господне, стихъ 53. И аще святіи богословцы не сравниша равночестно Пилатомъ написанныя титлы, вамъ же, напротивъ, равняющимъ о себѣ и собою: опасно есть намъ слышати ваше разсужденіе, опаснѣйше же есть тому послѣдовать.

Третье. А что съ титлами, глаголете, кресты у насъ видятся, или обрѣтаются гдѣ въ церквахъ, или гдѣ въ селахъ, и въ христіанѣхъ, пріемлемъ. До здѣ ваше писаніе. Обрѣтаются ли въ церквахъ, и въ селѣхъ, съ титлою Пилатовою кресты, якоже извѣствуете, не вѣмъ, но не обрѣтаются чудотворные, и св. мужи засвидѣтельствованные, якоже по насъ свѣтлѣйше солнца озаряются и свѣтятся, о нихъ же выше засвидѣтельствовахомъ; по вамъ же, возлюбленніи, аще гдѣ и находятся, но къ вѣроятію насъ оные отнюдь не допускаютъ. Понеже не по прямой совѣсти, якоже мощно знать, свидѣтельства по себѣ собираете, и въ народъ усердно засвидѣтельствуете. Яковое же ваше знаменитое креста обысканіе: находится въ Борисоглѣбской слободѣ, въ церкви св. Бориса и Глѣба, о немъ же мы отъ вашей страны довольно слышахомъ, распятіе великое, рѣзное, его же мы сами потщахомся опасно разсмотрѣти прошедшаго января 1745 года, въ день недѣльный, и видѣвше, удивихомся толь чудному по вамъ свидѣтельству: како не точію простымъ и не хитрымъ художествомъ распятіе оно изваяно въ древѣ, но и подножія у креста не имѣется, и нози Христовы прямо, подобно латинскимъ распятіямъ отягчены, глава же Христова къ десному рамени не приклонена, якоже обычай есть древнимъ распятіямъ изображеннымъ бывати, якоже на Корсунскомъ крестѣ, и на крестѣ чудотворномъ, который въ Благовѣщенскомъ находится соборѣ, и противъ древнѣйшихъ прямо уставлена и необычна. И таковое по вамъ многослышанное свидѣтельство вашей совѣсти судити оставляемъ; только бы по вамъ титла Пилатова гдѣ была, а того и небрежете смотрѣть: благоискусно ли церковнымъ распятіямъ воображено. Сія вся презираете. Аще подножіе у креста осмотрѣти небрежете, и благоискусства воображенія Христовы плоти, якоже лѣпо, не дозираете, и въ народъ чрезъ совѣсть сказывати таковая недостовѣрства смѣло дерзаете, блюдитеся глаголющаго: проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ.

И аще и другая, подобная тому, доказательства ваша о Пилатовѣ написаніи являемая, но не безъ омышленія нѣкоего, ради вышеобъявленныхъ винъ, могутъ отъ васъ быти; понеже токмо надписаніе Пилатово смотрите и собираете; а подобія Спасова, и подножія крестнаго, не внимаете. И о

прочихъ нужныхъ винахъ дозирати тщанія обычнаго не показуете, или тайно въ совѣстѣхъ вашихъ крыюще, несогласій крестныхъ не повѣствуете, и коль будетъ совѣсть ваша въ сицевыхъ чиста, вы сами про себя отъ сихъ разсудите.

Четвертое. Оставити, или вонъ вынести, или тое титлу сокрушити или стерти, пишете, отнюдь не смѣемъ того ради, что святые чудотворцы и обличители на римское царство и на люторское ученіе, и о польскомъ государствѣ много Филаретъ патріархъ извѣстилъ, а о титлѣ нигдѣ не отписалъ и нигдѣ не воспомянулъ, кромѣ вашего Игнатія Палія-Острова, и прочая. Доздѣ ваше писаніе. Отъ сего вашего извѣтословія, и нехотяще о Пилатовѣ написаніи, си есть о четырехъ литерахъ, еже есть I. Н. Ц. I., даете намъ извѣстно знать. Понеже въ костелѣ римскомъ, и люторскомъ, и въ кальвинскихъ сектахъ, и въ польскихъ и бѣлорусскихъ уніатахъ, находятся таковыя написанія Пилатовы, точію, по вамъ еще мнится, ни отъ кого же не обличенныя. Но святіи на новшества латинская и уніатская не вся, по части ради невмѣщенія, писаше, но кійждо писатель отчасти писаніемъ удовлися, якоже и святѣйшій патріархъ Филаретъ не вся новости латиновъ объявилъ и описалъ, но многая неудобства ради остави. Еже бо вся по тонку описати грязные латинскіе и прочихъ обычаи невозможно; посему единымъ словомъ вся отринувше, уничтоживше, глаголетъ, помняще седьмаго вселенскаго собора всеобщее запрещеніе, еже есть: вся чрезъ церковная преданія анаѳема, и прочее. Якоже и въ книзѣ Кирилла Іерусалимскаго соборное Фотія патріарха запрещеніе, и въ Книгѣ о вѣрѣ, и въ прочихъ написанное видѣти есть.

Не вси, напротивъ рещи, о написаніи четырехъ литеръ въ западной церкви имѣющемся умолчаша; не вси безъ обличенія и разсужденія оставиша. Но вышеписанный учитель восточнаго православія Евсевій Пименъ зѣло ясно о сихъ изъясни, и между письмены восточныя церкви, на просфорѣ имѣющимися, сицево рознство положи: Зри, рече, въ костелѣ римскомъ во время литургіи на агнцѣ, егда не узриши ли на единой странѣ воображенія распятаго Спасителя сихъ словъ подъ титло I. N. R. I., отъ Пилата на крестѣ написанныхъ, а на просфорѣ греческой грамота IС. ХС. ника. Се коль ясно здѣ отписа часто упоминаемый учитель Евсевій о написаніи Пилатовѣ, въ костелѣ римскомъ на агнцѣ находящемся; восточнаго же православія просфора таковыхъ письменъ не стяжеваетъ.

Но удовляемся сицевою боголѣпною грамотою, еже есть: IС. ХС. ника, якоже и россійская древлеправославная церковь чудотворными кресты достовѣрствуется согласно. Смотрите, мужіе братіе, яко и восточнаго согласія учители о написаніи Палатовѣ не помолчаша, но и прочимъ согласіямъ латинскимъ сіе мудрованіе въ зазрѣніе написаша и въ несогласіе опредѣлиша.

Тѣмъ же, братіе любезная, сице и сицевыми разсужденьми мы, смиренніи, по вашему боголюбію отвѣтствуемъ не своею дерзостію находяще, но по вашему братолюбному прошенію пишуще, не яко обличающе и разоряюще, но яко братолюбіе совѣщевающе, по писанному: братъ братомъ подкрѣпляемъ, яко градъ твердъ. Не яко въ зазоры или въ укоризны отмстительно произносяще, или несоглашеніе ваше въ произшедшихъ случаяхъ являюще, но яко свойственнѣ братія братіи, или друзи друговъ, изъ любве наказующе, полезная взаимно предлагающе. Дабы никаковымъ любо невѣжествомъ и простотою подъ новымъ преданіемъ вамъ и намъ не быти, за что и гнѣвъ Божій нечаянно не подъяти бы. Поусердствуйте, Господа ради поусердствуйте, якоже въ прочихъ, тако и въ написаніихъ крестныхъ, опасно со святыми любомудрствовати, и тѣми жъ богословными ихъ титулами надписывати довлѣтися; поусердствуйте и въ обысканіихъ, по вамъ мнимыхъ, нужныхъ доброе и неоплошное радѣніе показывати, дабы не точію слышащимъ, но и видѣти случившимся свидѣтельства ваши неподозрительны были, но согласны бы во всемъ церковнымъ распятіямъ и надписаніямъ. Притяжите себѣ, молимъ, любезніи вы, притяжите опасное себѣ разсужденіе, и не надъ мѣру стужайте. Намъ въ примѣръ прежде бывшіе отцы Соловецтіи; а вы прежде бывшаго преподобнаго отца и страдальца Игнатія невѣждымъ и грубымъ нарицаете. За сіе гнѣвъ Божій настоитъ. Таковаго гнѣва и прещенія да избавитъ васъ и насъ благій и человѣколюбивый Господь нашъ ІС. ХС., и да дастъ намъ сердце ново, и духъ новъ обновленія, и очищая наши совѣсти, и во единомысліе, и совершенную, мирную, спасительную любовь приводя. Тому слава и хвала вѣчная да будетъ нынѣ, и присно, и во вся вѣки, аминь. Лѣта 1745-го, февраля дня 11-го.

IV.

„Исповѣданія вѣры поповцевъ и безпоповцевъ".

Данными «исповѣданіями» поповцы и безпоповцы обмѣнялись въ Москвѣ въ 1731 году, гдѣ 12 мая происходило ихъ собесѣдованіе. Описаніе этого собесѣдованія сдѣлано безпоповцемъ, неизвѣстнымъ по имени, а со стороны поповцевъ на собесѣдованіи велъ рѣчь нѣкій Артемій Андреевъ Сибирякъ. Изъ описанія собесѣдованія видно, что означенное собесѣдованіе, состоявшееся 12 мая, было уже вторымъ собесѣдованіемъ между поповцами и безпоповцами.

Въ описаніи говорится, что «7239 года, мѣсяца мая въ 12-й день, при собраніи на общей бесѣдѣ, отъ онаго согласія, именуемой поповщины, учительный человѣкъ Артемій Андреевъ

Сибирякъ былъ, и о предложенныхъ вышеписанныхъ десяти статьяхъ отъ нашего смиренія вопрошенъ,—первое о вѣрѣ». Артемій далъ отвѣтъ, на письмѣ, такой: «Въ Іерусалимѣ, въ Царьградѣ и въ Римѣ отъ вѣры отпали, и въ русской землѣ тоже; и о видимой церкви насъ оный Артемій порицалъ, якоже мы ея не имѣемъ». Въ отвѣтъ на это безпоповцы задали вопросы о Вѣтковской поповщинской «церкви»: отъ какого архіерея получили поповцы благословеніе на созданіе церкви? и кій архіерей освящалъ имъ антиминсъ? Не зная, что отвѣчать на это, Артемій отложилъ вопросъ до «будущаго» раза.

Впрочемъ, Артемій по поводу даннаго вопроса сдѣлалъ одну ссылку, но, по мнѣнію безпоповцевъ, неосновательную. Именно, онъ «продложилъ въ Потребникѣ чинъ малаго освященія», но тамъ, — говоритъ безпоповецъ, — «напереди положено, како подобаетъ церковь заложити по благословенію святительску».

Спрошенный: «како отъ никоніанъ пріемлютъ?»—Артемій далъ отвѣтъ согласно съ своимъ «исповѣданіемъ», причемъ добавилъ, что «по единъ чинъ пріемлютъ священникъ и людинъ обращающихся».

Затѣмъ, признавъ, что «въ Россіи латинскихъ и древнихъ еретиковъ останки обрѣтаются» и что отъ еретиковъ перваго чина «хиротонія отметна», Артемій призналъ хиротонію еретиковъ второго чина, но «свидѣтельства не предложилъ: кіимъ видомъ и образомъ пріемлетъ церковь» таковую хиротонію.

«Еще же вопрошенъ бысть о седьми таинствахъ: како употребляютъ»? Въ отвѣтъ Артемій «написалъ: исповѣдаемъ седмь таинъ церковныхъ, и содержимъ противу возможности нашея. Аще же кіи употребити не возможемъ, во упованіи вожделѣніемъ имѣемъ».

«Еще же вопрошенъ бысть о брацѣ: како они вѣнчаютъ въ домѣхъ развѣ церкви, и въ народѣ молву пущаютъ, яко бы въ Писаніи обрѣтается и кромѣ церкви вѣнчати. И о семъ... Святымъ Писаніемъ не изъявилъ, токмо вмѣсто вѣнчанія обрученіе предлагалъ».

Такимъ образомъ, поповецъ на возраженія безпоповцевъ, по ихъ словамъ, не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Въ свою очередь не могли удовлетворительно отвѣтить и безпоповцы на возраженія поповца.

Такъ, напримѣръ, имѣя въ виду, что безпоповцы прини-

маютъ никоніанъ чрезъ перекрещиваніе, поповецъ справедливо указывалъ, что простолюдинъ не можетъ перекрещивать разъ уже крещеннаго, хотя бы и еретическимъ крещеніемъ, какъ это дѣлалось у безпоповцевъ. Отвѣтить на это возраженіе безпоповцы не могли и ихъ замѣчаніе, что перекрещиваніе отъ простолюдина «церковь Божія пріемлетъ» являлось совершенно голословнымъ. Все, что могли сказать по данному вопросу безпоповцы, заключалось только въ томъ, что они слѣдуютъ ученію первыхъ расколоучителей. «Пріемлемъ,—говорили они,—приходящихъ отъ никоніанъ первымъ чиномъ, якоже древле быша: первіи наши учители и страдальцы полагали таковыхъ въ первомъ чинѣ, отъ коихъ указано крестить въ правилѣхъ. Сице и мы,—добавляли безпоповцы,—по нихъ послѣдуемъ, и полагаемъ въ первый чинъ, отъ коихъ святыя правила повелѣваютъ перекрещивати». Однако и эта ссылка безпоповцевъ была не совсѣмъ справедлива. Нѣкоторые первые расколоучители, во главѣ съ протопопомъ Аввакумомъ, перекрещиваніе никоніанъ отрицали...

Изъ описанія собесѣдованія видно, что оно кончилось полнымъ разъединеніемъ поповщины и безпоповщины. Напримѣръ, авторъ описанія свидѣтельствуетъ, что «Артемій Андреевъ называлъ» безпоповщинскіе «Заонежскіе отвѣты», т. е. Поморскіе отвѣты «плетеницею», а «Понизовскіе отвѣты», т. е. Керженскіе «еретическимъ слогомъ облагалъ». «Мы же,—говоритъ безпоповецъ,—оное свидѣтельство предъявляли, яко и отъ царскаго лица Поморскихъ отвѣтовъ не положили въ подозрѣніе, понеже сущая правда предъявлена въ книгахъ нашихъ». Но поповцы эти замѣчанія безпоповцевъ «ни во что положиша». «А оный Артемій,—говоритъ безпоповецъ,—прежде въ Москвѣ бывши съ нами на бесѣдѣ, оные отвѣты Понизовскіе православными исповѣдалъ. А нынѣ, на второй бесѣдѣ, отъ нихъ отперся и не пріемлетъ,—отпюдь слушати, со своими единогласники купно, не восхотѣша».

По словамъ описателя собесѣдованія, Артемій Андреевъ, «не извѣстившись и никакой вѣдомости не учинивъ», уѣхалъ, очевидно, потому, по словамъ описателя, что видѣлъ себя вполнѣ побѣжденнымъ [132]).

---

[132]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 356, лл. 97—105.

1. Соборная [133]) и апостольская церковь до конца имать нерушима пребыти, и преданный въ ней отъ самого Спасителя нашего священный чинъ также имать пребывати до пришествія Его неизмѣнно.

2. Такожде и законный бракъ до конца пребудетъ.

3. Простолюдинъ простолюдина не можетъ вязати и рѣшити.

4. Отъ еретиковъ обращающихся въ православную христіанскую вѣру кромѣ іерейскаго чина никтоже примирити можетъ, сирѣчь простолюдинъ не можетъ крестити.

5. Означенная въ Номоканонѣ старчая исповѣдь ко онымъ лицамъ, иже пріемлютъ отъ святого Евангелія въ сыновство и послушаніе: точію ко онымъ служебствуетъ, а не всякаго человѣка.

6. Тѣло и Кровь Христовы имутъ пребывати дондеже Господь пріидетъ.

7. Предъ пришествіемъ антихриста пріидутъ оба пророка, Энохъ и Илія, и Іоаннъ Богословъ съ ними, на обличеніе онаго лжехриста, якоже и прежде быша—во плоти.

8. О антихристѣ сице разумѣемъ, по проповѣди пророкъ, и Евангелія, и святыхъ апостолъ, и святыхъ отецъ: тайна его еще во время святыхъ апостолъ начаша дѣйствоватися въ мірѣ, и, егда исполнится время, явитися ему во образѣ видимаго человѣка.

9. А о лѣтѣхъ царства его сице разумѣемъ: аще и отдревле начася злоба его, но въ послѣднее время явленно полчетверта лѣта царствати будетъ; а въ которой тысящѣ, или вѣкѣ, того Божественное Писаніе явственнѣ не означаетъ.

10. Отъ никоніанъ обращающихся пріемлемъ подъ божественный мvръ.

1. Соборная [134]) апостольская церковь имать пребывати до скончанія вѣка. Но есть писано: церковь — не стѣны и по-

[133]) Рукоп. И. П. Б. О. 1. 356, лл. 95—97; здѣсь надпись такая: „Исповѣданіе о вѣрѣ, предложенное отъ согласія имущихъ поповъ". Послѣ этого значится: „Десять статей. Списокъ съ подлиннаго письма".

[134]) Рукоп. И. П. Б. О. 1. 356, лл. 84—88; здѣсь надпись такая: „Исповѣданіе о вѣрѣ, предложенное отъ согласія непріемлющихъ поповъ"; затѣмъ идетъ перечень пунктовъ „Исповѣданія" съ ихъ краткимъ содержаніемъ, именно: „Надписуемъ исповѣданіе: 1. О православной, соборной, апостольской церкви; 2. О правовѣрномъ бракѣ; 3. О исповѣди инока или простолюдина; 4. Отъ еретикъ обращающихся и простыхъ крещеніе; 5. О старчей исповѣди, что въ Номоканонѣ; 6. О Тѣлѣ и Крови Христовѣ; 7. О Иліи и Эносѣ; 8. О антихристѣ; 9. О лѣтѣхъ царства антихристова; 10. О различныхъ ересѣхъ.

Посемъ нижеподписуемъ вкратцѣ о истинной православной церкви, и правыхъ догматѣхъ".

кровъ, но вѣра и житіе. А священство исповѣдуемъ вѣчно, но обаче гдѣ обрѣтается—мы въ судьбахъ Божіихъ полагаемъ. А отъ еретикъ хиротонисанныхъ, якоже и крещенныхъ, не пріемлемъ,—отъ латинъ, такожде и отъ никоніанъ.

2. А браки, аще отъ православныхъ іереевъ вѣнчаны, оные пріемлемъ; а впредь гдѣ явятся таковые браки—сущіе православные вмѣняемъ. А пришедшихъ изъ невѣрія въ православіе, по святомъ крещеніи, по чину уставному пріемлемъ. А впредь бракъ будетъ ли, или ни, того не опредѣляемъ. А отъ еретикъ опасеніе имѣемъ.

3. Аще лучится кому при смертномъ часѣ по нуждѣ нынѣ, въ послѣднее время, поискати покаянія, или исповѣданія, своимъ согрѣшеніямъ, извѣствуемъ отъ Божественнаго Писанія: можетъ искусну мужу, духовну иноку, исповѣдати, и прощеніе получити, или простолюдину по нуждѣ.

4. Отъ еретикъ обращающихся къ православной христіанской вѣрѣ, яко эллины, пріемлемъ. Извѣствуемъ, яко и древле простыми человѣки въ таинствѣ святаго крещенія Духъ Святый дѣйствовалъ, и церковь Божія пріемлетъ.

5. Означенная старча исповѣдь, яже въ Номоканонѣ, пріята: а оная исповѣдь, въ Номоканонѣ не описано, по Потребнику, или просто.

6. По богословскимъ числамъ, по исполненіи лѣтъ 666, жреніе и жертва возмется, Тѣло и Кровь Христовы въ днѣхъ онѣхъ не имать явитися: тако исповѣдуемъ; а гдѣ обрящется по тайному образу, тако и вѣруемъ.

7. О Иліи и Ѳносѣ. Даніилу убо рекшу, рече: седмицы единыя поставлю завѣтъ мой: седмь лѣтъ показа; въ полъ же седмицы проповѣдати пророкомъ; и въ полъ-седмицы, сирѣчь въ тріехъ и полъ, царствуетъ антихристъ на земли. Разумѣваемъ же отъ Боговдохновеннаго Писанія и при кончинѣ хотящихъ пріити святыхъ обличити лжехриста—крѣпкое и могущественное душа представленіе или предстательство, и тогда обличатъ войницы Небеснаго Царя, сирѣчь вѣрніи; а чувственно въ судьбахъ Божіихъ виситъ.

8. Мы убо нынѣ, въ послѣднее время, по числу прешедшему, еже есть 666, антихриста въ мірѣ чувственно, и дѣйство его, по святыхъ отецъ Писанію, повѣдаемъ; а впредь разумѣемъ развѣ чрезъ суды злобные останки содѣетъ.

9. О лѣтѣхъ царства антихристова, еже есть полчетверта лѣта при послѣднемъ времени царствовати ему, мы того чувственно не разумѣваемъ, но якоже святіи полагаютъ, таинственно разумѣемъ; аще гдѣ въ Писаніи обрящется полчетверта лѣта, чувственно сбывшія по Писанію, мы того не премѣняемъ, понеже како по Писанію положено, тако и пріемлемъ.

10. Никоніанъ съ латины и прочими, подобными имъ древними, обрѣтающимися ересьми вмѣняемъ.

Посемъ: о истинной, соборной, апостольской церкви разумѣваемъ — не о стѣнахъ видимыхъ, стоящихъ, но о догматахъ правыхъ. Не отмѣтаемъ же и видимыя стѣны, по узаконенному отъ Бога, но аще право въ нихъ служеніе будетъ, и оныя любезно пріемлемъ.

V.

Показаніе о реченіи образъ.

Мы полагаемъ, что данное «Показаніе» написано настоятелемъ Выговской пустыни Семеномъ Денисовымъ, и что поводомъ къ его написанію послужили «раздоры», происходившіе въ ѳедосѣевщинѣ, гдѣ главнымъ противникомъ извѣстнаго Евстрата Ѳедосѣева выступилъ нѣкій Савинъ Михѣевъ,—тѣ «раздоры», вѣсть о которыхъ, очевидно, дошла и до Выгорѣціи.

По поводу извѣстныхъ «исправленій» въ старопечатныхъ книгахъ, какія допустилъ ѳедосѣевскій наставникъ Евстратъ Ѳедосѣевъ, замѣняя слово «образы» словомъ «лицы»,—Выговское сказаніе гласитъ: «Возсташа нѣціи на онаго Евстрата... паче же нѣкто... Савинъ Михѣевъ, который, по согласію съ прочими, отъ онаго Евстрата, — оле, дерзости! — и вторично крестити смѣлость возъимѣ, и долго сей раздоръ въ нихъ протяжеся, даже до лѣтъ настоятельства Семена Денисовича, кій своими мудрыми богословеньми оный раздоръ погаси» [135]). Въ соотвѣтствіе этому сказанію, въ данномъ сочиненіи мы находимъ слѣдующее: во-первыхъ, предметомъ его является «реченіе» образъ; во-вторыхъ, авторомъ сочиненія названъ какой-то «господинъ Симеонъ»; въ-третьихъ, этотъ Симеонъ именуется «настоятелемъ», а извѣстно, что былъ настоятель Семенъ,—именно въ Выговской пустыни настоятель Семенъ Денисовъ; въ-четвертыхъ, Выговское сказаніе передаетъ, что Денисову удалось «раздоръ погасить»: это случилось, какъ мы знаемъ, въ началѣ 1735 года, когда Евстратъ Ѳедосѣевъ произнесъ свое «исповѣданіе» предъ «соборомъ» въ деревнѣ Ступилишкахъ, а данное «Показаніе» къ тому именно и наклоняло свою цѣль, чтобы склонить споришихъ къ примиренію.

Въ частности, Выговское сказаніе передаетъ, что раздоры, возникшіе въ ѳедосѣевщинѣ по дѣлу Евстрата Ѳедосѣева, были

---

[135]) Мат. для ист. безпопов согласій, стр. 26.

очень велики и сильны, что нѣкій Савинъ Михѣевъ положилъ даже перекрещивать приходящихъ отъ Евстрата. Что же мы видимъ въ данномъ сочиненіи? Сочиненіе упоминаетъ о какихъ-то «любопрящихся» по вопросу о словѣ «образъ» и говоритъ о томъ, что между этими «любопрящимися» начался сильный «раздоръ». Въ то время, какъ подобало «не раздирати согласія каѳолической церкви любопрительными истязаньми и споры, но паче въ единство мирное и согласіе всеблагодатное слѣплятися», въ общинѣ ревнителей старыхъ книгъ начался «раздоръ» и «любопрѣніе», такъ что появились «любопрящіеся» и «раздирающіеся» о «готовыхъ реченіяхъ въ готовыхъ книгахъ, отъ святыхъ патріархъ и отецъ положенныхъ, яже готово и благоговѣйно благочестивымъ разумомъ пріимати подобаетъ тако, яко напечаташася, яко изобразишася, яко отъ церкви истолковашася».

Кто такой Савинъ Михѣевъ, противникъ Евстрата Ѳедосѣева? Въ опредѣленіи ѳедосѣевскаго «собора» 1739 года, бывшаго въ Польшѣ, въ деревнѣ Давыдовѣ, Савинъ Михѣевъ упоминается, какъ «духовный человѣкъ», какъ видный членъ этого «собора», строгій ревнитель въ вопросахъ, касающихся ѳедосѣевства. Очевидно, этотъ Савинъ Михѣевъ и былъ главнымъ противникомъ Евстрата Ѳедосѣева, требовавшій для последователей Евстрата новаго перекрещиванія. Евстратъ Ѳедосѣевъ, нужно замѣтить, также былъ на данномъ «соборѣ»—подъ именемъ Ѳаддея Денисова, очевидно—по имени, полученному при безпоповщинскомъ перекрещиваніи, и по имени своего отца, въ перекрещиваніи названнаго Діонисіемъ.

Вліяніе сочиненія Семена Денисова сказалось и на самомъ исходѣ даннаго «раздора». Денисовъ такъ писалъ: «Аще бы кто въ таковыхъ распрѣніяхъ, или дерзновеніяхъ, погрѣшилъ, и, покаялся, отъ онаго своемышленнаго отшелъ разума, и совокупился согласно съ каѳолическою церковію: всерадостно долженствуетъ пріимати онаго къ церковному согласію по древнимъ образцѣмъ». А извѣстно, что, когда 24 марта 1735 года, въ Польшѣ, въ деревнѣ Ступилишкахъ, Евстратъ произнесъ предъ «соборомъ» свое «исповѣданіе», изъ котораго всякій могъ видѣть, что по догматическимъ вопросамъ онъ разсуждаетъ вполнѣ согласно съ старопечатными книгами,—то «отъ всѣхъ христіанъ, яко грамотныхъ, тако и простыхъ похваленъ» былъ и любезно принятъ въ общеніе, такъ что всякій «раздоръ» по этому вопросу уничтожился.

Аще [136]) и дерзостно есть и зѣло бѣдовметно въ вышесильная таинства вметатися и въ пучину неудобознаемую богословскаго врѣватися моря, по Премудрому, вопіющу: высшихъ себе не ищи, глубльшихъ себе не пытай: Сирахъ, 3, но слышаніе любопрящихся и раздоръ соединенныхъ понуди конечную нашу грубость въ толь превысокое, въ толь всепревзятое таинство всепревознесеннаго богословія вступити, еже о пресвятѣй, единосущѣй и пресущественнѣй Троицѣ младенческими немотовати языками; о единствѣ образа святыя, и преестественныя, тріипостасныя Троицы извѣстити; святыхъ богословцевъ богословными словесы и разумѣньми, даже раздѣльшихся писательными гласы, во единъ божественнаго совокупленія соберемъ разумъ, еже да будетъ всепресвятая, тріипостасная, единица Твоею преестественною благодатію. Аминь.

Удобопознанія же ради чрезъ вопросы и отвѣщанія сія представляемъ люботщательнымъ читателемъ.

Вопросъ: Колико есть образовъ во Святѣй, Единосущнѣй Троицѣ?

Отвѣтъ: Единъ образъ, яко научаютъ насъ святіи богословесніи мужіе: Максимъ Исповѣдникъ во своихъ о вѣрѣ изложеніяхъ, еже во Псалтиряхъ Малыхъ Слѣдовательныхъ Іосифовскія печати обрѣтается, и Катехизисѣ Маломъ, тако въ книзѣ Катехизиса Великаго, и въ словесѣхъ Аѳанасія Великаго, и въ Маргаритѣ св. Златоуста, слово 6, листъ 60, и въ Троичнѣ канонѣ св. Григорія Синаита, и въ книзѣ Кирилловѣ печатнѣй, на листу 557-мъ, достаточно о семъ написуетъ.

Вопросъ: Что есть образъ?

Отвѣтъ: Образъ истѣе значитъ видъ и зракъ существенный естества; обаче образа имя различно во Святѣмъ Писаніи пріемлетъ: овогда за видъ естества, яко у апостола о Христѣ: иже во образѣ Божіи сый и образомъ обрѣтеся, яко человѣкъ; здѣ видъ естества, яко божественнаго, тако человѣческаго значитъ; по симъ прикладомъ во Святѣй Троицѣ единъ образъ естества божественнаго богословится. Овогда же за начертаніе и лице пріемлется, яко во Евангеліи: вопросившу Христу—чій образъ и надписаніе? глаголаше: Кесаревъ. Не бо естество, но начертаніе лица Кесарева на цатѣ бяше. Тако славенски повсемственно глаголемъ: образъ Христовъ, образъ Пресвятыя Богородицы, образъ Николы Чудотворца; си есть подобіе или начертаніе лица Христова, или Пресвятыя Богоматере, или святого коего; ибо

[136]) Рукоп. Хлудовской библіотеки № 272, лл. 42—46; здѣсь это сочиненіе подписывается такъ: „Показаніе велемудраго настоятеля господина Симеона со истолкованіемъ и яснымъ свидѣтельствомъ о богословскомъ реченіи образъ, и како оно пріемлется: овогда за видъ естества, овогда же за начертаніе и лице“.

естества и существа видъ и образъ всѣмъ человѣкомъ единъ есть, лицъ же и начертаній виды и образы мнози и безчисленни. По симъ прикладомъ у преподобныхъ Никона Черныя Горы и Іосифа Волоцкаго имѣется во своихъ имъ описаніихъ о Святѣй Троицѣ едино естество и существо исповѣдается, и три лица, яже и образы наричутся, и собства, яко же греческое реченіе едино м о р ф и многообразнѣ знаменуетъ: иногда зракъ, иногда видъ, иногда образъ, иногда лице, — яко лексиконы славяногреческіе изъявляютъ,—требуетъ же праводника, искусна разумомъ православнымъ, искусно превождающаго. Тако и словенское реченіе о б р а з ъ различно знаменуетъ: иногда видъ естества, иногда подобіе, иногда зракъ, иногда начертаніе лица, яко словенскіе изъявляютъ лексиконы, еже требуетъ на разсмотрѣніе искусна и вѣдательна мужа, познавающаго православно и глаголы, и имена, согласно каѳолическому благочестію.

Вопросъ: Въ Псалтыряхъ и Октоихахъ Филаретовскихъ и Іоасафовскихъ, въ канонѣ Троичнѣ, въ первой пѣсни: Пресущный едине, Господи, и трисіянне образы; въ седьмой пѣсни, въ первомъ стисѣ: крѣпку ми мысль устрой, трисвѣтлая образы единице; во второмъ стисѣ: образы же троично нося число,—убо православно ли напечатася сіе и можно ли за православное пріяти?

Отвѣтъ: Всякое православными патріархи и учительми церковными печатное, или написанное, и православнымъ разумомъ пріятое, православно и есть, и обрѣтается, кромѣ погрѣшенія забытнаго и описи, еже всѣмъ человѣкомъ случается. Но и святѣйшіе патріарси они, печатавшіе, яко православни и быша и отъ насъ пріемлются; тако книги оныя отъ всея святороссійскія церкви за православны имѣшася, и нынѣ отъ насъ вѣруются; и оная реченія, яко отъ православныхъ патріарховъ напечатанная, православнымъ разумомъ пріяти долженствуемъ; православнымъ же разумомъ сице пріяти подобаетъ: не за видъ существа божественнаго, еже едино и есть и вѣруется всею каѳолическою церковію, но за лица Божественныя, за начертанія, за ипостаси, и свойства Святыя Троицы, яже три исчисляются каѳолически и вѣруются, яко у вышепомяненныхъ преподобныхъ: у Никона, и Іосифа, образы за лица и свойства написашася, иже быша православни и преподобни. Тако и предъявленніи святѣйшіи патріархи православни и учители церковніи быша, и писанія, и книги ихъ за православныя и святыя имѣемъ; убо и оное нареченіе образовъ за лицъ и начертаній знаменованіе православнымъ разумомъ пріемлюще, православное оное и именуемъ и вмѣняемъ.

Вопросъ: Чесо ради въ печатѣхъ Іосифа патріарха напечатася вмѣсто о б р а з о в ъ л и ц а: Пресущный Едине, Господи, и трисіянне лицы?

Отвѣтъ: Сего ради изъяснися явственно, дабы православ-

нiи христiане, по первыхъ святѣйшихъ патрiархъ печатѣмъ читающiе, идѣже напечатано образы, вѣдали вся разумѣвати и вмѣняти со святою церковью за лица, и начертанiя, и свойства Святыя, Единосущныя Троицы православнымъ и благочестивымъ разумомъ.

Вопросъ: Чего ради въ Кирилловой печатной книзѣ напечатася: далече убо буди отъ насъ, правовѣрующихъ, сицевое нечестiе, еже три образа въ Святѣй Троицѣ глаголати?

Отвѣтъ: Для того, дабы читающiе по первымъ печатѣмъ, идѣже напечатано: три образы, не вмѣняли и не разумѣвали за естество и существо, еже есть богомерзко и нечестиво. Не три убо, но едино существо Святыя Троицы, яко и святiи Никонъ Черныя горы и Iосифъ Волоцкiй вмѣняху и разумѣваху, сами же дабы всегда вѣровали, и исповѣдывали, и глаголали: единъ образъ, единъ видъ божественнаго существа пресущественныя и вышеестественныя Троицы. Обаче вѣдати долженствуетъ, яко во Святѣй, преестественнѣй, пресущественнѣй и пребожественнѣй Троицѣ, аще естество и существо глаголется, аще видъ и образъ, аще ипостаси лица и начертанiя, но вся сiя безтѣлесна, невоображена, и непостижима православно вѣруются, и единою токмо вѣрою всеговѣйно поклоняема, и почитаются, и исповѣдаются, яко святiи богословцы и учители церковнiи, и вся каѳолическая церковь православно насъ научаетъ.

Сiя бо кратко предложенная вопросоотвѣтствiя за краткость настоящаго времени любопрящимся и раздирающимся о готовыхъ реченiихъ въ готовыхъ книгахъ, отъ святыхъ патрiархъ и отецъ положенныхъ, яже готово и благоговѣйно благочестивымъ разумомъ прiимати подобаетъ тако, яко напечаташася, яко изобразишася, яко отъ церкви растолковашася, а не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовати въ смиренномудрiи, а не раздирати согласiя каѳолической церкви любопрительными истязаньми и споры, но паче въ единство мирное и согласiе всеблагодатное слѣплятися.

Аще бы кто въ таковыхъ распрѣнiяхъ, или дерзновенiяхъ, погрѣшилъ, и, покаявся, отъ онаго своесмышленнаго отшелъ разума, и совокупился согласно съ каѳолическою церковiю: всерадостно долженствуетъ прiимати онаго къ церковному согласiю по древнимъ образцѣмъ. Ибо и Ѳеодоритъ блаженный, и Ива Едесскiй, на 3-мъ вселенскомъ соборѣ въ сопрѣнiяхъ со св. Кирилломъ Александрiйскимъ отъ церкви отлучишася, но паки, покаявшеся, вселенскимъ 4-мъ соборомъ не точiю къ церкви прелюбезно прiяшася, но и въ епископы всеизрядно паки учинишася, и не токмо въ епископы, но Ѳеодоритъ—блаженный, и учитель церковный, и богословецъ всекрасный всекрасно почтенъ бысть, и дивно словесы своими и ученьми церковь украси.

Сiя и мы смотряюще, мирное другъ съ другомъ гонимъ,

по апостолу; и не раздорами и прями церковь украшается, но добрымъ, и благочестивымъ, и мирнымъ согласіемъ, и совѣты братолюбными, и спасительными, готовое отеческое православіе держаще, готовая преданія ихъ соблюдающе, по готовымъ отеческимъ гласомъ молитвы Господеви простою и неоплазивою вѣрою возсылаемъ, и другъ друга мирно и братолюбно во всякомъ смиреніи пріемлемъ; тако единостію согласія благочестиваго во единство каѳолическія церкви вмѣстимся, и добрыми, и мирными, и смиренными нравы текуще, единства небеснаго царствія сподобимся причастницы быти благодатію всепѣтыя и единосущныя Троицы. Аминь.

П. Смирновъ.

Хитопадеша *).

Полезное Наставленіе.

Собраніе древнеиндійскихъ нравоучительныхъ разсказовъ. Переводъ съ санскрита, съ примѣчаніями.

Разрывъ друзей [1]).

Потомъ царевичи сказали: «почтенный! до сихъ поръ мы слушали о Пріобрѣтеніи друзей; теперь желаемъ слушать о

*) Продолженіе. См. февраль.

[1]) Здѣсь и дальше, до конца Хитопадеши, *Рус* не можетъ сопутствовать намъ, такъ какъ его вторая и послѣдняя часть заполнена совершенно другимъ содержаніемъ, неотличающимся притомъ цѣльностію, какую мы видѣли раньше. Начиная стр. 181-ю, въ немъ помѣщены: 1) *Райя и его обезьяна. Сказка.* Бѣдный браминъ намѣревался убить князя и для этого забрался ночью въ его спальню, гдѣ около постели князя сидѣла обезьяна. Тогда же чрезъ окно вползъ сюда змѣй. При свѣтѣ луны тѣнь отъ змѣя падала на лицо соннаго князя. Обезьяна приняла тѣнь за настоящаго змѣя, и уже готова была ударить князя по лицу саблей. Браминъ предупредилъ несчастіе, и былъ княземъ обогащенъ. 2) *Двое ученыхъ или остроуміе лучше учености.* Одинъ царь отправилъ къ сосѣднему царю двухъ пословъ, вручивъ имъ по ящику съ пепломъ, но не сказавъ имъ объ этомъ содержимомъ. У чужого царя вышелъ изъ затрудненія только остроумный изъ пословъ, который сказалъ, что этотъ пепелъ—отъ жертвы, принесенной богамъ для испрошенія мира между обоими царями. 3) *Три куклы или иносказательные истуканы. Индѣйская сказка, перев. съ Персидскаго.* Такъ испытывалъ нѣкій князь мудрость своего намѣстника; но послѣдняго вывелъ изъ затрудненія одинъ молодой браминъ. Первая кукла обозначала людей легкомысленныхъ, но не вредныхъ (навощенная нитка проходила въ куклѣ изъ одного уха въ другое насквозь); вторая обозначала вредныхъ лицемѣровъ (конецъ нитки выходилъ въ ротъ куклы); третья обозначала

Разрывѣ друзей». Вишнушарманъ сказалъ: «слушайте о Разрывѣ друзей; первое двустишіе отсюда такое»:

1. Когда, въ лѣсу, любовь между львомъ и быкомъ становилась большою, тогда лукавый и жадный шакалъ прекратилъ ее.

Царевичи сказали: «какимъ образомъ?» Вишнушарманъ разсказываетъ: На Дакшинапатхѣ есть городъ, по имени Суварна [2]). Тамъ осѣдло жилъ купецъ, по имени Вардхамана [3]). Хотя имъ было пріобрѣтено много, но онъ, видя, что другіе родственники очень разбогатѣли, рѣшилъ, что должно еще возрастить богатство. *Такъ какъ*—

2. Кто смотритъ все ниже и ниже, у того рождается величіе въ отношеніи себя; но кто смотритъ все выше и выше, тотъ всегда ничтоженъ для себя [4]). *И далѣе*—

людей благородныхъ (нитка встрѣчала препятствіе на своемъ пути). 4) *Польза размышленія.* Молодой купецъ, воротившійся домой послѣ 16-лѣтней отлучки, убилъ бы по недоразумѣнію сонныхъ жену и сына, если бы не взглянулъ въ это время на пальмовый листъ, на которомъ было написано изреченіе, что не нужно поступать опрометчиво. 5 и 6) Мелкія сцены изъ индійской жизни, подъ заглавіями: *Дѣвица и браминъ или невинная хитрость* и *Языкъ любви.* 7) *Глаза и сурмила.* Изложенъ споръ между глазами и сурмилами въ отношеніи значенія для красоты женщины. Послѣ состоялось примиреніе, которое продолжается и теперь.

[2]) *На Дакшинапатхѣ*: собст. *на пути Дакшина.* Само же *Дакшина* обозначаетъ прежде всего *правую руку*, потомъ *искуснаго человѣка* (т. к. больше всего дѣлаютъ правою рукою). Такъ какъ житель Индіи, оборотясь лицомъ къ востоку, имѣетъ *направо* отъ себя землю, лежащую къ югу, то ее также назвали *Дакшина* (Деканъ). Она именно здѣсь и разумѣется *WB. Суварна:* собст. *прекраснаго цвѣта*; а такъ какъ золото красивѣе всѣхъ металловъ, то подъ этимъ названіемъ разумѣется преимущественно оно. *Sch* читаетъ *Суварнавати,* обозначающее обиліе золота. Подъ тѣмъ и другимъ именемъ нужно понимать нѣкоторый городъ на Деканѣ *WB.*

[3]) *Жилъ:* точнѣе *живетъ. Sch* читаетъ просто: *жилъ* (т. е., безъ *осѣдло*), и прибавляетъ: <очень богатый> купецъ. *Вардхамана*: собст. *возращаемый.* Такъ называется прежде всего растеніе *клещевина* (Ricinus communis *WB*), отличающееся особенною силою въ ростѣ; изъ него приготовляется касторовое масло. Слѣдов., имя купца прекрасно выражаетъ мысль о необыкновенномъ возрастаніи капитала, и, потому, эпитетъ *очень богатый* можетъ считаться лишнимъ.

[4]) Въ первой половинѣ двустишія *Sch* читаетъ: *тотъ бываетъ насыщенъ своимъ величіемъ.—Ниже и ниже* и *выше и выше*: въ первомъ случаѣ обозначается обращеніе взора къ землѣ и даже въ преисподнюю, во второмъ—къ небу. Срав. прим. 231-е (въ первой части Хитопадеши),

3. Тотъ человѣкъ, у котораго есть большое богатство, чествуется, хотя бы онъ былъ убійцей брамина; но всюду презирается неимущій, хотя бы родъ его былъ подобенъ лунѣ [5]). *И еще—*

4. Какъ молодая жена не любитъ мужа—старика, такъ не любитъ Лакшми вялаго, лѣниваго, слѣдующаго судьбѣ, лишеннаго отваги [6]). *Что̀ же—*

5. Лѣность, женолюбіе, болѣзненность, привязанность къ родинѣ, самодовольство, трусливость—эти шесть убійственны для величія человѣка [7]). *Такъ какъ—*

6. Кто даже при незначительной удачѣ считаетъ счастливымъ себя, въ отношеніи того, думается, судьба исполнила свой долгъ, и не пріумножаетъ счастія его [8]). *И далѣе—*

7. Пусть бы ни одна женщина не рождала такого сына—малодушнаго, чуждаго радости, немужественнаго, радости для враговъ! *Сказано также—*

8. Что̀ не пріобрѣтено, того нужно желать; что̀ пріобрѣтено, то нужно заботливо хранить; что̀ сохранено, то нужно постоянно возращать; что̀ возращено, то нужно правильнымъ путемъ употреблять [9]).

гдѣ приводится двустишіе о скрягѣ, зарывающемъ свое богатство въ землѣ. Срав.: *Прит. XV, 24* Путь жизни мудраго вверхъ, чтобы уклониться отъ преисподней внизу.

[5]) У *Sch* читается это двустишіе въ первой части Хитопадеши, подъ № 119-мъ. См. у насъ примѣч. 207-е тамъ же. Кромѣ рукоп. Парижской, относящей двустишіе туда, гдѣ оно читается по *Sch*, прочіе рукописные авторитеты согласно читаютъ его здѣсь. *Pet* говоритъ, что *Sch* перенесъ это двустишіе ошибочно. См. замѣч. *Pet* и *Sch*.

[6]) Къ этому см. двустишія №№ 22, 124 и 151 въ первой части Хитопадеши, и примѣчанія, относящіяся сюда. *Не любитъ*: слѣдовало бы точнѣе сказать: *не любитъ* <*обнимать*>, хотя этотъ послѣдній глаголъ у *Sch* и *Pet* выраженъ различными словами.

[7]) *Женолюбіе*: собст. *обожаніе* въ отношеніи женъ. *Болѣзненность*: есть нѣкоторая невыясненность относительно санскрит. слова, отвѣчающаго этому русскому. См. замѣч. *Pet*. Срав.: *Прит. VI, 6* Пойди къ муравью, лѣнивецъ, посмотри на дѣйствія его, и будь мудрымъ (чит. и далѣе до 11 стиха).

[8]) Здѣсь звучитъ иронія въ отношеніи человѣка самодовольнаго. Срав. предыдущее двустишіе. Точнѣе нужно бы перевести: — считаетъ себя *занявшимъ твердое положеніе*; у *Sch* читается это немного иначе: *бываетъ при удовлетворенномъ желаніи*; въ общемъ мысль та же самая.

[9]) *Правильнымъ путемъ употреблять*: собст. *по прямымъ дорогамъ разъѣзжать*. Здѣсь могутъ разумѣться священныя мѣста и, между прочимъ, купальни для больныхъ (къ нимъ дорога всегда *пряма*, какъ

Такъ какъ: когда не желаютъ непріобрѣтеннаго, и не стараются, то ничего не пріобрѣтаютъ; когда пріобрѣтенное не сохраняется, то оно гибнетъ само; когда богатство не возращается, то, при незначительныхъ даже издержкахъ, оно современемъ изсякаетъ, подобно глазной мази; если же богатство не употребляется на себя, то оно безцѣльно [10]). *Сказано также*—

9. Зачѣмъ богатство тому, кто не раздаетъ и не пользуется имъ? зачѣмъ сила тому, кто не истребляетъ враговъ? зачѣмъ святое слово тому, кто не поступаетъ добродѣтельно? зачѣмъ душа тому, у кого нѣтъ господства надъ собой? [11]). *И еще*—

10. Видя изсякновеніе глазной мази и возрастаніе муравьиной кучи, нужно ежедневно употреблять богатство на дѣла щедрости и ученія [12]). *Такъ какъ*—

нужная). Но можно понимать и все *обычное* въ жизни человѣка (что *прямо*, то обычно для людей) *WB*. Отсюда, рекомендуемое употребленіе богатства нужно понимать или въ смыслѣ благотворительности священнымъ и богоугоднымъ мѣстамъ, или въ смыслѣ обычнаго употребленія, когда избѣгаются крайности скряги и мота.—Въ чтеніи *Sch* есть небольшія отличія: *заботливо* выражено другимъ словомъ; вмѣсто *постоянно* нужно читать, по нему, *вполнѣ*, и непремѣнно въ такой связи: *что вполнѣ возращено*.—Параллель изъ нашей Библіи см. въ прим. 12-мъ.

[10]) Первую фразу нужно бы сказать такъ: когда *желаютъ* непріобрѣтеннаго, но безъ старанія, то *не достигаютъ богатства*. Но въ такой формѣ она не вполнѣ отвѣчаетъ первымъ словамъ предыдущаго двустишія. — У *Pet* всѣ эти четыре фразы читаются *прозаически*, хотя и предшествуются вводнымъ *Такъ какъ*. Въ такомъ случаѣ ихъ нужно понимать, какъ собственныя слова Вишнушармана, разскащика Хитопадеши. Однако. *Sch* читаетъ здѣсь *два двустишія*, изъ которыхъ послѣдняя часть второго двустишія занимаетъ у *Pet* самостоятельное мѣсто подъ № 10-мъ (см. ниже). *Sch* читаетъ такъ: когда *не желаютъ* непріобрѣтеннаго, то по нестарательности не достигаютъ богатства; когда <богатство> пріобрѣтенное не сохраняется, то оно само *бываетъ* гибелью; когда богатство не возращается, то, при незначительныхъ даже издержкахъ, оно изсякаетъ, какъ глазная мазь. <Видя изсякновеніе глазной мази и возрастаніе муравьиной кучи, нужно ежедневно употреблять богатство на дѣла щедрости и ученія>.—Слова, заключенныя въ скобки, читаются, какъ сказано, у *Pet* подъ № 10-мъ; словъ же *Pet*: *если же богатство не употребляется на себя, то оно безцѣльно* у *Sch*, какъ видимъ, нѣтъ.

[11]) *Sch* не читаетъ здѣсь этого двустишія. См. прим. 233-е въ первой части Хитопадеши. Параллель изъ нашей Библіи см. въ прим. 12-мъ.

[12]) См. къ этому здѣсь же прим. 10-е. Мысль двустишія та, что богатство тогда лишь имѣетъ свою цѣль и возрастаетъ. подобно муравьи-

11. Водяною каплею, непрерывно падающею внизъ, наполняется кружка: вотъ доказательство для всякаго знанія, добродѣтели и богатства [13]).

Такъ размышляя, онъ запрягъ въ ярмо быковъ, по имени Нандаку и Сандживаку, и, наполнивъ повозку разными товарами, отправился для торговли въ Кашмиръ [14]). *Такъ какъ*—

12. Гдѣ бремя, особенно тяжкое, для способнаго къ нему? гдѣ даль для энергичнаго? гдѣ чужбина для свѣдущаго? гдѣ врагъ для привѣтливаго?

Потомъ, когда онъ ѣхалъ по большому лѣсу, по имени Дурга, тогда Сандживака упалъ, сломавъ себѣ ногу [15]). Видя это, Вардхамана размышлялъ:

ной кучѣ, когда имъ пользуются разумно; въ противномъ случаѣ оно истрачивается до конца, какъ глазная мазь, и человѣкъ становится бѣднымъ. Срав. двустишія въ 1-й части Хитопадеши, подъ №№ 107 и 115, и здѣсь двустишіе подъ № 8-мъ, съ объяснительными словами Вишнушармана. Срав. къ этому и къ №№ 8 и 9 изъ кн. *Премудрости І. Сирахова: XIV, 11—14* Сынъ мой! по состоянію твоему дѣлай добро себѣ и приношенія Господу достойно приноси. Помни, что смерть не медлитъ, и завѣтъ ада не открытъ тебѣ: прежде, нежели умрешь, дѣлай добро другу, и по силѣ твоей простирай твою руку и давай ему. Не лишай себя добраго дня, и часть добраго желанія да не пройдетъ мимо тебя. *XXIX, 13—15* Трать серебро для брата и друга и не давай ему заржавѣть подъ камнемъ на погибель; располагай сокровищемъ твоимъ по заповѣдямъ Всевышняго, и оно принесетъ тебѣ болѣе пользы, нежели золото; заключи въ кладовыхъ твоихъ милостыню, и она избавитъ тебя отъ всякаго несчастія. *XXXI, 27* Щедраго на хлѣбы будутъ благословлять уста, и свидѣтельство о добротѣ его —вѣрно. *XXXV, 4* Не являйся предъ лице Господа съ пустыми руками, ибо все это—по заповѣди.

[13]) *Непрерывно*: точнѣе *кряду*.—*Кружка*: разумѣется нѣкоторый пустой сосудъ, помѣщаемый въ другомъ сосудѣ, болѣе широкомъ и наполненномъ водою; послѣднимъ время отъ времени измѣряется вода, прибывающая въ первомъ сосудѣ. См. замѣч. *Pet.* Въ качествѣ вводныхъ словъ, *Sch* читаетъ предъ этимъ двустишіемъ: *И еще*.

[14]) *Sch* читаетъ: въ ярмо <двухъ> быковъ, по имени Сандживаку и Нандаку. *Нандака*: собст. тотъ, отъ котораго ожидается радость, *радостный*. *Сандживака*: собст. живущій, *живой WB*. *Кашмиръ*: собст. *Кашмира*. Названіе прежде всего области, образуемой продольною долиною Гималая и орошаемой рѣкою Джиламомъ; потомъ названіе главнаго здѣсь города, извѣстнаго еще подъ именемъ Серинагуръ. Есть предположеніе, что *Кашмира* происходитъ отъ *Кашьяпамира WB*.

[15]) *Sch* читаетъ значительно иначе:—когда онъ въ большомъ лѣсу поднимался на гору, по имени Судурга, тогда—. *Дурга*: трудный для прохожденія; *Судурга*: собст. *очень* трудный для прохожденія *WB*.

13. Пусть знающій жизнь дѣлаетъ то такое, то такое предположеніе; но плодомъ отсюда бываетъ именно то, что̀ рѣшено волею судьбы [16]). *Однако—*

14. Постоянно нужно избѣгать замѣшательства: оно есть препятствіе для всякаго дѣла; только препобѣждая замѣшательство, достигаютъ хорошаго успѣха [17]).

Такъ размышляя, Вардхамана покинулъ Сандживаку, и отправился [18]). Но Сандживака, бродя кое-какъ, при помощи трехъ ногъ, оставался тамъ въ лѣсу [19]). *Такъ какъ—*

15. Роковой срокъ жизни хранитъ беззащитное тѣло человѣка, тонущаго въ морѣ, падающаго съ горы и даже уязвляемаго змѣей Такшака [20]).

---

16) Первую половину двустишія слѣдовало бы перевести такъ: Пусть знающій жизнь *дѣлаетъ имя заключенію такъ и такъ*. Когда изъ многихъ мотивовъ выбирается какой-либо одинъ, то ему тѣмъ самымъ какъ бы *дается имя*. Двустишіе научаетъ, что судьба какъ бы пишетъ свое рѣшеніе на всемъ, что̀ человѣкъ ни предполагалъ бы дѣлать. Сравни къ этому: *Прит. XVI, 1* Человѣку принадлежатъ предположенія сердца, но отъ Господа отвѣтъ языка. *Прит. XVI, 9* Сердце человѣка обдумываетъ свой путь, но Господь управляетъ шествіемъ его. *Прит. XIX, 21* Много замысловъ въ сердцѣ человѣка, но состоится только опредѣленное Господомъ.

17) У *Sch*, въ качествѣ вводныхъ здѣсь словъ, читается: *Что̀ же*. Въ концѣ двустишія, по нему, нужно бы сказать: *въ добромъ дѣлѣ должно стремиться къ успѣху*.

18) *Sch* здѣсь много отступаетъ:—покинувъ <здѣсь> Сандживаку, Вардхамана <пріѣхалъ въ городъ, по имени Суварнапура, привелъ другого большого быка и, запрягши его въ ярмо>, отправился <дальше>. *Суварнапура*: собст. *городъ золота*. Названіе миѳическаго города *WB*.

19) Точнѣе переводя: *кое-какъ дѣлая ношу тремя ногами*. Это выраженіе выдержано у *Sch*, но чтеніе короче: Сандживака, кое-какъ поднявшись при помощи трехъ ногъ, всталъ.

20) Мысль двустишія та, что раньше *назначеннаго* времени смерти человѣкъ никогда и ни при какихъ условіяхъ не лишится жизни. *Такшака*: собст. *тесатель, плотникъ*. Названіе демона змѣй *WB*. — Послѣ этого двустишія у *Sch* читаются такія три: *И далѣе—№ 15* „Пусть ктонибудь свергнется съ вершины скалы, бросится въ море, пусть войдетъ въ огонь, пусть играетъ со змѣями, — для него нѣтъ вреда, если не пришло время къ тому“. *И далѣе—№ 16* „Въ неназначенное время человѣкъ не умираетъ, хотя бы онъ былъ пронзенъ ста стрѣлами; но когда пришло время, умираетъ, лишь прикоснувшись верха травы куша“. *№ 17* „Нехранимое пребываетъ, будучи хранимо судьбою; внимательно хранимое погибаетъ, если обречено на погибель судьбою; живымъ остается даже беззащитный, будучи брошенъ въ лѣсу; но умираетъ дома, когда употребленъ трудъ къ сохраненію.“—О травѣ *куша* см. въ 1-й части Хитопадеши прим. 46-е.

Потомъ, проходили дни, и Сандживака, отъ ежедневно привольнаго корма и гулянья, бродилъ по лѣсу веселый, жирный, сильный, и ревѣлъ [21]). Въ этомъ же лѣсу жилъ левъ, по имени Пингаляка, чувствовавшій себя счастливымъ, послѣ пріобрѣтенія господства собственною силою [22]). *Какъ сказано*—

16. У звѣрей не совершается ни помазаніе, ни посвященіе льва; господство надъ звѣрями, какъ бы само собою, есть того, кто пріобрѣлъ и владѣетъ имъ силою [23]).

Однажды онъ, мучимый жаждой, спускался къ берегу Ямуны, чтобы напиться воды [24]). Тамъ левъ услышалъ неслыханный ревъ Сандживаки, будто громъ при концѣ міра [25]). Услышавъ, онъ, не напившись воды, прямкомъ воротился назадъ, въ страхѣ, и притаился, думая объ этомъ [26]). Его замѣтили въ такомъ видѣ два шакала, Каратака и Даманака, сыновья министровъ [27]). Даманака, увидѣвъ это, сказалъ Каратакѣ [28]): «другъ Каратака! что̀ это такое, что государь, отправившись къ водѣ, воротился медленно—медленно, не испивъ воды?» Каратака говоритъ: «другъ Даманака! по моему мнѣнію, не нужно такъ заботиться; зачѣмъ еще дѣлать разслѣдо-

---

[21]) *Sch* читаетъ короче: отъ привольнаго корма и прочаго, бродилъ—.

[22]) *Пингаляка*: собст. *красный, бурый WB.* Вмѣсто *жилъ* слѣдовало бы сказать: *сидѣлъ*. Вмѣсто *собственною силою* нужно бы сказать: *собственными руками* (т. е., лапами).

[23]) Въ качествѣ вводныхъ словъ къ этому двустишію *Sch* читаетъ: *Сказано также*; въ концѣ двустишія, по нему же, нужно бы сказать: господство надъ звѣрями есть какъ бы *самое царствованіе*, пріобрѣтенное силой.

[24]) *Sch* читаетъ: *шелъ* къ берегу.—*Ямуна*: теперь Джумна, одинъ изъ притоковъ Ганга.

[25]) *Sch* читаетъ: неслыханный <раньше> ревъ Сандживаки, будто громъ изъ тучи, производящей гибель міра.

[26]) У *Sch*, кромѣ другихъ незначительныхъ отличій, въ концѣ читается: *думая, что̀ это значитъ*; у него же опущено: *прямкомъ*.

[27]) *Замѣтили*: нужно бы сказать по *Pet*: *увидѣли*, или по *Sch*: *усмотрѣли*.—*Каратака*: собст. *человѣкъ, имѣющій презрѣнное пропитаніе*: можетъ означать воро̀ну, худого брамина, *безбожника*. *Даманака*: собст. *обуздывающій, безстрашный WB.* Дальше они выступаютъ главными дѣйствующими лицами. Возвысились при царскомъ дворѣ потомъ. Они были друзьями между собою, и ихъ нужно представлять себѣ сыновьями *двухъ* министровъ, хотя текстъ, по отсутствію падежного окончанія въ словѣ *министръ*, можетъ быть понятъ и въ смыслѣ *одного* министра отца обоихъ шакаловъ.

[28]) У *Pet* читается: увидѣвъ *его* (т. е., льва).

ваніе о государѣ! этимъ царемъ мы оба давно презрѣны, и терпимъ большое несчастіе» [29]). *И далѣе*—

17. Смотри: что̀ дѣлается со слугами, ищущими богатства службою! у нихъ, глупыхъ, отнимается даже то, что̀ есть свобода въ отношеніи тѣла.

18. Подданные переносятъ мученія отъ холода, вѣтра, зноя; мудрый можетъ быть счастливымъ, претерпѣвши хотя часть этихъ мученій, какъ благочестивое самоистязаніе [30]).

19. Рожденіе выгодно настолько, насколько дѣятельность не принужденна; но если живутъ подневольные, то кто тогда мертвый? [31]) *И еще*—

20. «Подойди! отойди! встань! говори! молчи!»—такъ забавляются богатые надъ бѣдными, какъ бы схваченными и поглощенными своею надеждою [32]).

21. Вслѣдствіе желанія богатства, съ неразумными бываетъ, какъ съ продажными женщинами: постоянно украшая себя, они дѣлаются орудіемъ другого.

22. Взглядъ владыки, непостоянный отъ природы, падаетъ также на недостойное; однако, слуги высоко цѣнятъ этотъ взглядъ [33]). *И вотъ что̀ особенно*—

23. Ради возвышенія унижаетъ себя, ради жизни теряетъ

---

[29]) Слова Каратаки у *Sch* немного измѣнены такъ:—„по моему мнѣнію, не нужно оказывать *ему такого уваженія*; зачѣмъ дѣлать такое *о немъ* разслѣдованіе?“—Предъ словами *этимъ царемъ* читается по обоимъ изданіямъ: *такъ какъ*.

[30]) Предъ двустишіемъ № 17 *Sch* не читаетъ никакихъ вводныхъ словъ. Въ двустишіи № 18 нужно бы сказать: хотя часть *этого*. Здѣсь же между *Sch* и *Pet* есть незначительная разность по тексту.

[31]) Двустишіе говоритъ, что рожденіе и дальнѣйшая жизнь человѣка получаютъ свой смыслъ только подъ условіемъ *свободы* дѣятельности человѣка. Но такъ какъ *подневольные* люди лишены бываютъ этого единственнаго преимущества рожденнаго предъ мертвымъ, или нерожденнымъ, то, слѣдов., они—какъ бы живые мертвецы, и о другой еще смерти для нихъ нечего думать.—Иногда послѣ этого двустишія читается такое: „Играютъ со змѣями, ухаживаютъ за чужими женами, служатъ также рабски царю—ахъ, смѣлы люди!“ См. замѣч. *Sch*.

[32]) У *Sch* нѣтъ вводныхъ словъ предъ этимъ двустишіемъ; у него же читается:—„отойди! <пади>! встань“—. Люди, служащіе рабами у богатыхъ, *надѣются* на милость отъ богачей въ будущемъ. Эта ихъ надежда представляется здѣсь кровожаднымъ звѣремъ, который ихъ какъ бы схватилъ и поглотилъ.

[33]) *На недостойное*: точнѣе сказать: *на нечистое*.

жизнь, ради счастія терпитъ несчастіе, — кто еще глупѣе слуги? [34])

Даманака говоритъ: «другъ! даже въ мысли не нужно держать этого» [35]). *Такъ какъ*—

24. Какъ не служить со всѣмъ усердіемъ высшимъ владыкамъ? Будучи довольны нами, они также скоро исполняютъ желаніе нашего сердца [36]). *И еще*—

25. Для лишенныхъ возможности служить откуда будетъ счастіе потрясать вѣеромъ? откуда возьмется бѣлый зонтъ, съ высокой рукояткой? множество коней и слоновъ? [37])

Каратака сказалъ: «хотя и такъ, но зачѣмъ намъ заниматься этимъ? потому что чужого дѣла также нужно избѣгать» [38]). *Смотри*—

26. Кто хочетъ дѣлать чужое дѣло, тотъ падаетъ на землю мертвымъ, подобно обезьянѣ, вырвавшей клинъ.

Даманака спрашиваетъ: «какимъ образомъ?» Тотъ говорилъ [39]): Въ странѣ Магадха, вблизи лѣсистой мѣстности Дхарма, былъ писецъ, по имени Шубхадатта. Онъ началъ

---

[34]) Дальше *Sch* читаетъ такое двустишіе: *И далѣе*—„Когда молчишь—говорятъ: „глупъ"; когда ты остроречивъ — говорятъ: „вѣтренъ", или „болтунъ"; когда тихъ—говорятъ: „труслив"; когда не сдерживаешься—говорятъ: „не благороденъ"; когда живешь вблизи—говорятъ: „дерзокъ"; когда держишься вдали—говорятъ: „не смѣлъ". Долгъ слуги есть самый низкій, невыполнимый даже для аскетовъ". Въ текстѣ рѣчь двустишія несравненно короче, но въ переводѣ такая была бы малопонятна. Нами прибавлено во всѣхъ случаяхъ слово *говорятъ*. Къ этому срав. у насъ, въ концѣ 1-й части Хитопадеши, пунктъ 9-й стихотворныхъ частей славянскаго *Стефанитъ и Ихнилатъ*.

[35]) *Sch* читаетъ:—*говорилъ*: „другъ! <во всякомъ разѣ>, даже мыслію *не нужно такъ дѣлать*". Это чтеніе менѣе выразительно, чѣмъ у *Pet.*—Слѣдующее дальше вступительное *Такъ какъ* у *Sch* опущено.

[36]) Во второй половинѣ двустишія *Sch* читаетъ: *которые* довольны, *тѣ именно* скоро исполняютъ -. Слова *нами* и *нашего* прибавлены у насъ для ясности рѣчи.

[37]) Здѣсь представляется, что не господа, а ихъ *слуги* испытываютъ особенное счастіе при отправленіи такихъ обязанностей, какъ потрясать вѣеромъ предъ господиномъ, держать надъ его головою зонтъ, ухаживать и править господскими конями и слонами. Если бы не было господъ, то не было бы извѣстно и это счастіе.—Рѣчь двустишія, по обыкновенію, кратка, и нами прибавлены слова: *будетъ* и *откуда возьмется*.

[38]) *Sch* читаетъ:—*говоритъ*: „хотя—заниматься этимъ? *дѣла въ чужомъ дѣлѣ во всякомъ случаѣ* нужно избѣгать".

[39]) У *Sch* читается: *разсказываетъ*.

строить храмъ [40]). Тамъ, когда вдоль распиливали бревно пилою, вложили межъ двухъ частей клинъ, насколько онѣ были распилены [41]). Сюда, играя, пришло большое стадо жившихъ въ лѣсу обезьянъ [42]). Тогда одна обезьяна, будто толкаемая судьбой, схвативъ тотъ клинъ обѣими руками, сѣла [43]); и ядра ея, свѣшиваясь, находились въ срединѣ, межъ двухъ частей бревна. Въ то же время, по врожденному ей легкомыслію, она съ большимъ усиліемъ вытащила клинъ [44]). Когда онъ былъ вытащенъ, ядра были раздавлены, и она издохла [45]). Потому, я говорю: «Кто хочетъ дѣлать чужое дѣло», *и прочее.*

Даманака говоритъ: «пусть такъ! но кто долженъ смотрѣть за тѣмъ, что̀ дѣлаетъ государь?» [46]) Каратака говорилъ: «тотъ, кому порученъ высшій во всемъ надзоръ,—первый министръ,—пусть онъ дѣлаетъ это! Подданному ни въ какомъ случаѣ не нужно заботиться объ обязанностяхъ другого» [47]). *Смотри*—

27. Кто, изъ желанія пользы господину, заботится объ обязанности другого, тотъ страдаетъ, подобно ослу, побитому за крикъ.

---

[40]) Повидимому, у *Pet* нужно читать: Въ странѣ Магадха—былъ начатъ постройкой храмъ писцомъ—. Вмѣсто *былъ* слѣдовало бы сказать по обоимъ изданіямъ: *есть.—Магадха:* см. въ 1-й части Хитопадеши прим. 102-е. Вмѣсто *вблизи лѣсистой мѣстности Дхарма* нужно бы сказать прямо: *вблизи Дхармаранія.* Это—названіе опредѣленнаго священнаго лѣса въ Мадхьядешѣ, и оно собственно значитъ: *лѣсъ, насельники котораго исполняютъ свой долгъ. Шубхадатта*: собст. *приносящій счастіе WB.*

[41]) Здѣсь весьма трудно передать всѣ оттѣнки оригинальной рѣчи. *Sch* читаетъ иначе: <плотникомъ> былъ вставленъ клинъ межъ двухъ частей, насколько—.

[42]) *Sch* читаетъ: Сюда, <вечеромъ>, играя—. Слово *пришло* выражено у издателей разными глаголами.

[43]) Нужно бы сказать: *будто погоняемая палкой отъ судьбы.* На мѣстѣ *Тогда Sch* читаетъ: *Изъ нихъ. Pet* не читаетъ: *тотъ.*

[44]) *Pet* читаетъ: по врожденной ей *живости. Sch* опускаетъ *ей,* но читаетъ: <тотъ> клинъ.

[45]) *Sch* прибавляетъ: вытащенъ <изъ двухъ частей бревна>. *Издохла:* собст. *пятерица ушла.* См. къ этому прим. 165-е въ 1-й части Хитопадеши.

[46]) У *Sch* читается: „пусть такъ! но слуга непремѣнно долженъ смотрѣть за тѣмъ“—.

[47]) *Sch* читаетъ: Каратака *говоритъ*—<такъ какъ> подданному не нужно заботиться“—.

Даманака говоритъ: «какимъ образомъ?» [48]) Каратака разсказываетъ: Былъ въ Варанаси мыльщикъ, по имени Карпурапата [49]). Однажды онъ долго шутилъ со своею женою первой молодости, и сильно уснулъ [50]). Въ это время къ его дому приблизился воръ, чтобы похитить имущество. На дворѣ его стоялъ привязанный оселъ, и лежала собака. Тогда оселъ сказалъ собакѣ: «ближе всего это твоя обязанность; такъ что-жъ ты не будишь хозяина громкимъ лаемъ?» [51]) Собака говоритъ: «не твое дѣло заботиться о томъ, что̀ мнѣ поручено! Ты знаешь, конечно, какъ я стерегу его домъ. Такъ какъ онъ давно въ безопасности, то не знаетъ пользы отъ меня. Потому, онъ теперь мало заботится даже о выдачѣ мнѣ пищи. Хозяева мало заботятся о слугахъ, когда нѣтъ въ виду опасности» [52]). Оселъ говоритъ: «слушай, низкій!» [53])

28[1]. Кто прячется, когда нужно дѣлать,—зачѣмъ такой слуга, зачѣмъ такой другъ?

Сказала также собака: «слушай и ты!»

28[2]. А кто уважаетъ слугъ лишь тогда, когда нужно дѣлать,—зачѣмъ такой господинъ? [54]) *Такъ какъ*—

29. Въ томъ, чтобы заботиться о подданныхъ, почитать

---

[48]) Вмѣсто *говоритъ* у *Sch*: *спрашиваетъ.*

[49]) *Варанаси*: названіе теперешняго города Бенареса; оно составилось изъ именъ двухъ рѣчекъ, протекающихъ вблизи этого города: *Варана* и *Аси* (или *Наши*) *WB*. *Карпурапата*: составилось вѣроятно изъ словъ *карпура=камфора* и *пата*=нѣкоторый колеблющійся снарядъ, кусокъ матеріи, одежда, простыня. Но смыслъ слова въ этой сложной формѣ неизвѣстенъ.

[50]) У издателей *женою* выражено разными словами. Слово *своею* прибавлено нами.

[51]) *Pet* не читаетъ: *ближе всего.* У *Sch* послѣдняя фраза читается:— „такъ что-жъ ты, <почему> не будишь"—.

[52]) Въ трехъ первыхъ фразахъ собаки у *Sch* отличія такія: 1) „Какое тебѣ дѣло заботиться о томъ—. 2)—какъ я стерегу его домъ <день и ночь>. 3) Такъ какъ онъ давно спокоенъ, то"—. Слово *заботиться* выражено у издателей различно.

[53]) *Низкій*: собст. *заика*, потомъ *варваръ, неаріецъ WB.*

[54]) Двустишіе 28-е представляется здѣсь раздѣленнымъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна опровергаетъ другую, и, потому, первую говоритъ оселъ, а вторую—собака. Въ первой половинѣ *Pet* не читаетъ: *Кто*; во второй *Sch* читаетъ: Кто *не* уважаетъ слугъ иначе, какъ только тогда, когда нужно дѣлать—. Предъ этими словами у *Sch* читается *только*: Собака говоритъ.

государя, уважать законъ, родить сына,—также нѣтъ замѣстителей [55]).

Тогда оселъ гнѣвно сказалъ: «ты—злодѣй! такъ пренебрегаешь долгомъ къ хозяину! Хорошо! Чтобы хозяинъ проснулся, сдѣлаю это я» [56]). *Такъ какъ* —

30. Солнцу нужно служить спиною, огню—животомъ, государю — всѣмъ существомъ, потустороннему міру — откровенностію [57]).

Такъ сказавъ, онъ поднялъ сильный крикъ. Этимъ крикомъ былъ разбуженъ тогда мыльщикъ; вставъ, въ гнѣвѣ изъ-за прерваннаго сна, онъ побилъ осла палкой [58]). Потому, я говорю: «Кто, изъ желанія пользы господину, заботится объ обязанности другого», *и прочее.* «Намъ поручено пріискиваніе дичи; объ этой своей обязанности заботиться нужно. Впро-

---

[55]) *Замѣстителей:* точнѣе *подручныхъ.* Названныя здѣсь четыре дѣла—такого характера, что исполненіе ихъ лежитъ на томъ или тѣхъ, кому это *естественно по природѣ.* Государю естественно заботиться о подданныхъ. а подданнымъ естественно его почитать; стоящимъ подъ закономъ естественно послѣдній уважать; сыну естественно родиться отъ своего отца. Почитаніе государя и уваженіе закона даже невозможно поручить кому-либо вмѣсто себя. Также, если поручается забота о подданныхъ, то единственно въ томъ смыслѣ, что поручившій всегда *самъ* смотритъ за дѣйствіями своихъ подручниковъ, и, слѣдов., является все-таки самъ исполнителемъ своего естественнаго долга. У Индовъ допускается замѣстительство при рожденіи сына, но при физической неспособности къ этому дѣлу его мнимаго отца. Въ этомъ отношеніи были снисходительны также законы древнихъ Евреевъ и Лакедемонянъ. Первые *обязывали* къ этому родственниковъ, *въ случаѣ смерти* человѣка (Втор. XXV, 5=Мѳ. XXII, 24--25); вторые *рекомендовали* это *старымъ мужьямъ* (Respublica Lacedaem. Xenoph. I, 7). См. у Hertel'я.

[56]) *Pet* не читаетъ: *Тогда.* Слова осла у *Sch* выражены иначе: „ты—злодѣй, <такъ какъ при несчастіи> пренебрегаешь долгомъ—*такъ* я сдѣлаю, чтобы хозяинъ“—.

[57]) Трудно установить смыслъ этого двустишія; издатели не комментируютъ его ни однимъ объяснительнымъ словомъ. Такъ какъ санскрит. слово, обозначающее у насъ *желудокъ*, или *животъ*, можетъ передаваться также чрезъ *внутреннее*, или *внутренность WB*, то, повидимому, есть основаніе думать, что *спина* и *животъ* (желудокъ)—здѣсь чисто метафорическія выраженія, и подъ ними нужно понимать *внѣшнюю* и *внутреннюю* стороны человѣка. Слѣдов., двустишіе хочетъ сказать, что солнце нужно чествовать тѣломъ, огонь—душою, царя—тѣломъ и душою, а потустороннiй міръ—безлукавнымъ къ нему отношеніемъ, какъ къ міру боговъ.

[58]) Между *Sch* и *Pet* есть въ двухъ первыхъ фразахъ незначительная разность по тексту.

чемъ—сказалъ онъ, подумавши—сегодня нѣтъ повода даже къ этому, такъ какъ для стола у насъ много остатковъ отъ только что потребленной пищи» [59]).

Даманака гнѣвно говоритъ: «какъ? ты служишь царю только изъ-за пищи? Это не хорошо!» [60]) *Такъ какъ*—

31. Мудрые ищутъ покровительства царя и для помощи друзьямъ, и для вреда врагамъ; а единственно желудокъ—кто не наполняетъ? [61]) *Также*—

32. Чьею жизнію живутъ многіе, да живетъ тотъ! и цапля—развѣ не наполняетъ клювомъ свою утробу? [62]) *Смотри*—

33. Иной человѣкъ идетъ въ рабство за пять мѣдныхъ монетъ, другой дѣлается такимъ за сто тысячъ, а иной не пріобрѣтается даже за сто тысячъ [63]). *Такъ какъ*—

34. При равенствѣ въ происхожденіи людей, положеніе слуги охуждается больше всего; кто не есть первый даже здѣсь, того нужно ли считать человѣкомъ? [64]) *Говорится вѣдь*—

---

[59]) Слова Каратаки у *Sch* немного измѣнены такъ: „<Смотри>: намъ поручено"—. Въ дальнѣйшемъ у него опущено: *этой, подумавши, только что*. Слова *сказалъ онъ* прибавлены нами для полноты рѣчи.

[60]) *Sch* читаетъ: *сказалъ*. *Pet* опускаетъ: *царю*. Этотъ разговоръ между шакалами нужно понимать такъ. Каратака и Даманака были до своего возвышенія только поставщиками дичи къ столу царя; остатками отсюда они пользовались сами. Каратака высказалъ, что имъ нужно заботиться о своей прямой обязанности, т. е., о пріискиваніи дичи для царя. Но такъ какъ—какъ бы продолжалъ онъ—на сегодняшній день *намъ будетъ полно* остатковъ (отъ царскаго стола) изъ дичи, наловленной раньше, то нѣтъ сейчасъ нужды идти на новый ловъ. Въ этомъ именно эгоизмѣ Даманака и упрекаетъ Каратаку, какъ бы говоря, что онъ ищетъ дичи не столько для царя, сколько для себя.

[61]) Первое *и* у *Sch* опущено.—Иногда послѣ этого двустишія читается такое: „Чьею жизнію живутъ брамины, друзья, родственники, жизнь того плодотворна; для себя самого кто не живетъ?" См. замѣч. *Sch*. Двустишія хотятъ сказать, что люди живутъ большею частію эгоистами, именно для себя; но тотъ не эгоистъ, кто во время своей жизни приноситъ пользу другимъ. Сравни слѣдующее двустишіе.

[62]) *Цапля*: у *Sch* вмѣсто этого *воронъ*.

[63]) *Мѣдныхъ монетъ*: такъ условно мы передаемъ санскрит. *purana*, обозначающее прежде всего *старую* *вещь* вообще (отсюда, древнее преданіе), потомъ нѣкоторую индійскую монету. *Сто тысячъ*: собст. *обозначенная цѣна*, и потомъ *сто тысячъ*. Изъ смысла двустишія видно, что сначала называется въ немъ цѣнность самая низкая, подобная нашимъ мѣднымъ монетамъ, потомъ самая высокая, подобная нашимъ золотымъ монетамъ. См. къ этому *WB*.

[64]) *Считать человѣкомъ*: собст. *считать между живыми*.—Предъ этимъ двустишіемъ *Sch* читаетъ вводное: *И еще*. Во второй половинѣ

35. Между конями, слонами, металлами, деревьями, камнями, одеждами, женщинами, мужчинами, водами есть различіе, и большое различіе [65]). *Также—*

36. Собака бываетъ довольна, схвативъ голую кость, съ ничтожными остатками жилъ и жира, хотя она не можетъ утолить ея голода; левъ, оставивъ попавшагося ему даже шакала, убиваетъ слона. Всякое существо, хотя бы оно находилось въ нуждѣ, желаетъ плода, соотвѣтственнаго его природѣ [66]). *Далѣе—замѣть различіе между двумя слугами—*

37. Собака виляетъ хвостомъ, упавъ у ногъ подателя куска хлѣба, и открываетъ пасть, лежа на землѣ; слонъ же спокойно смотритъ и принимаетъ пищу послѣ многихъ дружескихъ къ нему обращеній [67]). *И далѣе—*

38. Кто наикратчайшее даже время живетъ, но будучи непрерывно знаменитымъ среди людей наукою, геройскими подвигами, славою,—это именно понимающіе такое дѣло называютъ жизнію. Воронъ живетъ даже долго, но клюетъ подачку отъ жертвеннаго дара [68]). *И еще—*

двустишія у него выраженъ вопросительный смыслъ сильнѣе: *зачѣмъ* того считать человѣкомъ?

[65]) Вмѣсто *конями* слѣдовало бы по обоимъ изданіямъ сказать: *жеребцами*. Но въ томъ и другомъ случаяхъ это понятіе не равно по своему содержанію слѣдующимъ за нимъ другимъ понятіямъ.

[66]) Въ началѣ двустишія *Sch* немного отступаетъ: кость, съ немногими *только* жилами и жиромъ *снизу*—. Сравн. къ этому двустишію: *Исх. XXII, 31* и мяса, растерзаннаго звѣремъ въ полѣ, не ѣшьте, псамъ бросайте его. *Мрк. VII, 27—28* Но Іисусъ сказалъ ей: дай прежде насытиться дѣтямъ, ибо не хорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ. Она же сказала Ему въ отвѣтъ: такъ, Господи; но и псы подъ столомъ ѣдятъ крохи у дѣтей.

[67]) Впереди этого двустишія *Sch* читаетъ:—замѣть различіе между слугою и *господиномъ*. По нему, так. образомъ, въ двустишіи изображаются не двое слугъ (собака и слонъ), а слуга—собака и господинъ—слонъ. *Pet* понимаетъ здѣсь вѣрнѣе. Собака и слонъ сравниваются здѣсь *съ одной и той же стороны*, и, слѣдов., съ той, съ какой изображена собака.—Частности: вмѣсто *слонъ* слѣдовало бы сказать: *слонъ-самецъ*; вм. *подателя куска хлѣба* короче бы сказать: *хозяина*, но тогда картина потеряла бы свою яркость. Слова *къ нему* прибавлены нами для ясности.

[68]) Въ качествѣ вводныхъ сюда словъ *Sch* читаетъ: *Что же.—Подачку отъ жертвеннаго дара*: въ Индіи есть обыкновеніе отдавать нѣкоторую часть пищи, или жертвы, богамъ, полубогамъ, животнымъ, особенно *птицамъ*, и даже неодушевленнымъ предметамъ *WB*.—Дальше иногда читается такое двустишіе: *И далѣе*—„Кто не господинъ ни са-

39. Какое различіе между скотомъ и человѣкомъ—скотомъ, умъ котораго не занятъ распознаваніемъ полезнаго и неполезнаго, слухъ закрытъ для многихъ священныхъ предписаній Ведъ, и который желаетъ лишь напитать желудокъ? [69])

Каратака говоритъ: «мы съ тобою—пока не самыя первыя лица; такъ, зачѣмъ же намъ это распознаваніе?» [70]) Даманака опять сказалъ: «какъ скоро можетъ пріобрѣсть, или потерять преимущество министръ!» [71]) *Такъ какъ—*

40. Здѣсь, по своему происхожденію, никто ни отъ кого не цѣнится, какъ благородный, или низкій; человѣкъ снискиваетъ уваженіе, или презрѣніе между людьми собственными поступками [72]). *Что же—*

41. Камень съ большимъ усиліемъ поднимаютъ на скалу, но онъ мгновенно падаетъ внизъ; такъ бываетъ съ нами при добродѣтели и порокѣ [73]).

42. Человѣкъ спускается ниже и ниже, поднимается выше и выше—одинаково своими дѣлами; насколько спускается ископатель ямы, настолько поднимается устроитель вала [74]).

мому себѣ, ни множеству слугъ, не оказываетъ милости ни бѣдному, ни множеству родныхъ,—въ чемъ плодотворность жизни такого среди человѣческаго міра? Воронъ живетъ даже долго, но клюетъ подачку отъ жертвеннаго дара". См. замѣч. *Sch.* Сравни къ этимъ двустишіямъ: *Сирах. XXXIX, 13—14* Народы будутъ прославлять его мудрость, и общество будетъ возвѣщать хвалу его; доколѣ будетъ жить, онъ пріобрѣтетъ бóльшую славу, нежели тысячи; а когда почіетъ, увеличитъ ее. *Сирах. XLI, 15—16* Заботься объ имени, ибо оно пребудетъ съ тобою долѣе, нежели многія тысячи золота: днямъ доброй жизни есть число, но доброе имя пребываетъ во-вѣкъ.

[69]) Какъ вводное, *Sch* читаетъ здѣсь: *И далѣе.* Въ самомъ двустишіи читаетъ: слухъ закрытъ для многихъ *предметовъ.* Къ слову *Ведъ* см. въ 1-й части Хитопадеши двуст. № 13-й и прим. къ нему.

[70]) *Sch* читаетъ:—*„а если такъ*, то зачѣмъ намъ"—.

[71]) Вмѣсто *можетъ пріобрѣсть Pet* читаетъ: *пріобрѣтаетъ.*—Каратака и Даманака въ данную минуту не были министрами. См. здѣсь же прим. 60-е.

[72]) Сравни къ этому: *Прит. X, 16* Труды праведнаго—къ жизни, успѣхъ нечестиваго—ко грѣху. *Прит. XXII, 8* Сѣющій неправду пожнетъ бѣду, и трости гнѣва его не станетъ. *Премуд. Солом. I, 12* Не ускоряйте смерти заблужденіями вашей жизни и не привлекайте къ себѣ погибели дѣлами рукъ вашихъ.

[73]) Точнѣе нужно бы сказать: <Какъ> камень—*такъ душа* при добродѣтели—. Слово *большимъ* выражено у издателей различно.

[74]) Во второй половинѣ двустишія прибавлены нами слова: *спускается* и *поднимается.* Иногда это двустишіе не читается. См. зам.

«Потому, милый: чтобы возвысить себя,—это зависитъ отъ собственнаго усердія» [75]).

Каратака говоритъ: «что ты хочешь этимъ сказать?» Даманака отвѣтилъ: «только то, почему-то государь Пингаляка, воротившись назадъ въ такомъ страхѣ и безпокойствѣ, притаился». Каратака говоритъ: «что же ты знаешь здѣсь?» Даманака отвѣчаетъ: «что здѣсь непонятнаго!» [76]) *Сказано также*—

43. Смыслъ высказаннаго понимается даже скотомъ; кони и слоны везутъ по приказанію. Умный человѣкъ разумѣетъ даже невысказанное; понимать жесты другого—въ этомъ плодъ разума [77]).

«Теперь, подъ предлогомъ этого страха, я сдѣлаю его своимъ, пользуясь силою разума» [78]). *Такъ какъ*—

44. Кто соразмѣряетъ слово съ обстоятельствомъ, любовь съ истиннымъ достоинствомъ, гнѣвъ съ собственными силами,—тотъ мудръ [79]).

Pet и *Sch*. Сравни къ этому: *Прит. XI, 18* Нечестивый дѣлаетъ дѣло ненадежное, а сѣющему правду—награда вѣрная. *Прит. XXI, 8* Превратенъ путь человѣка развращеннаго; а кто чистъ, того дѣйствіе прямо. См. также параллели въ прим. 72-мъ, здѣсь же.

[75]) *Pet* читаетъ менѣе выразительно: „Потому, милый, у каждаго дѣятельность зависитъ отъ него самого“.

[76]) У *Sch* читается этотъ разговоръ съ такими отличіями: К.—„что ты *потомъ* хочешь сказать?“ Даманака отвѣтилъ—Д. отвѣчаетъ: „*есть ли что-нибудь неизвѣстное для разумныхъ?*“ Оставляемъ другія, мелкія отличія.

[77]) *Pet* читаетъ: *схватывается* даже скотомъ—. За этимъ двустишіемъ иногда читается такое: „Скрытая внутри мысль узнается по внѣшнему виду, жестамъ, походкѣ, движеніямъ и по рѣчи, по измѣненію глазъ и рта“. См. зам. *Sch*. Сравни къ этимъ двустишіямъ: *Сирах. XIII, 31* Сердце человѣка измѣняетъ лице его или на хорошее, или на худое. *Сирах. XIX, 26—27* По виду узнается человѣкъ, и по выраженію лица при встрѣчѣ познается разумный. Одежда и осклабленіе зубовъ и походка человѣка показываютъ свойство его.

[78]) *Его*: разумѣется левъ Пингаляка. По-санскритски *его* выражено у издателей различными словами.

[79]) *Соразмѣряетъ*: точнѣе *знаетъ слово, подходящее къ обстоятельству*, и далѣе въ такой же формѣ; потомъ: *гнѣвъ равный собственнымъ*—. Срав. къ этому: *Прит. XII, 16* У глупаго тотчасъ же выкажется гнѣвъ его, а благоразумный скрываетъ оскорбленіе. *Прит. XV, 23* Радость человѣку въ отвѣтѣ устъ его, и какъ хорошо слово во-время! *Прит. XXV, 11* Золотыя яблоки въ серебряныхъ прозрачныхъ сосудахъ—слово, сказанное прилично.

Каратака говорилъ: «другъ! ты не свѣдущъ въ службѣ» [80]). *Такъ какъ*—

45. Кто приходитъ, будучи не позванъ; много говоритъ, будучи не спрошенъ; о себѣ думаетъ, что онъ пріятенъ господину,—тотъ глупецъ [81]).

Даманака говоритъ: «милый! какъ я не свѣдущъ въ службѣ?» [82]) *Смотри*—

46. Есть ли что-нибудь по своей природѣ прекрасное, что-нибудь безобразное? Кому что̀ нравится, то можетъ быть прекраснымъ для него [83]). *Такъ какъ*—

47. Каково внутреннее кого бы то ни было состояніе,—войдя чрезъ него въ того человѣка, мудрый быстро подчиняетъ его своей волѣ. *И еще*—

48. «Кто здѣсь?» спрашиваетъ царь. «Я»—долженъ говорить слуга—«приказывай сразу». И онъ долженъ исполнить приказаніе государя въ точности, насколько есть сила [84]). *И далѣе*—

49. Кто желаетъ немногаго, постояненъ, разуменъ, всегда слѣдуетъ, какъ тѣнь, за господиномъ, приказаннаго не обдумываетъ,—такой долженъ жить въ царскомъ дворцѣ [85]).

Каратака говоритъ: «государь будетъ не доволенъ за несвоевременный почему-нибудь твой приходъ». Даманака говорилъ: «хотя бы и такъ! даже въ такомъ случаѣ слугѣ непремѣнно нужно быть вблизи» [86]). *Такъ какъ*—

50. Не начинать дѣла, боясь ошибки—признакъ ничтожнаго человѣка: кто оставляетъ, братъ, пищу, боясь, что она не переварится желудкомъ? [87]) *Смотри*—

---

[80]) У *Sch* читается: *говоритъ*.

[81]) Есть незначительная разность между издателями. Срав. къ этому: *Прит. X, 19* При многословіи не миновать грѣха, а сдерживающій уста свои—разуменъ.

[82]) *Говоритъ*: выражено у издателей разными словами.

[83]) *Sch* читаетъ: прекрасное *или* безобразное—.

[84]) Слова: *спрашиваетъ царь, слуга* и *есть* прибавлены нами.—Далѣе *Sch* читаетъ у себя такое двустишіе: „Безъ оружія наказываются смертію тѣ, которые нарушаютъ приказаніе царей, не уважаютъ браминовъ, и спятъ въ отдѣльности отъ женъ".

[85]) *За господиномъ*: прибавлено нами для полноты рѣчи.

[86]) *Pet* вмѣсто *Даманака* читаетъ: *Тотъ*.

[87]) Точнѣе нужно бы перевести: *Неначинаніе изъ страха* ошибки—оставляетъ пищу *изъ страха несваренія*. Слово *желудкомъ* прибавлено нами. Вмѣсто *братъ* иногда читается: *батюшка*. См. замѣч. *Sch*.

51. Царь можетъ любить человѣка невѣжественнаго, незнатнаго по происхожденію, или несоотвѣтствующаго ему, но лишь находящагося подлѣ; цари, жены и ліаны прилѣпляются большею частію къ тому, кто бываетъ подлѣ [88]).

Каратака спрашиваетъ: «потомъ—придя туда, что̀ ты будешь говорить?» Онъ сказалъ: «слушай: я хочу знать только, радъ, или не радъ будетъ мнѣ государь». Каратака говорилъ: «въ чемъ же признакъ здѣсь?» Даманака отвѣчаетъ [89]):

52. Взглядъ издали, улыбка, большое вниманіе при распросахъ, похвала хорошихъ качествъ даже заочно, воспоминаніе во время пріятныхъ обстоятельствъ,

53. Расположенность даже къ его слугѣ, увеличивающіе любезность подарки, даже при ошибкахъ усматриваніе хорошихъ качествъ—это признаки расположенія владыки [90]).

54. Долгая отсрочка въ пріемѣ, усиленіе надежды и безплодность ея должны считаться разумнымъ человѣкомъ признаками нерасположенія владыки [91]).

---

[88]) Въ первой половинѣ двустишія *Sch* читаетъ:—незнатнаго по происхожденію, или *неискуснаго*; наоборотъ, во второй половинѣ *Pet* читаетъ:—кто *живетъ* подлѣ. Слово *ему* прибавлено нами. *Ліаны*: растеніе, встрѣчающееся больше всего въ тропическихъ лѣсахъ. Тамъ онѣ растутъ во множествѣ видовъ; отличаются роскошными цвѣтами. По своимъ плодамъ это растеніе—бобовное, и струкъ достигаетъ большихъ размѣровъ. Жители приготовляютъ изъ ліанъ канаты.

[89]) Къ этому разговору нужно замѣтить: 1) *спрашиваетъ*: точнѣе *говоритъ* (у издателей разные для этого глаголы); 2) *Sch* не читаетъ: *только*, и эту фразу передаетъ: — радъ, или *даже* не радъ; 3) вмѣсто *говорилъ* *Sch* читаетъ: *говоритъ* (у издателей опять разные глаголы); 4) далѣе *Sch* вмѣсто *здѣсь* читаетъ: *этого*; 5) послѣднюю фразу нужно бы сказать: Дам. *говоритъ* *Pet*; или Дам. *говоритъ*: „<слушай>“ *Sch* (для *говоритъ* опять разные глаголы).

[90]) Эти два двустишія дополняютъ другъ друга. Для перевода они очень трудны. Слово *признаки* выражено у издателей разными существительными. Мысль двустишій довольно ясна. Здѣсь до подробности исчисляются всѣ возможные признаки расположенности властелина вообще къ своему подчиненному. Очень тонко подмѣчено, что такая расположенность простирается даже на слугу приближеннаго человѣка.

[91]) Здѣсь называются собственно три признака нерасположенія владыки, и они являются отрицаніемъ признаковъ расположенія. Насколько тамъ владыка предупредителенъ (видитъ издали, улыбается, оказываетъ полное вниманіе къ приближенному и къ его слугѣ), настолько здѣсь небреженъ къ пріему приближеннаго (отсрочиваетъ пріемъ); тамъ онъ хвалитъ въ глаза и за глаза, а здѣсь томитъ однимъ ожиданіемъ; тамъ онъ дѣлаетъ подарки, а здѣсь не оказываетъ и тѣхъ милостей, которыя ожидаются, какъ естественныя съ его стороны.

«Зная это, я скажу то, что онъ будетъ зависѣть отъ меня» [92]). *Такъ какъ*—

55. Мудрые предвидятъ, какъ бы мерцаніе, приложеніе правила жизни, именно, когда неуспѣхъ зависитъ отъ явленій неблагопріятныхъ, и когда успѣхъ зависитъ отъ благопріятныхъ явленій [93]).

Каратака говоритъ: «однако, не улучивъ удобнаго повода, ты не долженъ говорить». *Такъ какъ*—

56. Даже Брхаспати, говоря слово въ неудобное время, могъ бы подвергнуть разумъ и себя вѣчному презрѣнію [94]).

Даманака говоритъ: «не бойся, другъ! я буду говорить не неблаговременное слово» [95]). *Такъ какъ*—

57. При несчастіи, когда господинъ идетъ ложною дорогою, и когда иначе упущено надлежащее время дѣйствія,—слуга, желающій пользы, долженъ говорить, не будучи даже спрошенъ [96]).

«Если же и благовременнаго совѣта я не въ состояніи

---

[92]) *Зная это*: разумѣются названные раньше признаки расположенія, или нерасположенія владыки къ посѣтителю. У *Sch* эта фраза передается нѣсколько иначе: *Узнавъ то, что онъ отъ меня зависитъ, такъ буду говорить*. Париж. рукоп. выражается:—что владыка ко мнѣ *расположенъ*, такъ буду говорить. См. замѣч. *Pet*.

[93]) Это двустишіе, по своей необыкновенной округленности выраженій, не менѣе трудно для перевода, чѣмъ и предыдущія три двустишія. Образъ заимствованъ отъ человѣка, который, будучи окруженъ тьмою, мгновенно можетъ оріентироваться, при блескѣ сверкнувшей молніи. Такъ точно мудрецъ, глубоко понимающій жизнь, при одномъ взглядѣ на окружающія его обстоятельства, можетъ предугадать: будетъ, или не будетъ успѣха отъ его предпріятія.—Слово *именно* прибавлено нами.

[94]) *Брхаспати*: см. во введеніи къ Хитопадешѣ прим. 27-е. Дальше иногда читается такое двустишіе: „Люди сладкорѣчивые, царь, постоянно встрѣчаются; но рѣдки по встрѣчѣ тѣ, которые говорятъ и слушаютъ непріятное, хотя и полезное“. См. замѣч. *Sch*.

[95]) *Sch* читаетъ: Даманака *говорилъ*.

[96]) Въ нѣсколько измѣненной формѣ это двустишіе встрѣчается дальше подъ № 110-мъ по *Pet*. Такъ какъ они между собою все-таки не тожественны, то мы не можемъ исключить какое-либо изъ нихъ. См. зам. *Pet*. Нами прибавлены слова: *господинъ* и *иначе*. Въ двустишіи указываются три случая, когда слуга долженъ предстать предъ своимъ повелителемъ, не смотря ни на что другое, именно: 1) прямое несчастіе de facto; когда несчастіе еще не обнаружилось, но есть данныя для него, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ берутся моменты 2) самый начальный и 3) самый послѣдній, критическій.

высказать, то для должности совѣтника я какъ бы не родился тогда [97]). *Такъ какъ*—

58. Способность, которою служатъ и за которую среди людей хорошіе хвалятъ,—обладатель этого добраго качества долженъ беречь его и возращать.

«Потому, милый, отпусти меня; я пойду». Каратака говоритъ: «счастливаго пути! пусть будетъ, какъ тебѣ желательно!» [98]) *) **)

Профессоръ Протоіерей **М. Орловъ.**

---

[97]) По *Sch* немного иначе: „Если при благовременности я не въ состояніи высказать совѣтъ, то"—. О должности совѣтника, вѣрнѣе, министра, Даманака говоритъ, какъ о желательной и будущей для него.

[98]) Послѣднія двѣ фразы читаются у *Pet* такъ: Каратака: „счастливаго—желательно, *такъ сказалъ онъ.—Счастливаго пути*: точнѣе *да будетъ счастіе.*

*) Продолженіе слѣдуетъ.

**) *Поправки*: нужно читать: Thl. I—VII (окт. 1910 г., стр. 1223, стрк. 8 сн.); *камфора WB* (дек. 1910 г., стр. 1471, стрк. 15 сн.); *камфора WB* (февр. 1911 г., стр. 159, стрк. 7 сн.).

Жестокость Соломона и ея мотивы.

Вопросъ о мотивахъ жестокихъ поступковъ Соломона находится въ тѣсной органической связи съ болѣе общимъ вопросомъ о способѣ его вступленія на царство и въ значительной степени зависитъ отъ такого или иного рѣшенія послѣдняго. Такъ, если бъ оказалось, что Соломонъ достигъ престола путемъ интриги и насилія, онъ и въ дальнѣйшей своей дѣятельности, въ укрѣпленіи престола, легко могъ, по обычаю восточныхъ деспотовъ, прибѣгать къ насилію. И наоборотъ, если признаемъ его избранникомъ Божіимъ и теократическимъ царемъ, тогда и его дѣйствія, особенно первыя, должны опредѣляться всецѣло волею Бога и Его закономъ. Поэтому, чтобы правильно понять и объяснить жестокіе поступки Соломона, необходимо прежде всего внимательно и подробно изслѣдовать всѣ обстоятельства его вступленія на царство.

Когда Давидъ состарѣлся, онъ впалъ въ такую слабость, что, по свидѣтельству 3 кн. Царствъ, не въ состояніи былъ согрѣться даже подъ одеждами, которыми его покрывали. Тогда слуги царя или, по свидѣтельству Іосифа Флавія, его придворные врачи [1]) сочли необходимымъ для возбужденія въ немъ жизненной теплоты и энергіи прибѣгнуть къ практиковавшемуся въ древней медицинѣ средству — молодой дѣвушкѣ, которая лежала бы съ царемъ и согрѣвала его своимъ тѣломъ [2]).

---

[1]) Bähr. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1868, S. 3—4.; Фарраръ. Соломонъ, его жизнь и время. СПБ. 1900, стр. 32, прим. 1; Лопухинъ. Библейская исторія. Т. II. СПБ. 1890, стр. 271, прим. 1.

[2]) Галенъ (Method. medic. VIII, 7): Ex iis vero, quae extrinsecus applicantur, boni habitus puellus una sit accumbans, ut semper abdomen ejus

Ихъ выборъ палъ на прекрасную Ависагу изъ Сунема, небольшого городка въ коленѣ Иссахаровомъ, на южномъ склонѣ Малаго Гермона, въ шести верстахъ отъ Изрееля.

Но, несмотря на то, что дни царя были уже сочтены, и со дня на день можно было ожидать его кончины, вопросъ о его преемникѣ все еще оставался открытымъ и, естественно, волновалъ придворныхъ, дробя ихъ на различныя партіи. Старшимъ принцемъ послѣ трагической смерти Авессалома являлся четвертый сынъ Давида Адонія отъ Аггиѳы, который, въ силу этого, и считалъ себя прямымъ законнымъ наслѣдникомъ своего престарѣлаго отца. Дѣйствительно, и по восточному обычаю, и—что всего важнѣе въ данномъ случаѣ—по закону Моисееву, ему, какъ старшему сыну и главѣ дома, принадлежали нѣкоторыя преимущественныя права, которыхъ отецъ не могъ лишить его даже въ томъ случаѣ, если бы его мать была нелюбимой женой. Объ имущественномъ наслѣдствѣ, напр., законъ прямо говорилъ, что «если у кого будутъ двѣ жены, одна любимая, а другая нелюбимая, и какъ любимая, такъ и нелюбимая родятъ ему сыновей, и первенцемъ будетъ сынъ нелюбимой, то, при раздѣлѣ сыновьямъ своимъ имѣнія своего, онъ не можетъ сыну жены любимой дать первенства предъ первороднымъ сыномъ нелюбимой, но первенцемъ долженъ признать сына нелюбимой и дать ему двойную часть изъ всего, что у него найдется» (Вт. XXI, 15—17). Поэтому если тронъ и господство надъ народомъ разсматривать, только какъ формальное наслѣдство, какъ предметъ простого владѣнія, то, по словамъ Eisenlohr'а, за Адоніей несомнѣнно должно быть признано полное право на престолъ [1]). Подобная

---

contingat. (Bähr. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1868, S. 3—4). Ficinus ait; Davidem contubernio puellae, alias selubriter, sed nimis sero usum fuisse; debuerat autem addere, quod puellam illam, more virginum Persiae, opportuisset inungi Myrrha et similis, non ad delicias, sed ad augendam vim fomenti ex corpore vivo. (Brentano. Die heilige Schrift des Alten Testaments. B. II, Th. 2. Fortgesetzt von Dereser. Frankfurt am Main. 1801, S. 4; Dächsel. Die Bibel oder die ganze heilge Schrift Alten und Neuen Testaments. B. I. Breslau. 1867, S. 430—431; Dietelmair. Die heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Th. 4. Leipzig. 1753, S. 19).

[1]) Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. Th. 2. Leipzig. 1856, S. 19. Это право почти единогласно признаютъ за нимъ всѣ изслѣдователи, какъ отрицательнаго, такъ и положительнаго направленія, съ тѣмъ лишь различіемъ, что послѣдніе на ряду съ этимъ допускаютъ возможность поглощенія его другими высшими принципами,

надежда усиливалась у него еще тѣмъ, что самъ же Давидъ, по свидѣтельству 3 кн. Царствъ, позволилъ ему, подобно Авессалому, завести себѣ колесницы, и всадниковъ, и пятьдесятъ скороходовъ «и никогда не стѣснялъ его вопросомъ: для чего ты это дѣлаешь?» (3 Цар. I, 5—6) т. е. молчаливо призналъ его дѣйствительнымъ наслѣдникомъ [1]). Въ объясненіе такого противорѣчія между поведеніемъ Давида и его истинными намѣреніями, одни изъ изслѣдователей указываютъ на доброту его сердца и его крѣпкое довѣріе къ естественному, чрезъ народъ и пророковъ обозначенному ходу вещей [2]), а другіе слова кн. Царствъ: «отецъ же никогда не стѣснялъ его вопросомъ: для чего ты это дѣлаешь?»—относятъ даже ко всей жизни Адоніи и высказываютъ предположеніе, что проступки (?) его могли быть невелики или неизвѣстны Давиду [3]). Однако, всѣ такія предположенія, при всемъ ихъ остроуміи и проблематической вѣроятности, едва ли заслуживаютъ, серьезнаго вниманія, такъ какъ не имѣютъ подъ собою рѣшительно никакой фактической почвы. Гораздо естественнѣе полагать, что самъ Давидъ считалъ первоначально Адонію дѣйствительнымъ преемникомъ престола и только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ важныхъ обстоятельствъ, отказался отъ этого мнѣнія. Такъ же смотрѣли на Адонію, какъ это видно изъ 3 кн. Царствъ, и всѣ его братья, сыновья царя, и наиболѣе видные и вліятельные сановники государства—военачальникъ Іоавъ и первосвященникъ Авіаѳаръ, и вся тогдашняя іудейская аристократія, и большинство простого народа (3 Цар. I,

---

каковы: воля Божія, благо государства и т. п. Dunker. Geschichte des Alterthums. B. I. Berlin. 1855, S. 385—387; Hellwald. Kulturgeschichte in ihrer natürlichen Entwickelung bis zur Gegenwart. B. I. Leipzig. 1896, S. 447; Meyer. Geschichte des Alterthums. B. I. Stuttgart. 1884, S. 370—371; Stade. Geschichte des Volkes Israel. B. I. Berlin. 1887, S. 292; Wellhausen. Israelitische und Iudische Geschichte. 1895, S. 64—65; Allioli. Handbuch der biblischen Alterhumskunde. B. I. Landshut. 1844, S. 24; Gerlach. Das Altes Testament. B. II. Berlin. 1897, S. 323; Guthe. Geschichte des Reiches Gottes. Periode II. Berlin. 1871, S. 104; Масперо. Древняя исторія народовъ Востока. М. 1895, стр. 333.

[1]) Grätz. Geschichte der Iuden von der ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. B. I. Leipzig. 1873, S. 296.

[2]) Dächsel. Die Bibel oder die ganze heilige Schrift Alten und Neuen Testaments. B. I. Breslau. 1867, S. 431; Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. Th. 2. Leipzig. 1856, S. 50.

[3]) Dietelmair. Die heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Th. 4. Leipzig. 1753, S. 21.

9. 25; II, 15). Поэтому, мнѣніе Eisenlohr'а [1]),—будто бы партія Адоніи состояла только изъ недовольныхъ и честолюбивыхъ людей, которые или боялись господства достойнаго преемника, или чрезъ потворство личнымъ прихотямъ и страстямъ наслѣдника хотѣли достигнуть своихъ эгоистическихъ цѣлей,—кажется намъ не имѣющимъ подъ собой достаточной фактической почвы. По нашему мнѣнію, какъ разъ наоборотъ, она могла состоять и, какъ видно изъ 3 кн. Царствъ, дѣйствительно, состояла изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ царствующаго дома и защитниковъ внѣшней законности и старины [2]). Помимо уже того, что партія Адоніи имѣла на своей сторонѣ значительное большинство, которое отнюдь не могло состоять изъ однихъ только честолюбцевъ и интригановъ, на это же указываетъ и тотъ фактъ, что къ ней принадлежали такіе испытанные и преданные слуги Давида, какъ военачальникъ Іоавъ и первосвященникъ Авіаѳаръ.

Правда, большинство изслѣдователей объясняютъ участіе этихъ двухъ лицъ въ такъ называемомъ заговорѣ Адоніи совсѣмъ другими мотивами, но намъ кажется, что ими руководитъ въ данномъ случаѣ исключительно опасеніе бросить тѣнь на Давида и Соломона. По наиболѣе распространенному мнѣнію, главнымъ побужденіемъ для Іоава и Авіаѳара принять сторону Адоніи служила боязнь ихъ за свое вліятельное положеніе. «Іоавъ, —говоритъ Фаррарь, а за нимъ проф. А. П. Лопухинъ [3]),—едва ли ошибался, замѣчая, что Ванея замѣнилъ его въ довѣріи царя, а Авіаѳаръ, единственный изъ первосвященническаго рода, избитаго ради Давида, вѣрный спутникъ Давида во время его страннической жизни и царствованія въ Хевронѣ, едва ли могъ спокойно смотрѣть на возраставшее вліяніе Садока» [4]). Такое объясненіе имѣетъ,

[1]) Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. Th. 2. Leipzig. 1856, S. 50.

[2]) Stade. Geschichte des Volkes Israel. B. I. Berlin. 1887, S. 293.

[3]) Фаррарь. Соломонъ, его жизнь и время. Спб. 1900, стр. 33; Лопухинъ. Библейская исторія. Т. II. Спб. 1890, стр. 272.

[4]) См. то же самое.—Eisenlohr. Das Volk Israel unter Herrschaft der Könige. Th. 2. Leipzig. 1856, S. 50; Dietelmair. Die heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Th. 4. Leipzig. 1753, S. 21; Dächsel. Die Bibel oder die ganze heilige Schrift' Alten und Neuen Testaments. B. I. Breslau. 1867, S. 431; Grätz. Geschichte der Juden von der ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. B. I. Leipzig. 1873, S. 295; Hess. Geschichte Davids und Salomo. B. VIII. Zurich. 1785, S. 247—261, etc.

конечно, извѣстную степень вѣроятности, такъ какъ Давидъ вообще склоненъ былъ отдавать предпочтеніе не тѣмъ, которые оставались ему вѣрны, а тѣмъ, которые къ нему переходили, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Авенира, Амессая и Садока [1]). «Для него,—по словамъ Іоава,—были ничто и вожди, и слуги, такъ какъ онъ любилъ ненавидящихъ его и ненавидѣлъ любящихъ его» (2 Цар. XIX, 6). Возможно поэтому, что усиливающіеся при дворѣ друзья Соломона такими старыми людьми, какъ Іоавъ и Авіаѳаръ, могли разсматриваться, какъ homines novi, равно какъ іудейская свита Давида и предводитель общаго ополченія могли косо смотрѣть на возраставшее вліяніе чужеземныхъ тѣлохранителей [2]). Однако, все это только возможности, которыя не только не подтверждаются фактами, но скорѣе даже противорѣчатъ послѣднимъ. Изъ св. Писанія вовсе не видно, чтобы старые Іоавъ и Авіаѳаръ были оттѣснены на второй планъ ихъ молодыми соперниками—Ванеею и Садокомъ. Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда упоминаются Ванея и Садокъ, они всегда почти поставляются позади Іоава и Авіаѳара (Ванея—2 Цар. VIII, 18, ср. VIII, 16; XX, 23. Садокъ—2 Цар. VIII, 17; XV, 24; I Пар. XVI, 39, ср. 3 Цар. II, 26 и др.). Точно такою же гипотетичностью отличается и предположеніе, что Іоавъ присталъ къ партіи Адоніи изъ боязни наказанія со стороны Соломона за его преступленія, отягченныя въ концѣ царствованія Давида новыми убійствами—Авессалома и Амессая (2 Цар. XVIII, 14; XX, 8—10) [3]). Если онъ не побоялся гнѣва и наказанія такого популярнаго царя, какимъ былъ Давидъ, то очень трудно допустить, чтобы его могла устрашить слабая дѣтская рука Соломона. Поэтому гораздо естественнѣе и въ большемъ согласіи съ характерами Іоава и Авіаѳара будетъ предположеніе, что они приняли сторону Адоніи потому, что онъ былъ законнымъ наслѣдникомъ Давида, каковымъ считали его какъ самъ отецъ, такъ и большин-

---

[1]) Ср. Grätz. Geschichte der Iuden von der ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. B. I. Leipzig. 1873, S. 295.

[2]) Stade. Geschichte des Volkes Israel. B. I. Berlin. 1887, S. 293.

[3]) Dächsel. Die Bibel oder die ganze heilige Schrift Alten und Neuen Testaments. B. I. Breslau. 1867, S. 431; Фарраръ. Соломонъ, его жизнь и время. Спб. 1900, стр. 32; Лопухинъ. Библейская исторія. Т. II. Спб. 1890, стр. 272; Св. Исидоръ Пелусіотъ. Творенія. Ч. 3-я. М. 1860, стр. 100.

ство народа [1]). Притомъ онъ былъ уже взрослымъ человѣкомъ, способнымъ твердою рукою держать тяжелыя бразды правленія, тогда какъ Соломонъ, не имѣвшій къ тому же формальныхъ правъ на престолъ, былъ еще зеленымъ юношей [2]). Конечно, при этомъ могли играть извѣстную роль и ихъ надежды на будущую признательность къ нимъ со стороны новаго царя [3]), но во всякомъ случаѣ эти надежды далеко не играли у нихъ первенствующей роли. Судя по тѣмъ немногимъ фактамъ, которые мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи, оба эти человѣка были безконечно преданы Давиду и его дому. Авіаѳаръ, какъ засвидѣтельствовалъ впослѣдствіи самъ Соломонъ, раздѣлялъ съ Давидомъ въ теченіе его бурной жизни всѣ выпавшіе на его долю труды и невзгоды (3 Цар. II, 26), начиная съ преслѣдованія Саула (2 Цар. XXII, 20—23) и кончая возмущеніемъ Авессалома (2 Цар. XV, 24—29. 35—36), когда сынъ его Іонаѳанъ оказалъ царю такія важныя услуги (2 Цар. XVII, 17—21). Но еще большимъ былъ обязанъ Давидъ Іоаву. Не говоря уже о его блестящихъ побѣдахъ, которыми онъ прославилъ его царствованіе и до того устрашилъ окружающіе народы, что одно имя его наводило страхъ (3 Цар. XI, 21), что можетъ быть выше той привязанности къ царю и ревности къ его славѣ, которыя проявилъ Іоавъ при взятіи города Раввы?! Овладѣвъ водою города, онъ послалъ сказать Давиду: «Я овладѣлъ водою города. Теперь собери остальной народъ, и подступи къ городу, и возьми его, ибо если я возьму его, то мое имя будетъ наречено ему» (2 Цар. XII, 27—28). Или что можетъ быть трогательнѣе, какъ та тонкая предупредительность, которую онъ проявилъ по отношенію къ Давиду, когда послѣдній загрустилъ о своемъ бѣжавшемъ сынѣ (2 Цар. XIX гл.)?! По нашему мнѣнію, при такихъ фактахъ положительно невозможно, чтобы эти два человѣка—Іоавъ и Авіаѳаръ, принимавшіе къ тому же такое дѣятельное участіе въ

---

[1]) Dietelmair. Die heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Th. 4. Leipzig. 1751, S. 21; Thenius. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1849, S. 3.

[2]) Köhler. Lehrbuch der biblischen Geschichte. Th. 2, H. 2. Erlangen. 1884, S. 364; Фарраръ. Соломонъ, его жизнь и время. Спб. 1900, стр. 33; Лопухинъ. Библейская исторія. Т. II. Спб. 1890, стр. 272.

[3]) Dietelmair. Die heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Th. 4. Leipzig. 1753, S. 21; Thenius. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1849, S. 4. Св. Исидоръ Пелусіотъ. Творенія. Ч. 3-я. М. 1860, стр. 100.

подавленіи прежнихъ мятежей (2 Цар. XVIII; XX, I—22), на этотъ разъ оказались сами въ числѣ мятежниковъ. Если же въ концѣ концовъ такъ вышло, то причиной этого было, вѣроятно, незнаніе ихъ происшедшей перемѣны въ намѣреніяхъ Давида относительно Адоніи и Соломона [1]). По крайней мѣрѣ, изъ св. Писанія не видно, чтобы эта перемѣна и ея истинные мотивы извѣстны были кому-либо еще, помимо Вирсавіи и пророка Наѳана (3 Цар. I, 13. 17) [2]).

Правда, темные слухи о предстоящей перемѣнѣ, безъ сомнѣнія, существовали при дворѣ, но Адонія, Авіаѳаръ и Іоавъ могли объяснять это всецѣло дурнымъ вліяніемъ на престарѣлаго и ослабѣвшаго царя враждебной имъ партіи и, чтобы разъ навсегда положить конецъ ея притязаніямъ, рѣшили прибѣгнуть къ своего рода демонстраціи [3]). Они могли думать, что если объявить Адонію предъ лицомъ всего народа законнымъ повелителемъ Израиля, то тѣмъ самымъ будетъ устранена на будущее время всякая возможность дальнѣйшаго спора и интригъ въ этомъ направленіи. Иначе, т. е. если бы Адонія, по примѣру Авессалома, дѣйствительно, предполагалъ вступить на царство и похитить корону у своего престарѣлаго отца [4]), то едва ли бы онъ, имѣя на своей сторонѣ Іоава и большинство народа, отнесся такъ пассивно къ извѣстію о помазаніи на царство Соломона. Наоборотъ, гораздо естественнѣе было бы ожидать, что такое явное нарушеніе его правъ только развязало бы ему руки, окруживъ его въ глазахъ черни ореоломъ не-

---

[1]) Ср. Фарраръ. Соломонъ, его жизнь и время. Спб. 1900, стр. 33; Лопухинъ. Библейская исторія. Т. II. Спб. 1890, стр. 272.

[2]) Поэтому предположеніе Dietelmair'a, Hengstenberg'a и другихъ изслѣдователей, что Соломонъ, какъ будущій престолонаслѣдникъ, извѣстенъ былъ всѣмъ, такъ что и Адонія хорошо былъ освѣдомленъ объ этомъ, кажется намъ не имѣющимъ подъ собой твердой фактической почвы (Dietelmair. Die heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Th. 4. Leipzig. 1753, S. 23. 32; Hengstenberg. Geschichte des Reiches Gottes. Periode II. Berlin. 1871, S. 132).

[3]) Ср. Grätz. Geschichte der Iuden von der ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. B. I. Leipzig. 1873, S. 295; Thenius. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1849, S. 3.

[4]) Brentano. Die heilige Schrift des Alten Testaments. B. II, Th. 2. Fortgesetzt von Dereser. Frankfurt am Main. 1801, S. 6; Фарраръ. Соломонъ, его жизнь и время. Спб.1900, стр. 32; Лопухинъ. Библейская исторія. Т. II. Спб. 1890, стр. 272, отч. Dietelmair. Die heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Th. 4. Leipzig. 1753, S. 20.

справедливо обиженнаго и обойденнаго. Между тѣмъ, мы видимъ, что онъ и его сторонники не только не оказали никакого сопротивленія, но тотчасъ же послѣ помазанія Соломона разсѣялись по своимъ домамъ и принесли полную повинную. Отсюда—если и можетъ быть какая-либо параллель между нимъ и Авессаломомъ, которую такъ настойчиво и усердно проводятъ нѣкоторые писатели [1]), то лишь чисто внѣшняго характера, простирающаяся на ихъ наружность, внѣшнюю обстановку жизни и одинаковый пріемъ объединенія своихъ сторонниковъ посредствомъ пира. Что же касается внутренняго характера и преслѣдовавшихся ими цѣлей, то они были совершенно различны. Одинъ возставалъ противъ отца и ничуть не постѣснялся обнажить на него свой мечъ,—другой не рѣшился сдѣлать этого даже въ томъ случаѣ, когда его лишили законнаго права [2]). Поэтому и такъ называемый заговоръ Адоніи отнюдь не былъ возмущеніемъ противъ стараго царя, а лишь обычной партійной схваткой за своего избранника [3]), имѣвшей цѣлью утвердить наслѣдіе Адоніи, какъ совершившійся фактъ, и добиться его признанія со стороны сановниковъ государства и народа [4]).

Но, конечно, попытка Адоніи не могла укрыться отъ противоположной партіи, и она рѣшила въ свою очередь дѣйствовать. Тотчасъ же глава ея—пророкъ Наѳанъ—отправился къ Вирсавіи и убѣдилъ ее идти немедленно къ царю и, извѣстивъ его о всемъ случившемся, напомнить ему клятву относительно Соломона, такъ какъ въ противномъ случаѣ, по его словамъ, и ей, и ея сыну угрожала смертельная опасность. Вирсавія въ точности исполнила этотъ совѣтъ и, вошедши къ царю, напомнила ему объ его клятвѣ, что Соломонъ сядетъ на престолѣ Израиля, сообщила ему о подробностяхъ заговора Адоніи и его сторонниковъ и сказала, что глаза народа устрем-

---

[1]) Hengstenberg. Geschichte des Reiches Gottes. Periode II. Berlin. 1871, S. 135; Фаррарь. Соломонъ, его жизнь и время. Спб. 1900, стр. 32; Лопухинъ. Библейская исторія. Т. II. Спб. 1890, стр. 272.

[2]) Ср. Grätz. Geschichte der Iuden von der ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. B. I. Leipzig. 1873, S. 297.

[3]) Ersch und Gruber. Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste. Leipzig. 1842, S. 56: Hoffmann. Salomo.

[4]) Grätz. Geschichte der Iuden von der ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. B. I. Leipzig. 1873, S. 295; Thenius. Die Bücher der Könige Leipzig. 1849, S. 2—3.

лены на него, чтобы онъ чрезъ помазаніе сдѣлалъ извѣстнымъ, кто будетъ его наслѣдникомъ. Если же престолъ останется свободнымъ, закончила она, то я и Соломонъ, который одинъ изъ царскихъ сыновей не былъ приглашенъ на пиръ къ Адоніи, тотчасъ же подвергнемся опасности. Во время ея разговора съ царемъ, къ нему вошелъ пророкъ Наѳанъ, какъ это было условлено между нимъ и Вирсавіей. Правда ли, спросилъ онъ, что царь назначилъ своимъ преемникомъ Адонію, котораго сейчасъ его сторонники привѣтствуютъ торжественными криками: да живетъ царь Адонія. И приказывалъ ли онъ, чтобы это было скрыто отъ него, Садока, Ванеи и Соломона, которые оказались неприглашенными. Выслушавъ Вирсавію и Наѳана, Давидъ торжественно повторилъ свою прежнюю клятву, что именно Соломонъ, и никто другой, будетъ царствовать послѣ него и, призвавъ священника Садока и Ванею, приказалъ имъ немедленно исполнить это обѣщаніе и помазать на царство Соломона. Такимъ образомъ, попытка Адоніи утвердить престолъ за собою не только не удалась, но даже привела какъ разъ къ противоположному результату, послуживъ ближайшимъ толчкомъ къ помазанію на царство Соломона. Очевидно, къ этому времени въ намѣреніяхъ Давида, который первоначально считалъ своимъ дѣйствительнымъ преемникомъ Адонію, произошла существенная перемѣна, къ выясненію которой мы и обратимся [1]).

Въ своемъ отвѣтѣ на вопросъ, что же именно послужило причиной этой перемѣны, большинство изслѣдователей единогласно указываютъ на Вирсавію. Она, по ихъ словамъ, воспользовалась своимъ сильнымъ вліяніемъ на Давида и поспѣшила склонить подавленнаго интригами и престарѣлаго царя [2]) лишить трона своего законнаго преемника и передать его сыну ея Соломону, при чемъ ее поддержали въ этомъ пророкъ Наѳанъ, священникъ Садокъ и — что особенно важно — начальникъ тѣлохранителей Ванея [3]), съ помощью котораго при тогдашнихъ обстоятельствахъ можно было всего достигнуть въ

---

[1]) Правда, одинъ изъ писателей (Stade) предполагаетъ даже, что такой перемѣны въ дѣйствительности могло не существовать, а она была лишь внушена Вирсавіей сдѣлавшемуся тупоумнымъ старику,—но такое мнѣніе, какъ крайне парадоксальное, едва ли заслуживаетъ серьезнаго вниманія (Geschichte des Volkes Israel. B. I. Berlin. 1887, S. 294).

[2]) Ibid., S. 292.

[3]) Ibid., S. 293.

Іерусалимѣ [1]). Поэтому, хотя большинство народа было на сторонѣ Адоніи, и рѣшеніе Давида явилось для него совершенной неожиданностью, въ концѣ концовъ пришлось примириться съ фактомъ, такъ какъ на сторонѣ Соломона стояли царскіе тѣлохранители, эти іудейскіе преторіанцы [2]).

Такое объясненіе, конечно, самое естественное, и мы ни на минуту не усомнились бы въ его соотвѣтствіи съ обстоятельствами и духомъ времени, если бы дѣло касалось не Израиля, а какого-либо другого восточнаго народа. Но мы не должны и не имѣемъ права ни на минуту забывать, что здѣсь дѣло идетъ не о простомъ государствѣ, а о теократическомъ и не о царѣ только, а о «мужѣ по сердцу Господа» (1 Пар. XVII, 19; 1 Цар. XIII, 14), т. е. о такихъ дѣятеляхъ, которые въ своей жизни и дѣятельности опредѣлялись главнымъ образомъ высшими, религіозными началами. Поэтому одной интриги Вирсавіи и ея партіи далеко недостаточно для объясненія происшедшей въ Давидѣ перемѣны относительно Адоніи и Соломона, а необходимы еще другіе, болѣе высокіе мотивы, при которыхъ назначеніе Соломона въ преемники Давиду не противорѣчило бы закону Моисея (Вт. XXI, 15—17) и находилось въ соотвѣтствіи съ требованіями учрежденной имъ теократіи.

Правда, законъ Моисеевъ признавалъ за старшимъ сыномъ нѣкоторыя преимущественныя права, особенно при раздѣлѣ отцовскаго имѣнія [3]), но на царскій престолъ эти преимущественныя права отнюдь не простирались. По крайней мѣрѣ, въ той главѣ, гдѣ трактуется о царѣ и его правахъ и обязанностяхъ, дается совсѣмъ другой принципъ, которымъ должны были руководиться въ будущемъ евреи. «Когда ты придешь въ землю, которую Господь, Богъ твой, дастъ тебѣ,—говоритъ Моисей,—то поставь надъ собою царя, котораго из-

---

[1]) Wellhausen. Israelitische und Judische Geschichte. Berlin. 1895, S. 64—65.

[2]) Stade. Geschichte des Volkes Israel. B. I. Berlin. 1887, S. 299. См. о томъ же—Dunker. Geschichte des Alterthums. B. I. Berlin. 1855, S. 385—387; Hellwald. Kulturgeschichte in ihrer natürlichen Entwickelung bis zur Gegentwart. B. I. Leipzig. 1896, S. 447; Meyer. Geschichte des Alterthums. Stuttgart. 1884, S. 370—371; Wellhausen. Israelitische und Iudische Geschichte. Berlin. 1895, S. 64—65; Масперо. Древняя исторія народовъ Востока. M. 1893, стр. 333, etc.

[3]) См. выше, стр. 512.

беретъ Господь, Богъ твой; изъ среды братьевъ твоихъ поставь надъ собою царя» (Вт. XVII, 15). Другими словами, основнымъ принципомъ при избраніи царя поставлялось не старшинство и первенство его среди народа или извѣстнаго семейства, а его божественное избраніе, опредѣлявшееся, конечно, его личными свойствами и пригодностью для выполненія теократическихъ функцій Израильскаго царства. И если въ исторіи избраннаго народа мы находимъ цѣлый рядъ фактовъ преемственнаго перехода престола отъ отца къ сыну, какъ этого требовалъ законъ первородства [1]), то, съ другой стороны, первые цари и нѣкоторые изъ послѣдующихъ занимали его исключительно въ силу божественнаго избранія, согласно указанному выше принципу (1 Цар. IX, 16—17; X, 24; XIII, 14; XV, 28; XVI, 1. 13; 3 Цар. XI, 29—39; XIX, 16; 4 Цар. IX, 1—10). Правда, первый способъ престолонаслѣдія встрѣчается гораздо чаще и носитъ болѣе устойчивый характеръ, но зато второй болѣе соотвѣтствуетъ духу ветхозавѣтной теократіи, на что указываетъ, между прочимъ, и то, что даже убійства и сверженія царей разсматриваются въ св. Писаніи, какъ результатъ божественнаго возмездія, устраняющаго преступниковъ закона (3 Цар. XIV, 5—16; XV, 29—30; XVI, 1—4. 12—13; особенно—XVI, 18—19). Отсюда и предпочтеніе Давидомъ Соломона отнюдь не можетъ быть разсматриваемо, какъ какое-нибудь противозаконное дѣйствіе, разъ Самъ Господь Богъ избралъ его въ цари надъ Израилемъ, какъ это видно изъ словъ самого Давида [2]): «И было ко мнѣ

---

[1]) Іудейскіе цари: 3 Цар. XI, 43; XV, 8. 24; XXII, 41. 50; 4 Цар. VIII, 16. 25; XV, 7. 38; XVIII, 1; XX, 21; XXI, 18; XXIII, 30; XXIV, 6; Израильскіе: 3 Цар. XIV, 20; XV, 25; XVI, 6. 28; XXII, 40; 4 Цар. XIII, 1. 9; XIV, 16. 29; XV, 22. Хотя здѣсь говорится о сыновьяхъ вообще, но несомнѣнно, что большинство изъ нихъ были именно старшіе сыновья.

[2]) Замѣчательно, что большинство писателей положительно утверждаютъ, что Наѳанъ предсказалъ Давиду воцареніе Соломона. Между тѣмъ, если обратиться къ самому св. Писанію, то окажется, что Наѳанъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ непосредственно о Соломонѣ, а лишь говоритъ вообще о сѣмени Давида, которое произойдетъ изъ чреслъ его (2 Цар. VII, 5—16). Относительно же предсказанія о Соломонѣ мы узнаемъ лишь изъ словъ самого Давида въ его завѣщаніи Соломону (1 Пар. XXII, 8—10), но зато здѣсь совсѣмъ не упоминается имени Наѳана, а говорится просто: „было ко мнѣ слово Господне...“ и т. д. Правда, между обоими этими мѣстами можно найти нѣчто общее по ихъ основной мысли, но въ частностяхъ они совершенно различны. Отсюда мысль о

слово Господне, — говоритъ онъ въ завѣщаніи Соломону, — и сказано: вотъ у тебя родится сынъ: онъ будетъ человѣкъ мирный; я дамъ ему покой отъ всѣхъ враговъ его кругомъ: посему имя ему будетъ Соломонъ. И миръ, и покой дамъ Израилю во дни его» (1 Пар. XXII, 8—9) [1].

Съ другой стороны, по тогдашнимъ понятіямъ царь, несомненно имѣлъ въ значительной степени право распоряжаться престоломъ по своему усмотрѣнію [2]. По крайней мѣрѣ, къ такому заключенію приводитъ тотъ фактъ, что народъ, глаза котораго первоначально были обращены на Адонію, какъ на законнаго преемника (3 Цар. II, 15), отнесся къ воцаренію Соломона не только спокойно, но даже привѣтствовалъ его звуками свирѣлей и радостными криками, хотя изъ св. Писанія отнюдь не видно, чтобы ему извѣстно было божественное опредѣленіе. Поэтому нѣтъ никакой нужды предполагать, подобно Michaelis'у, что Давидъ пріобрѣлъ себѣ это право чрезъ договоръ съ народомъ въ Хевронѣ при укрѣпленіи своего царства, такъ какъ о такомъ именно договорѣ въ св. Писаніи не упоминается ни единымъ словомъ [3]. Скорѣе всего оно усвоялось царю просто, какъ отцу семейства, который иногда могъ лишить своего первенца принадлежащихъ ему правъ первородства [4], разъ онъ оказывался ихъ недостоинъ или уступалъ по своимъ нравственнымъ качествамъ кому-либо изъ младшихъ братьевъ, какъ это видимъ хотя бы на примѣрѣ Іакова и его сыновей (Быт. XLVIII; XLIX, 3—12. 22—26).

томъ, что Наѳанъ предсказалъ воцареніе Соломона, является, по нашему мнѣнію, основанной не столько на прямомъ смыслѣ св. Писанія, сколько на гипотетичныхъ соображеніяхъ толкователей.

[1]) По мнѣнію Ranke, въ избраніи Соломона пророческая идея достигла своего полнаго и мощнаго вліянія, тогда какъ съ воцареніемъ Адоніи, основывавшаго свои притязанія на правѣ первородства, она была бы оттѣснена на второй планъ (Weltgeschichte. Th. 1, Abth. 1. Leipzig. 1881, S. 71).

[2]) Hengstenberg. Geschichte des Reiches Gottes. Periode II. Berlin. 1871, S. 132; Guthe. Geschichte des Volkes Israel. Freiburg. 1899, S. 104.

[3]) Philippson. Die Israelitische Bibel. Th. 2. Leipzig. 1858, S. 493.

[4]) Philippson (S. 493) ссылается, между прочимъ, на то, что восточные цари понынѣ владѣютъ такимъ правомъ, какъ это было, напр., съ однимъ изъ недавнихъ царей Персіи, который своего второго сына предпочелъ старшему. Но еще болѣе знаменателенъ, по нашему мнѣнію, примѣръ Ровоама, который воцарилъ послѣ себя Авію, сына любимой имъ младшей жены своей Маахи (2 Пар. XI, 21—22).

Такимъ образомъ, Давидъ и могъ, и долженъ былъ измѣнить свое первоначальное намѣреніе и, вмѣсто Адоніи, передать свой престолъ младшему сыну Соломону.

Что же касается Вирсавіи, то ея роль, по нашему мнѣнію, была чисто содѣйствующей. Вирсавія безусловно пользовалась большимъ вліяніемъ на престарѣлаго Давида и, въ виду этого, могла, конечно, интриговать и, по всей вѣроятности, интриговала въ пользу ея сына, но она въ данномъ случаѣ только укрѣпляла и поддерживала рѣшимость Давида исполнить во что бы то ни стало возвѣщенное ему божественное опредѣленіе. Если же случайно ея стремленія оказались бы въ противорѣчіи съ намѣреніями Давида, то они, можно думать, встрѣтили бы съ его стороны самый энергичный отпоръ, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Адоніи, который до его попытки пользовался полною благосклонностью отца. Ибо, какъ ни былъ Давидъ слабъ физически, въ немъ все еще оставался значительный запасъ духовной силы, какъ можно заключать объ этомъ изъ той энергіи и рѣшимости, которыя онъ проявилъ при извѣстіи о попыткѣ Адоніи и потомъ въ наставленіяхъ Соломону.

Итакъ, въ первомъ фазисѣ вступленія на престолъ Соломона какъ Давидъ и его юный сынъ, такъ и Адонія, Іоавъ и Авіаѳаръ были съ своей точки зрѣнія совершнно правы и потому, естественно, не заслуживали никакого наказанія (3 Цар. 1, 51—53).

Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляется дальнѣйшій ходъ событій. Когда Давидъ почувствовалъ приближеніе смерти, онъ приказалъ позвать своего юнаго преемника и далъ ему нѣсколько общихъ и частныхъ наставленій. Онъ просилъ его быть мужественнымъ и твердымъ, увѣрялъ, что тайна его будущаго преуспѣянія зависитъ отъ его повиновенія волѣ Божіей, какъ написано въ законѣ Моисеевомъ, и закончилъ все это частными порученіями по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ. «Ты знаешь,—сказалъ онъ,—что сдѣлалъ мнѣ Іоавъ, сынъ Саруинъ, какъ поступилъ онъ съ двумя вождями войска Израильскаго, съ Авениромъ, сыномъ Нировымъ, и Амессаемъ, сыномъ Іеѳеровымъ, какъ онъ умертвилъ ихъ и пролилъ кровь бранную во время мира, обагривъ кровью бранною поясъ на чреслахъ своихъ и обувь на ногахъ своихъ. Поступи по мудрости твоей, чтобы не отпустить сѣдины его мирно въ преисподнюю. Вотъ еще у тебя Семей, сынъ Геры Веніамитянина изъ Бахурима: онъ злословилъ меня тяжкимъ злословіемъ,

когда я шелъ въ Маханаимъ; но онъ вышелъ навстрѣчу мнѣ у Іордана, и я поклялся ему Господомъ, говоря: я не умерщвлю тебя мечемъ. Ты же не оставь его безнаказаннымъ, ибо ты человѣкъ мудрый и знаешь, что тебѣ сдѣлать съ нимъ, чтобы низвести сѣдину его въ крови въ преисподнюю». Зато сыновьямъ Верзеллія Галаанитянина онъ рекомендовалъ самую широкую милость, такъ какъ они оказали ему важную услугу, когда онъ бѣжалъ предъ лицемъ сына своего Авессалома (3 Цар. II, 1—10).

Безъ сомнѣнія, это завѣщаніе Давида объяснило бы намъ очень многое въ дальнѣйшихъ поступкахъ Соломона, если бы послѣдніе находились съ нимъ въ большемъ соотвѣтствіи. Между тѣмъ, если допустить, что послѣдующее наказаніе Іоава и Семея вызвано было исключительно завѣщаніемъ Давида, то почему же въ такомъ случаѣ Соломонъ не тотчасъ приступилъ къ его выполненію, а лишь спустя нѣкоторый и по отношенію къ Семею довольно продолжительный періодъ времени? Правда, самъ Давидъ рекомендовалъ ему, при исполненіи завѣщанія, поступать по своей мудрости, т. е. дѣйствовать осторожно и предусмотрительно, пользуясь лишь подходящимъ случаемъ. Но если въ отношеніи Іоава такимъ случаемъ, какъ увидимъ ниже, могла служить просьба Адоніи, то отнюдь нельзя сказать того же о Семеѣ, для котораго подобный случай созданъ былъ искусственно самимъ же Соломономъ. «И пославъ царь призвалъ Семея и сказалъ ему: построй себѣ домъ въ Іерусалимѣ и живи здѣсь, и никуда не выходи отсюда; и знай, что въ тотъ день, въ который ты выйдешь и перейдешь потокъ Кедронъ, непремѣнно умрешь; кровь твоя будетъ на головѣ твоей. И сказалъ Семей царю: хорошо; какъ приказалъ господинъ мой царь, такъ сдѣлаетъ рабъ твой. И жилъ Семей въ Іерусалимѣ долгое время. Но черезъ три года случилось, что у Семея двое рабовъ убѣжали къ Анхусу, сыну Маахи, царю Геѳскому. И сказали Семею, говоря: вотъ, рабы твои въ Геѳѣ. И всталъ Семей, и осѣдлалъ осла своего, и отправился въ Геѳъ къ Анхусу искать рабовъ своихъ. И возвратился Семей, и привелъ рабовъ своихъ изъ Геѳа. И донесли Соломону, что Семей ходилъ изъ Іерусалима въ Геѳъ и возвратился. И пославъ призвалъ царь Семея и сказалъ ему: не клялся ли я тебѣ Господомъ и не объявлялъ ли тебѣ, говоря: знай, что въ тотъ день, въ которой ты выйдешь и пойдешь куда-нибудь, непремѣнно

умрешь? и ты сказалъ мнѣ: хорошо; зачѣмъ же ты не соблюлъ приказанія, которое я далъ тебѣ предъ Господомъ съ клятвою? И сказалъ царь Семею: ты знаешь и знаетъ сердце твое все зло, какое ты сдѣлалъ отцу моему Давиду; да обратитъ же Господь злобу твою на голову твою! а царь Соломонъ да будетъ благословенъ, и престолъ Давида да будетъ непоколебимъ предъ Господомъ во вѣки! И повелѣлъ царь Ванеѣ, сыну Іодаеву, и онъ пошелъ и поразилъ Семея, и тотъ умеръ» (3 Цар. II, 36—46). Не ведутъ ли эти факты къ заключенію, что при исполненіи завѣщанія Давида, Соломонъ руководствовался какими-то особыми мотивами, которые хотя прямо въ немъ и не указаны, но которые находились съ нимъ въ самой тѣсной органической связи?

Каковы могли быть эти мотивы, — указаніе на это содержится отчасти въ дальнѣйшемъ разсказѣ св. бытописателя. «И сѣлъ Соломонъ на престолъ Давида, отца своего, и царствованіе его было очень твердо. И пришелъ Адонія, сынъ Аггиѳы, къ Вирсавіи, матери Соломона (и поклонился ей). Она сказала: съ миромъ ли приходъ твой? И сказалъ онъ: съ миромъ. И сказалъ онъ: у меня есть слово къ тебѣ. Она сказала: говори. И сказалъ онъ: ты знаешь, что царство принадлежало мнѣ, и весь Израиль обращалъ на меня взоры свои, какъ на будущаго царя; но царство отошло отъ меня и досталось брату моему, ибо отъ Господа это было ему, теперь я прошу тебя объ одномъ, не откажи мнѣ. Она сказала ему: говори. И сказалъ онъ: прошу тебя, поговори царю Соломону, ибо онъ не откажетъ тебѣ, чтобъ онъ далъ мнѣ Ависагу Сунамитянку въ жену. И сказала Вирсавія: хорошо, поговорю о тебѣ царю. И вошла Вирсавія къ царю Соломону говорить ему объ Адоніи. Царь всталъ предъ нею и поклонился ей и сѣлъ на престолѣ своемъ. Поставили престолъ и для матери царя, и она сѣла по правую руку его и сказала: я имѣю къ тебѣ одну небольшую просьбу, не откажи мнѣ. И сказалъ ей царь: проси, мать моя; я не откажу тебѣ. И сказала она: дай Ависагу Сунамитянку Адоніи, брату твоему, въ жену. И отвѣчалъ царь Соломонъ и сказалъ матери своей: а зачѣмъ ты просишь Ависагу Сунамитянку для Адоніи? Проси ему также и царства, ибо онъ мой старшій братъ, и ему священникъ Авіаѳаръ и Іоавъ, сынъ Саруинъ (военачальникъ, другъ). И поклялся царь Соломонъ Господомъ, говоря: то и то пусть сдѣлаетъ со мною Богъ и еще больше сдѣлаетъ, если не на

свою душу сказалъ Адонія такое слово; нынѣ же,—живъ Господь, укрѣпившій меня и посадившій меня на престолъ Давида, отца моего, и устроившій мнѣ домъ, какъ говорилъ Онъ,—нынѣ же Адонія долженъ умереть. И послалъ царь Соломонъ Ванею, сына Іодаева, который поразилъ его, и онъ умеръ. А священнику Авіаѳару царь сказалъ: ступай въ Анаѳоѳъ на твое поле; ты достоинъ смерти, но въ настоящее время я не умерщвлю тебя, ибо ты носилъ ковчегъ Владыки Господа предъ Давидомъ, отцомъ моимъ, и терпѣлъ все, что терпѣлъ отецъ мой. И удалилъ Соломонъ Авіаѳара отъ священства Господня, и исполнилось слово Господа, которое сказалъ Онъ о домѣ Илія въ Силомѣ. Слухъ объ этомъ дошелъ до Іоава,—такъ какъ Іоавъ склонялся на сторону Адоніи, а на сторону Соломона не склонялся,—и убѣжалъ Іоавъ въ скинію и ухватился за роги жертвенника. И донесли царю Соломону, что Іоавъ убѣжалъ въ скинію Господню, и что онъ у жертвенника. И послалъ Соломонъ Ванею, сына Іодаева, говоря: пойди, умертви его (и похорони его). И пришелъ Ванея въ скинію Господню, и сказалъ ему: такъ сказалъ царь: выходи. И сказалъ тотъ: нѣтъ, я хочу умереть здѣсь. Ванея передалъ это царю, говоря: такъ сказалъ Іоавъ и такъ отвѣчалъ мнѣ. Царь сказалъ ему: сдѣлай, какъ онъ сказалъ, и умертви его, и похорони его, и сними невинную кровь, пролитую Іоавомъ съ меня и съ дома отца моего; да обратитъ Господь кровь его на голову его за то, что онъ убилъ двухъ мужей невинныхъ и лучшихъ его: поразилъ мечемъ, безъ вѣдома отца моего Давида, Авенира, сына Нирова, и Амессая, сына Іеѳерова, военачальника Іудейскаго; да обратится кровь ихъ на голову Іоава и на голову потомства его на вѣки, а Давиду и потомству его, и дому его, и престолу его да будетъ миръ на вѣки отъ Господа! И пошелъ Ванея, сынъ Іодаевъ, и поразилъ Іоава, и умертвилъ его, и онъ былъ похороненъ въ домѣ своемъ въ пустынѣ» (3 Цар. II, 12—34). Устанавливаемое здѣсь преемство событій ясно показываетъ, что ближайшей причиной наказанія Іоава и Авіаѳара послужила просьба Адоніи объ отдачѣ ему въ жены Ависаги Сунамитянки, въ каковой просьбѣ Соломонъ усмотрѣлъ политическую интригу, задуманную Адоніей вмѣстѣ съ сторонниками своими—Іоавомъ и Авіаѳаромъ. «А зачѣмъ ты просишь Ависагу Сунамитянку для Адоніи? проси ему также и царства, ибо онъ мой старшій братъ, и ему священникъ

Авіаѳаръ и Іоавъ, сынъ Саруинъ (военачальникъ, другъ)», отвѣчалъ онъ Вирсавіи на ея ходатайство предъ нимъ въ пользу Адоніи. Отсюда съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что въ наказаніяхъ Іоава и Авіаѳара главную роль играло не столько завѣщаніе Давида, въ которомъ объ Авіаѳарѣ даже не упоминалось, сколько ихъ отношенія къ Адоніи и участіе въ замыслахъ его противъ Соломона, т. е. мотивы чисто политическіе [1]. Но въ такомъ случаѣ можно предполагать по аналогіи, что такіе же мотивы обусловливали собой дѣйствія Соломона и по отношенію къ Семею, тѣмъ болѣе, что только при такомъ предположеніи можно правильно понять и объяснить принятыя противъ него мѣры. Дѣйствительно, если бы только завѣщаніе Давида было единственной причиной послѣдовавшаго наказанія Семея, то для чего же въ такомъ случаѣ Соломонъ счелъ нужнымъ вызвать послѣдняго въ Іерусалимъ и обязалъ его жить въ немъ, никуда не отлучаясь? Если для того только, чтобы, въ случаѣ проявленнаго ослушанія, найти удобный предлогъ для его наказанія, то могъ ли такой произвольный и во всякомъ случаѣ довольно мелочный предлогъ казаться лучше простого убійства? Подобный предлогъ, при извѣстномъ желаніи, можно было найти на всякомъ мѣстѣ, и для этого отнюдь не нужно было переселять Семея именно въ Іерусалимъ. Если же Соломонъ счелъ нужнымъ сдѣлать это, то несомнѣнно потому, что считалъ Семея человѣкомъ опаснымъ и хотѣлъ всегда имѣть его передъ глазами, т. е. и въ этомъ случаѣ необходимо признать первенствующую роль за тѣмъ же государственнымъ мотивомъ, какъ и въ исторіи съ Іоавомъ и Авіаѳаромъ [2].

Въ виду сказаннаго, ничуть не удивительно, что вопросъ о завѣщаніи Давида вызываетъ у изслѣдователей самыя различныя рѣшенія. Тогда какъ одни вполнѣ признаютъ его историч-

---

[1]) Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. Th. 2. Leipzig. 1856, S. 50; Побѣдинскій-Платоновъ. Царствованіе Давида и Соломона („Душеполезное Чтеніе“ 1872, III и 1873, I), стр. 44; Rauschenbuch. Handbuch für Lehrer, beim Gebrauch biblischen Geschichten. Th. I. Schwelm. 1847, S. 384; Ѳеодоритъ. Т. I. М. 1885, стр. 420—421, etc.

[2]) Bähr. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1868, S. 17; Benziger. Die Bücher der Könige. Freiburg. 1899, S. 8—9; Grätz. Geschichte der Iuden von der ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. B. I. Leipzig. 1873, S. 305; Dietelmair. Die heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Th. 4. Leipzig. 1753, S. 48—49, etc.

ность и на этомъ основаніи обрушиваются съ жестокими обвиненіями на Давида [1]), другіе, наоборотъ, считаютъ разсказъ о завѣщаніи Давида лишь позднѣйшей интерполяціей, введенной исключительно съ цѣлью оправданія жестокихъ поступковъ Соломона [2]). По нашему мнѣнію, и тотъ, и другой взглядъ имѣютъ свои pro и contra, а потому въ этомъ случаѣ лучше всего выбрать среднее положеніе, т. е., признавъ первоначальность завѣщанія Давида, не ограничивать его узкимъ семейнымъ кругомъ, а придать ему государственный характеръ. Тогда окажется, что Давидъ не просто поручаетъ своему сыну закончить неисполненное имъ, а, опираясь на долгомъ опытѣ своей жизни, предостерегаетъ его, откуда онъ долженъ ожидать опасности и, наоборотъ, къ кому можетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ. Въ этомъ завѣщаніи какъ бы повторяется прежнее грустное замѣчаніе Давида: «эти сыновья Саруи сильнѣе меня» (2 Цар. III, 39), и онъ указываетъ сыну наиболѣе крупные факты, въ которыхъ это особенно рельефно сказалось. То же самое и относительно Семея, который особенно обнаружилъ свое враждебное настроеніе къ дому Давида въ памятный день его бѣгства [3]).

Такимъ образомъ, Іоавъ и Авіаѳаръ понесли наказаніе преимущественно за ихъ связь съ Адоніей [4]), а этотъ послѣдній, по прямому свидѣтельству Писанія, за свою просьбу въ жены Ависаги. Что именно побудило Адонію къ такой просьбѣ, и что онъ имѣлъ при этомъ въ виду,—на это большинство изслѣдователей отвѣчаютъ довольно однообразно. По ихъ мнѣнію, эта просьба Адоніи была не чѣмъ инымъ, какъ новой попыткой пріобрѣсти

---

[1]) Dunker. Geschichte des Alterthums. B. I. Berlin. 1855, S. 385—387; Weber. Das Volk Israel in der Alttestamentlichen Zeit. Leipzig. 1867. S. 186; отч. Stade. Geschichte des Volkes Israel. B. I. Berlin. 1887, S. 293.

[2]) Benziger. Die Bücher der Könige. Freiburg. 1899, S. 9; Meyer. Geschichte des Alterthums. B. I. Stuttgart. 1865, S. 370—371; отч. Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. Th. 2. Leipzig. 1856, S. 54; Grätz. Geschichte der Iuden von der ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. B. I. Leipzig, S. 304—305.

[3]) Даже буквально понимающіе завѣщаніе Давида—и тѣ въ концѣ концовъ считаютъ главною причиною жестокихъ поступковъ Соломона именно политическія цѣли, напр., Dietelmair, Philippson, Побѣдинскій-Платоновъ и др.

[4]) Хотя, конечно, здѣсь могъ дѣйствовать и долгъ кровомщенія, получавшій въ политической неблагонадежности свой первый и твердый предлогъ.

права на престолъ послѣ того, какъ они были ослаблены и даже сведены къ нулю волею Давида, назначившаго своимъ преемникомъ младшаго сына Соломона. Извѣстно, что обладаніе женою послѣдняго царя, по обычаю и преданію восточныхъ государствъ [1]), значительно возвышало достоинство обладателя и давало ему благопріятный случай предъявлять въ будущемъ свои права. Такой же взглядъ господствовалъ и среди народа Израильскаго, какъ объ этомъ можно судить на основаніи словъ Наѳана Давиду по случаю его поступка съ Уріею: «И далъ тебѣ Богъ домъ господина твоего и женъ господина твоего на лоно твое, и далъ тебѣ домъ Израилевъ и Іудинъ и, если этого для тебя мало, прибавилъ бы тебѣ еще больше» (2 Цар. XII, 8). На это же косвенно указываютъ и сообщаемые въ св. Писаніи факты объ иноземныхъ царяхъ, которые, побѣдивъ іудейскихъ и израильскихъ владыкъ, считали нужнымъ захватить ихъ женъ (3 Цар. XX, 7; 4 Цар. XXIV, 15). Но такъ какъ, съ другой стороны, законъ Моисеевъ, подъ угрозою смерти, запрещалъ открывать наготу жены своего отца (Лев. XVIII, 8; XX, 11), то Андонія и рѣшилъ просить себѣ Ависагу Сунамитянку, о которой положительно было извѣстно, что царь не позналъ ея (3 Цар. 1, 4), но которая въ глазахъ народа все-таки являлась послѣднею женою царя. Таковымъ, по мнѣнію большинства, было истинное намѣреніе Адоніи при его просьбѣ объ отдачѣ ему въ жены Ависаги [2]).

Правда, на ряду съ этимъ мнѣніемъ, существуетъ и другое, особенно подробно развитое Thenius'омъ, по словамъ котораго, вполнѣ возможно, что Адонія, дѣйствительно, любилъ Ависагу Сунамитянку и, когда обращался съ просьбою къ Соломону,

---

[1]) Такъ было, напр., въ Персіи: Occiso Cyro Aspasiam pellicem ejus rex Artaxerxes in matrimonium acceperat. Hanc patrem cedere sibi, sicuti regnum Darius postulaverat (Геродотъ, III, 68; Iustin, X, 2).

[2]) Dächsel. Die Bibel oder die ganze heilige Schrift Alten und Neuen Testaments. B. 1. Breslau. 1867, S. 439; Dietelmair. Die heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Th. 4. Leipzig. 1753, S. 41—43; Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. Th. 2. Leipzig. 1856, S. 53; Hengstenberg. Geschichte des Reiches Gottes. Periode II. Berlin. 1871, S. 134; Hess. Geschichte Davids und Salomo. B. VIII. Zurich. 1785, S. 247—261; Keil. Biblischer Commentar. B. III. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1865, S. 26; Klostermann. Die Bücher Samuelis und der Könige. Nordlingen. 1887, S. 270; Rauschenbuch. Handbuch für Lehrer, beim Gebrauch biblischen Geschichten. Th. 1. Schwelm. 1847, S. 384; Philippson. Die Israelitische Bibel. Th. 2. Leipzig. 1858, S. 502; Бл. Ѳеодоритъ. Т. I. М. 1885, стр. 421.

имѣлъ въ виду только ее самое и ничего больше. Соломонъ же, съ своей стороны, былъ неравнодушенъ къ ней, такъ какъ эта Сунамита, вѣроятно, одно и то же лицо съ Суламитой Пѣснь Пѣсней (VII, 1) [1]), и, чтобы устранить своего соперника, постарался придать его просьбѣ совершенно другой смыслъ [2]). Такимъ образомъ, за повѣствованіемъ II гл. 3 кн. Цар. скрывается, по этому предположенію, цѣлая романическая исторія любви двухъ царевичей, а жестокій приговоръ Соломона объясняется чисто ревнивыми побужденіями. Однако, такое предположеніе, несмотря даже на то, что тогда Адонія не будетъ казаться слишкомъ ужъ грубо приступающимъ къ дѣлу лицемѣромъ, а съ другой стороны, легче будетъ объяснить участіе Вирсавіи, все-таки очень парадоксально и—что особенно важно—не имѣетъ подъ собой строгой фактической почвы, такъ что самъ Tenius въ концѣ концовъ также склоняется къ первому [3]). Итакъ, съ большею или меньшею несомнѣнностью можно утверждать, что своею просьбою Ависаги Адонія обнаружилъ скрытое намѣреніе возвратить себѣ утерянныя права на престолъ, почему Соломонъ и приказалъ умертвить какъ его самого, такъ и важнѣйшаго сторонника его—Іоава. Безъ сомнѣнія, мѣра въ высшей степени жестокая, а потому, чтобы понять ее, необходимо обратиться къ исторіи Еврейскаго народа и посмотрѣть, какой характеръ имѣли у евреевъ государственные перевороты, и слѣдовательно, къ чему въ конечномъ результатѣ могла вести указанная попытка Адоніи.

Какъ можно судить на основаніи исторіи, евреи въ своей государственной жизни мало чѣмъ отличались отъ окружающихъ народовъ. Здѣсь были тѣ же внутреннія смуты, тѣ же заговоры и политическіе перевороты, то же жестокое истребленіе потомковъ и приверженцевъ старой династіи. Когда первый царь еврейскій Саулъ отвергнутъ былъ Богомъ за свое

---

[1]) То же самое и у Stade (Geschichte des Volkes Israel. B. I. Berlin. 1887, S. 292).

[2]) Мысль, что просьба Адоніи неправильно истолкована была Соломономъ съ цѣлью разъ навсегда отдѣлаться отъ опаснаго конкурента, встрѣчается еще у Benziger'a (Die Bücker der Könige. Freiburg. 1899, S. 11—12), Guthe (Geschichte des Volkes Israel. Freiburg. 1899, S. 110) и Stade (Geschichte des Volkes Israel. B. I. Berlin. 1887, S. 300).

[3]) Thenius. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1849, S. 17—18; ср. Hess. Geschichte Davids und Salomo. B. VIII. Zurich. 1785, S. 247—261.

непослушаніе и противленіе волѣ Божіей, въ преемники ему помазанъ былъ пророкомъ Самуиломъ Давидъ (I Цар. XV; XVI, 1—13). Однако, Саулъ вовсе не расположенъ былъ передавать престолъ свой храброму сыну Іессея, и вотъ начинается съ его стороны цѣлый рядъ попытокъ захватить и умертвить Давида (I Цар. XVIII—XXVI), окончившійся лишь со смертію Саула. Послѣ этого народъ еврейскій раздѣлился на двѣ неравныя половины, и меньшая, состоявшая изъ колѣна Іудина, признала царемъ Давида, а большая осталась вѣрна сыну Саула—Іевосѳею. Но черезъ семь съ половиною лѣтъ Іевосѳей былъ убитъ, и Давидъ сдѣлался единоличнымъ властителемъ Израиля. Сначала царствованіе его было очень прочно, но въ концѣ его жизни противъ него послѣдовали одно за другимъ два возстанія: сына его Авессалома и Савея Веніамитянина изъ Бихри, которые и погибли въ возгорѣвшейся борьбѣ (2 Цар. XV—XVIII; XX). Умирая, Давидъ назначилъ своимъ преемникомъ сына своего Соломона, противъ котораго въ концѣ его жизни возсталъ Іеровоамъ, сынъ Наватовъ, ефремлянинъ, но долженъ былъ спасаться отъ угрожавшей ему смерти бѣгствомъ въ Египетъ (3 Цар. XI, 26. 40). Послѣ кончины Соломона онъ возвратился, и тогда подъ его начальствомъ десять колѣнъ отдѣлились отъ дома Давидова и образовали новое царство — Израильское съ домомъ самого Іеровоама во главѣ (3 Цар. XII, 2—3. 19—20). Но уже при второмъ представителѣ этого дома—Наватѣ, который во всемъ послѣдовалъ примѣру своего отца и дѣлалъ неугодное предъ очами Господа, домъ Іеровоама постигло наказаніе Божіе, и онъ палъ жертвой военнаго заговора. Глава этого заговора—Вааса, сынъ Ахіи, умертвилъ царя и всѣхъ членовъ его дома, и самъ сдѣлался самозваннымъ царемъ Израиля. Но и династія Ваасы, слѣдовавшаго въ своей политикѣ системѣ Іеровоама и даже болѣе послѣдняго предавшагося нечестію и идолопоклонству, въ свою очередь, прекратилась съ его сыномъ—Илой, который былъ убитъ начальникомъ его конницы Замвріемъ, умертвившимъ его, когда онъ «напился до-пьяна» въ гостяхъ у начальника своего двора Арсы. Замврій провозгласилъ себя царемъ и истребилъ весь домъ Ваасы, но самъ царствовалъ всего семь дней. Узнавъ, что народъ, не признавая его, избралъ себѣ царемъ другого военачальника Амврія, который во главѣ сильнаго войска подступилъ и уже взялъ укрѣпленія столицы, Замврій, подобно Сарданапалу, «вошелъ

во внутреннюю комнату царскаго дома, и зажегъ за собою царскій домъ огнемъ, и погибъ за свои грѣхи, въ чемъ онъ согрѣшилъ, дѣлая неугодное предъ очами Господними, ходя путемъ Іеровоама и во грѣхахъ его, которые тотъ сдѣлалъ, чтобы ввести Израиля во грѣхъ». Но рядомъ съ Амвріемъ претендентомъ на престолъ выступилъ нѣкто Ѳамній и увлекъ за собою цѣлую половину народа, такъ что царство Израильское раздѣлилось между собою, и началась четырехлѣтняя междоусобная война, окончившаяся лишь со смертію Ѳамнія (3 Цар. XV, 27—29; XVI, 9—12. 18. 21—22). Домъ Амврія царствовалъ около пятидесяти лѣтъ и при третьемъ его представителѣ—Іорамѣ, въ свою очередь, свергнутъ былъ военачальникомъ Іиуемъ, проявившимъ особенную жестокость и систематичность въ истребленіи старой династіи и ея сторонниковъ. Когда пришло въ Самарію письмо Іиуя съ извѣстіемъ о происшедшемъ переворотѣ, начальники изреельскіе, старѣйшины и воспитатели дѣтей Ахавовыхъ «взяли царскихъ сыновей, и закололи ихъ—семьдесятъ человѣкъ, и положили головы ихъ въ корзины, и послали къ нему въ Изреель». Съ своей стороны, Іиуй истребилъ «всѣхъ остававшихся изъ дома Ахавова въ Изреелѣ, и всѣхъ вельможъ его, и близкихъ его, и священниковъ его, такъ что не осталось отъ него ни одного уцѣлѣвшаго» (4 Цар. X, 7. 11). Мало того, встрѣтивъ братьевъ Охозіи, царя іудейскаго, родственниковъ свергнутаго Іорама, онъ и ихъ всѣхъ, въ количествѣ сорока двухъ человѣкъ, приказалъ заколоть предъ своими глазами (4 Цар. X, 14). Домъ Іиуя имѣлъ пятерыхъ представителей на престолѣ и при Захаріи, сынѣ Іеровоама II, былъ свергнутъ Селлумомъ, послѣ котораго одинъ за другимъ слѣдовали: Менаимъ, Факей и наконецъ, Осія, и каждый изъ нихъ вступалъ на престолъ, умертвивъ своего противника (4 Цар. XV, 10. 14. 25. 30). То же самое, только въ меньшихъ размѣрахъ и безъ рѣзкихъ смѣнъ династій, происходило и въ царствѣ Іудейскомъ. Изъ двадцати іудейскихъ царей три—Іоасъ, Амасія и Аммонъ были свергнуты съ престола своими слугами или народомъ и умерщвлены (4 Цар. XII, 20; XIV, 19; XXI, 23), а Гоѳолія, мать Охозіи, хотѣла было истребить даже весь царскій родъ Давида, и только Іосавеѳѣ, сестрѣ Охозіи, удалось скрыть одного изъ его сыновей—Іоаса (4 Цар. XI, 1—2) [1]).

---

[1]) Ср. исторію персидскихъ царей—Шлоссеръ. Всемірная исторія. Т. I. СПБ. и М. 1867, стр. 140—141.

При такомъ характерѣ еврейскихъ государственныхъ переворотовъ, когда смерть царствующаго властителя и его сторонниковъ считалась положительно необходимой [1]), само собой слѣдуетъ, что указанная попытка Адоніи была въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ сознательнымъ покушеніемъ на жизнь Соломона и его приближенныхъ. «Спасай жизнь свою и жизнь сына своего Соломона» (3 Цар. 1, 12), говорилъ пророкъ Наѳанъ Вирсавіи при первой попыткѣ Адоніи добиться признанія своихъ правъ, и Вирсавія вполнѣ согласилась съ справедливостью этого замѣчанія и выставила его въ качествѣ аргумента въ своемъ разговорѣ съ Давидомъ (3 Цар. 1, 21) [2]). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, когда заговоръ не удался, его виновникъ Адонія подвергся той именно участи, какую онъ готовилъ другимъ, т. е. смерти. Этого требовало и естественное право, и—что особенно важно—даже законъ Моисеевъ, основнымъ принципомъ котораго было, какъ извѣстно, самое строгое возмездіе (jus talionis) [3]). «Душу за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, обожженіе за обожженіе, рану за рану, ушибъ за ушибъ (Исх. XXI, 23—25), переломъ за переломъ (Лев. XXIV, 19). Какой кто сдѣлаетъ вредъ ближнему своему, тѣмъ должно отплатить ему (Вт. XIX 21). Кто сдѣлаетъ поврежденіе на тѣлѣ ближняго своего, тому должно сдѣлать то же, что онъ сдѣлалъ (Лев. XXIV, 19). Кто убьетъ какого-либо человѣка, тотъ преданъ будетъ смерти» (Лев. XXIV, 17). Даже «если волъ забодаетъ мужчину или женщину до смерти, то и его побить камнями и мяса его не ѣсть» (Исх. XXI, 28) [4]).

Съ другой стороны, не нужно забывать, что Соломонъ былъ не простымъ царемъ, а теократическимъ, т. е. представителемъ Самого Іеговы среди избраннаго Имъ народа. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ самый законъ объ избраніи царя (Вт. XVII, 14), по которому онъ является не полновластнымъ,

---

[1]) Bähr. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1868, S. 5.

[2]) „Обвиненіе падетъ на меня и сына моего Шеломо" (3 Цар. I, 21), т. е., поясняютъ толкователи, Адонія можетъ вмѣнить мнѣ въ преступленіе самую надежду на наслѣдство престола. Гуляевъ. Историческія книги Ветхаго Завѣта. Кіевъ. 1866, стр. 187.

[3]) Allioli. Handbuch der biblischen Alterthumskunde. B. I. Landshut. 1844, S. 39—40.

[4]) Въ частности о кровомщеніи: Исх. XXI, 12—14; Числ. XXXV, 16—28. 30—32.

самодовлѣющимъ властителемъ, а только довѣреннымъ лицомъ, приставникомъ и какъ бы вассаломъ Бога [1]). Поэтому всякая попытка, направленная къ сверженію царя, была въ то же время возмущеніемъ противъ Бога и Его воли [2]), особенно когда она была такъ ясно выражена, какъ это имѣло мѣсто при избраніи Соломона. Самъ Давидъ заявилъ тогда всему обществу израильскому, что было къ нему слово Господне и сказано: «Вотъ у тебя родится сынъ: онъ будетъ человѣкъ мирный; я дамъ ему покой отъ всѣхъ враговъ его кругомъ; посему имя ему будетъ Соломонъ. И миръ, и покой дамъ Израилю во дни его» (I Пар. XXII 9). Конечно, это должно было сдѣлаться извѣстнымъ и Адоніи, какъ можно судить на основаніи его собственныхъ словъ Вирсавіи: «царство отошло отъ меня и досталось брату моему; ибо отъ Господа это было ему» (3 Цар. II, 15). Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ онъ являлся уже не просто бунтовщикомъ противъ законнаго государя, а и противникомъ волѣ Божіей и, какъ таковой, вполнѣ заслуживалъ понесеннаго имъ наказанія, такъ какъ по суровому ветхозавѣтному закону всякое преслушаніе воли Божіей неминуемо каралось смертью. Въ подтвержденіе этого достаточно сослаться на аналогичный примѣръ Корея, Даѳана и Авирона съ ихъ сообщниками, когда они возстали было противъ избранниковъ Божіихъ—Моисея и Аарона. «И разверзла земля уста свои и поглотила ихъ, и домы ихъ (Корея, Даѳана и Авирона), и всѣхъ людей кореевыхъ, и все имущество. И вышелъ огонь отъ Господа, и пожралъ тѣхъ двѣсти пятьдесятъ мужей, которые принесли куреніе» (Числ. XVI, 32. 35).

Все, что мы говорили объ Адоніи, вполнѣ приложимо и къ его важнѣйшему стороннику—Іоаву. Хотя св. Писаніе, сообщая о просьбѣ Адоніи прекрасной Ависаги, ничего не говоритъ объ участіи здѣсь Іоава, но послѣдующіе факты, кажется, утверждаютъ это съ достаточной несомнѣнностью. Если бы Іоавъ, дѣйствительно, не принималъ никакого участія въ этихъ замыслахъ Адоніи, то чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить его бѣгство къ святилищу при извѣстіи о наказа-

[1]) Allioli. Handbuch der biblischen Alterthumskunde. B. I. Landshut. 1844, S. 23.—На это же указываетъ и наименованіе царства и престола Израильскаго Господнимъ (I Пар. XXVIII, 5; XXIX, 23).

[2]) Dächsel. Die Bibel oder die ganze heilige Schrift Alten und Neuen Testaments. B. I. Breslau. 1867, S. 440; Hess. Geschichte Davids und Salomo. B. VIII. Zurich. 1785, S. 249.

ніяхъ, постигшихъ Адонію и Авіаөара? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, объяснять это, подобно Stade [1]), исключительно старческою немощью, настолько яко бы измѣнившей его характеръ, что онъ, вмѣсто прежней привычки смѣло смотрѣть въ глаза опасности, предпочелъ трусливо укрыться за неприкосновенностью святилища. Такое соображеніе, не говоря уже о его произвольности, ничуть не соотвѣтствуетъ и характеру Іоава, какъ онъ вырисовывается предъ нами въ Св. Писаніи. Трудно и почти невозможно предположить, чтобы такой мужественный и неустрашимый воинъ, какъ Іоавъ, всю жизнь свою проведшій на бранномъ полѣ, могъ такъ измѣниться подъ вліяніемъ старости. Въ исторіи человѣчества насчитываются сотни примѣровъ, когда люди, даже болѣе его отягощенные лѣтами, проявляли изумительные подвиги личной доблести и твердости духа, при чемъ старость служила для нихъ только лишнимъ побужденіемъ къ большей вѣрности долгу. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, сошлемся хотя бы на столѣтняго Елеазара, который «скончался, оставивъ въ смерти своей не только юношамъ, но и весьма многимъ изъ народа образецъ доблести и памятникъ добродѣтели» (2 Макк. VI, 31). Съ другой стороны, такое предположеніе нисколько не согласно и съ тѣми свѣдѣніями о дѣятельности престарѣлаго военачальника, какія сообщаетъ намъ само св. Писаніе. Какъ можно судить на основаніи 3 кн. Царствъ (XI, 21), Іоавъ погибъ, по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ смерти Давида. Между тѣмъ, въ концѣ его царствованія онъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся событіяхъ государственной жизни. Такъ, онъ командовалъ однимъ изъ трехъ отрядовъ, посланныхъ противъ Авессалома, и собственноручно поразилъ мятежнаго принца; его усиліями прекращено было возмущеніе Савея Веніамитянина, при чемъ онъ прошелъ во главѣ войска чрезъ всѣ колѣна израильскія вплоть до Авела — Беө-Мааха и черезъ весь Беримъ (2 Цар. XX, 14); наконецъ, на него же возложено было и злосчастное исчисленіе народа, для чего ему пришлось въ теченіе девяти мѣсяцевъ и двадцати дней обойти всю землю Израильскую (2 Цар. XXIV, 8), т. е. все такіе факты, которые нисколько не говорятъ объ ослабленіи доблести и энергіи Іоава. Поэтому гораздо естественнѣе и согласнѣе съ фактами объяснять бѣгство Іоава къ святилищу

[1]) Stade. Geschichte des Volkes Israel. B. I. Berlin. 1887, S. 300.

не чѣмъ инымъ, какъ именно его причастностью къ замысламъ Адоніи, тѣмъ болѣе, что и самъ св. писатель отчасти указываетъ на это, когда въ поясненіе бѣгства Іоава замѣчаетъ: «такъ какъ Іоавъ склонялся на сторону Адоніи, а на сторону Соломона не склонялся» (3 Цар. II, 28). Но разъ Іоавъ участвовалъ въ попыткѣ Адоніи, онъ тѣмъ самымъ подпадалъ уже и всѣмъ ея естественнымъ и законнымъ послѣдствіямъ, вплоть до самаго наказанія смертью [1]).

Гораздо труднѣе и запутаннѣе обстоитъ дѣло съ Семеемъ, относительно котораго можно только предполагать, что въ его осужденіи также играли роль политическія соображенія. По крайней мѣрѣ, тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось умерщвленіе Семея [2]), и тѣ немногіе факты, которые сообщаетъ о немъ св. Писаніе, даютъ для этого довольно твердое основаніе. Изъ этихъ фактовъ прежде всего видно, что Семей былъ человѣкомъ крайне непостояннымъ, на котораго никогда и ни въ чемъ нельзя было положиться. Будучи первоначально сторонникомъ Саулова дома, онъ, однако, безъ всякой борьбы покинулъ его и перешелъ въ противоположный лагерь Давида, какъ только стало несомнѣннымъ, что будущее принадлежитъ юному сыну Іессея. Въ св. Писаніи, напримѣръ, прямо говорится, что Семей происходилъ изъ дома Саула, и въ то же время ни единымъ словомъ не упоминается, чтобы онъ принималъ участіе въ продолжительной распрѣ между Сауловымъ и Давидовымъ домами (2 Цар. III, 1) или вообще проявилъ чѣмъ-либо свою враждебность къ Давиду. Зато, когда царство Давида, въ свою

---

[1]) Съ этимъ согласны и большинство изслѣдователей, по мнѣнію которыхъ Соломонъ наказалъ Іоава потому, что онъ все еще продолжалъ держаться Адоніи и мечтать о сверженіи Соломона. Bähr. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1868, S. 16—18; Dächsel. Die Bibel oder die ganze heilige Schrift Alten und Neuen Testaments. B. I. Breslau. 1867, S. 440; Dietelmair. Die heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Th. 4. Leipzig. 1753, S. 42—45; Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. Th. 2. Leipzig. 1856, S. 53; Hess. Geschichte Davids und Salomo. B. VIII. Zurich. 1785, S. 447—461; Köhler. Lehrbuch der biblischen Geschichte. Th. 2, H. 2. Erlangen. 1884, S. 377; Св. Исидоръ Пелусіотъ. Творенія. Ч. 3. М. 1860, стр. 100; Philippson. Die Israelitische Bibel. Th. 2. Leipzig. 1858, S. 502; Побѣдинскій-Платоновъ. Царствованіе Давида и Соломона („Душеполезное Чтеніе“ 1872, III; 1873, I), стр. 44—47; Rauschenbuch. Handbuch für Lehrer, beim Gebrauch biblischen Geshichten. Th. 1. Schwelm. 1847. S. 384; Schlier. Die Könige in Israel. Stuttgart. 1875, S. 77; Thenius. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1849, S. 19.

[2]) См. выше, стр. 524—525. 527.

очередь, начало колебаться, Семей тотчасъ же сбрасываетъ маску и всячески старается унизить Давида. «Уходи, уходи, убійца и беззаконникъ,—кричитъ онъ въ слѣдъ убѣгающему царю,—Господь обратилъ на тебя всю кровь дома Саулова, вмѣсто котораго ты воцарился, и предалъ Господь царство въ руки Авессалома, сына твоего, и вотъ ты въ бѣдѣ; ибо ты кровопійца» (2 Цар. XVI, 7 — 8). Однако, вопреки ожиданіямъ, Давидъ одерживаетъ побѣду, и Семей тотчасъ же является съ повинною, обращая его вниманіе на то, что онъ первый пришелъ изъ всего дома Іосифова. «Не поставь мнѣ, господинъ мой, въ преступленіе, и не помяни того, чѣмъ согрѣшилъ рабъ твой въ тотъ день, когда господинъ мой, царь, выходилъ изъ Іерусалима, и не держи того, царь, на сердцѣ твоемъ, ибо знаетъ рабъ твой, что согрѣшилъ, и вотъ нынѣ я пришелъ первый изъ всего дома Іосифова, чтобы выйти на встрѣчу господину моему, царю» (2 Цар. XIX, 19 — 20). Можно ли было послѣ всего этого довѣрять такому человѣку [1])?—Съ другой стороны, всѣ эти событія и особенно злословія, которыми поносилъ Давида Семей, ясно показывали, что вражда дома Саулова еще тлѣла подъ поверхностью, поддерживаемая многочисленными тайными приверженцами старой династіи. На это отчасти указывалъ и поступокъ Мемфивосѳея, сына Іонаѳана, не присоединившагося къ преданнымъ воинамъ и придворнымъ, покинувшимъ съ Давидомъ Іерусалимъ. По крайней мѣрѣ. Сива, слуга Мемфивосѳея, прямо обвинялъ своего господина въ тайно питаемой имъ надеждѣ на ниспроверженіе Давида, и хотя Мемфивосѳей оправдывалъ свою мѣшкотность тѣмъ, что онъ хромъ, но объ этомъ оправданіи говорили, что оно такъ же убого, какъ и тотъ, кто его представилъ (2 Цар. XVI, 3; XIX, 26—29). Семей же, какъ можно судить на основаніи XIX гл. 2 кн. Царствъ (16—17 ст.), былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей дома Саула [2]). Отсюда огра-

---

[1]) Bähr. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1868, S. 18; Dietelmair. Die heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Th. 4. Leipzig. 1753, S. 37—38. 48—49; Gerlach. Das Altes Testament. B. II. Berlin. 1897, S. 329.

[2]) Benziger. Die Bücher der Könige. Freiburg. 1899, S. 13; Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. Th. 2. Leipzig. 1856, S. 55 Gerlach. Das Altes Testament. B. II. Berlin. 1897, S. 326; Köhler. Lehrbuch der biblischen Geschichte. Th. 2, H. 2. Erlangen. 1884, S. 359—376; Rauschenbuch. Handbuch für Lehrer, beim Gebrauch biblischen Geschichten. Th. 1. Schwelm. 1847, S. 384.

ниченіе мѣстожительства Семея Іерусалимомъ являлось со стороны Соломона не чѣмъ инымъ, какъ необходимой мѣрой пресѣченія и огражденія своего божественнаго права [1]) противъ происковъ одного изъ наиболѣе видныхъ и безпокойныхъ представителей Саулова дома. На это отчасти указываетъ и запрещеніе переходить потокъ Кедронъ, протекавшій на пути къ колѣну Веніаминову (3 Цар. II, 37), къ которому принадлежалъ домъ Саула.

Но Семей нарушилъ данное ему приказаніе и потому, естественно, долженъ былъ понести кару, которой ограждено было распоряженіе Соломона. Этого требовало прежде всего достоинство царя, который у всѣхъ восточныхъ народовъ и въ частности у евреевъ пользовался такимъ высокимъ почетомъ и уваженіемъ, что его приказанія были какъ бы законами, нарушеніе которыхъ неминуемо наказывалось смертью [2]). «Царь, сидящій на престолѣ суда, разгоняетъ очами своими все злое» (Притч. XX, 8). «Для него мерзость — дѣло беззаконное, и только говорящаго истину онъ любитъ, потому что правдою утверждается престолъ» (Притч. XVI, 12 — 13). «Мудрый царь вывѣетъ нечестивыхъ и обратитъ на нихъ колесо (Притч XX, 26), но мудрый человѣкъ умилостивитъ его (Притч. XVI, 14), такъ какъ къ рабу разумному онъ благоволитъ». (Притч. XIV, 35). «Гнѣвъ и гроза царя—какъ бы ревъ льва, предвѣщающій смерть (Притч. XVI, 14), и кто раздражаетъ его, тотъ грѣшитъ противъ самого себя» (Притч. XX, 2). Отсюда одно уже преслушаніе царской воли было такимъ проступкомъ, что за него вполнѣ можно было поплатиться жизнью. Но, кромѣ того, Соломонъ, какъ извѣстно, поклялся Семею въ томъ, что онъ непремѣнно выполнитъ свою угрозу наказанія смертію за нарушеніе отданнаго имъ распоряженія. Между тѣмъ, судя по примѣрамъ Іеѳая (Суд. XI, 30—31. 35—36), Саула (I Цар. XIV, 24. 43), Ахана (I. Нав. VII 10—26; ср. Суд. XXII, 20) и др., клятва именемъ Божіимъ пользовалась въ Ветхомъ Завѣтѣ такимъ высокимъ уваженіемъ, что уклоненіе отъ ея выполненія было положительно немыслимо для Соломона, особенно въ ту пору его жизни, когда онъ буквально пламенѣлъ любовію къ Богу [3]).

[1]) См. выше.

[2]) Bähr. Die Bücher des Könige. Leipzig. 1868, S. 18.

[3]) Dietelmair. Die heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Th. 4. Leipzig. 1753, S. 50—51; Keil. Biblischer Commentar. B. III. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1865, S. 29; Бл. Ѳеодоритъ. Т. I. М. 1885, стр. 421.

Такимъ образомъ, жестокость Соломона была естественнымъ и законнымъ послѣдствіемъ поступковъ его противниковъ и, какъ таковая, отнюдь не можетъ набрасывать тѣнь на его нравственный обликъ. По крайней мѣрѣ, такъ смотритъ на разобранные факты самъ библейскій разсказчикъ, который повѣствуетъ о нихъ въ тѣсной связи съ другими, направленными исключительно къ прославленію его героя [1]). Если же они кажутся намъ все-таки жестокими, то это свидѣтельствуетъ только, что мы живемъ подъ болѣе яркими и животворными лучами новозавѣтнаго Откровенія, которое тогда только смутно предчувствовалось и къ которому человѣчество лишь постепенно и незамѣтно подготовлялось [2]).

Вячеславъ Соломинъ.

---

[1]) Между прочимъ, Св. Писаніе прямо поставляетъ въ заслугу Соломону то, что онъ „не просилъ себѣ душъ враговъ своихъ“ (3 Цар. III, 11).

[2]) Въ I кн. Паралипоменонъ (гл. XXII—XXIII, XXVIII—XXIX) вступленіе Соломона на престолъ представлено уже вполнѣ мирнымъ.

О крестномъ пути пастырства.

(Слово, произнесенное въ храмѣ Спб. Духовной Академіи за литургіей въ день годичнаго акта, 17 февраля 1911 г.).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

ВОТЪ уже 102 года прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ этотъ же день совершилось торжественное открытіе нашей родной Академіи. Но случилось такъ, что Святая Православная Церковь въ тотъ же день искони совершала празднованіе св. Великомученика Ѳеодора Тирона, который и сдѣлался такимъ образомъ покровителемъ нашей Духовной Академіи вмѣстѣ съ всехвальными дванадесятью Апостолами, въ честь коихъ освященъ этотъ храмъ.

Воинъ и Духовная Академія!.. Не кажется ли страннымъ подобное сочетаніе?.. Вполнѣ понятно, почему въ питомникѣ и разсадникѣ продолжателей дѣла Апостольскаго избраны ходатаями предъ Богомъ и покровителями высшей духовной школы — «служители Слова» св. Апостолы. Но почему произошло совпаденіе торжества открытія ея—и памяти св. воина?.. Иной, можетъ быть, скажетъ: случайно! обстоятельства такъ сложились.—Конечно, чуда въ этомъ никакого не было, естественный ходъ событій такъ или иначе привелъ къ этому совпаденію. Но у Господа и волосъ съ головы человѣческой не падаетъ напрасно, «вси изочтени суть» (Мѳ. X, 30). А потому и здѣсь мы должны отыскать сокровенный смыслъ Божій.

Въ чемъ же однако онъ заключается? Если мы обратимся къ житію св. Великомученика воина,—то тамъ мало чего найдемъ особеннаго по сравненію съ другими страдальцами.

Въ царствованіе на востокѣ Максимина и Максиміана изданъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ исповѣдующимъ христіанство вкушать отъ идольскихъ жертвъ, въ случаѣ же противленія грозила смерть. Дошелъ этотъ указъ и до полка, въ которомъ служилъ св. воинъ Θеодоръ Тиронъ,—т. е. новобранецъ. Многіе изъ солдатъ повиновались царскому указу. Но св. Θеодоръ рѣшительно отказался подчиниться требованію. Когда начальникъ указывалъ ему на примѣры другихъ воиновъ, то святый отвѣчалъ:

— Пусть каждый поступаетъ, какъ хочетъ; а я воинствую Царю Небесному, Господу моему Іисусу Христу!

Предполагая, что новобранецъ одумается, начальникъ далъ ему на размышленіе нѣсколько дней. Но Св. Θеодоръ, укрѣпляя себя горячими молитвами, не только не думалъ отказываться самъ, но еще и другихъ христіанъ, отправляемыхъ въ темницу, поучалъ терпѣть за Христа до конца. И мало того,—въ одну ночь поджегъ идольское капище такъ называемой язычниками матери боговъ—Цибелы. Но его замѣтили и тотчасъ же донесли о томъ судьямъ. Св. Θеодоръ былъ схваченъ и приведенъ къ допросу. Послѣ напрасныхъ угрозъ и убѣжденій принести жертву идоламъ, Св. воинъ былъ осужденъ на голодную смерть въ темницѣ. Тамъ онъ удостоился видѣнія Самого Господа и затѣмъ — ангеловъ, съ которыми и воспѣвалъ радостно божественныя пѣсни. Удивленная многогласнымъ пѣніемъ, стража вмѣстѣ съ градоправителемъ окружили темницу, думая, что съ Θеодоромъ поютъ христіане; но, когда убѣдились, что Св. Θеодоръ одинъ, то устрашились и рѣшили выдавать ему понемногу хлѣба, отъ чего однакоже святый отказался. На другое утро его привели въ судъ и здѣсь то льстивыми обѣщаніями почестей, то угрозами снова старались заставить его принести жертву. Но св. Θеодоръ рѣшительно заявилъ:

— Пока духъ мой во мнѣ, не отрекусь отъ имени Христа моего!

Тогда судьи приказали строгать желѣзомъ тѣло его,—затѣмъ стали стыдить его, что онъ чтитъ Распятаго іудея, и, наконецъ, задали вопросъ: «съ кѣмъ ты хочешь быть: съ нами ли или съ твоимъ Христомъ?» — А св. Θеодоръ съ великою радостью отвѣтилъ:

— Со Христомъ моимъ я былъ, и есмь, и буду. Вы же творите, что хотите!

Тогда судьи отдали приказъ сжечь его на кострѣ. Св. Ѳеодоръ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, и огонь обнялъ тѣло его. Но внезапно нисшелъ Духъ Святый и прохладилъ мученика, который съ хвалой на устахъ и предалъ духъ свой Богу. Это было 17 февралй 306 года. Послѣ одна благочестивая женщина Евсевія взяла тѣло мученика и погребла въ своемъ городкѣ Евхаитахъ. Спустя 55 лѣтъ, Св. Великомученикъ, и по смерти продолжая ревновать противъ идольскихъ жертвъ, явился константинопольскому архіепископу Евдоксію, предупреждая его о коварномъ замыслѣ Юліана Отступника осквернить христіанъ тайнымъ окропленіемъ идоложертвенною кровію пищи на рынкахъ; вмѣсто этого, святый Ѳеодоръ велѣлъ вкушать въ тотъ день коливо, или кутью,—о чемъ и вспоминаетъ Св. Цѣрковь доселѣ въ субботу на 1-й недѣлѣ Великаго поста.

Вотъ вкратцѣ и все житіе Великомученика воина.

Какъ видимъ, братіе, особеннаго въ немъ дѣйствительно ничего почти нѣтъ, развѣ за исключеніемъ выдающейся ревности святого въ борьбѣ противъ идоловъ, капище которыхъ онъ даже сжегъ. Тѣмъ болѣе нѣтъ и намека на высокое образованіе простого воина—новобранца.

Но въ такомъ случаѣ, что же сближаетъ его съ высшею духовной школой? что роднитъ воина мученика съ видимо мирнымъ «Домомъ мудрости»?...

Не приходилось ли кому-либо изъ васъ, братіе, близко сталкиваться съ военными людьми? Повидимому, столь противоположные на первый взглядъ, духовные и особенно монашествующіе нерѣдко сближаются съ военными даже гораздо больше, чѣмъ съ людьми гражданскими. Вспомните Пересвѣта и Ослябя. Вспомните примѣръ Троице-Сергіевой Лавры въ годину смуты. Вспомните Соловецкую осаду. Обратите вниманіе на то, что и доселѣ бывшіе воины не только составляютъ значительную часть монастырской братіи, но весьма часто дѣлаются и игуменами. А когда духовному лицу приходится заговаривать съ военными, то они, нимало не колеблясь, объясняютъ это сближеніе сходствомъ дѣланій: вы, вѣдь, тоже воины,—только воинствуете мечомъ духовнымъ, а мы—желѣзнымъ; вы охраняете души, а мы по преимущество—тѣло.

И именно это воинствованіе,—не говоря уже о сходствѣ въ дисциплинѣ, послушаніи,—сближаетъ два различныхъ, повидимому, класса.

И дѣйствительно, братіе, пастырь,—а наша Академія какъ сама нѣкоторымъ образомъ есть и должна быть «стражемъ дому» Христова, т. е. Церкви, такъ и первою цѣлью своей имѣетъ и должна имѣть воспитаніе просвѣщенныхъ пастырей, «соработниковъ» Божіихъ,—пастырь именно есть воинъ. «Ты убо,—только что нынѣ слышали мы въ апостольскомъ чтеніи,—злопостражди, яко добръ воинъ Христовъ», заповѣдуетъ св. Ап. Павелъ своему ученику Тимоѳею (2 Тим. II, 3). Ту же именно мысль высказалъ прикровенно и Господь Спаситель Своимъ ученикамъ, незадолго до конца Своего: было время, когда вы, въ первое путешествіе съ проповѣдію, ни въ чемъ не нуждались, встрѣчая повсюду привѣтъ и удовлетвореніе потребностей; а теперь, «кто имѣетъ ризу, пусть продастъ ее и купитъ ножъ» (Лк. XXII, 35—36); ибо въ будущемъ пастыря ждетъ упорная борьба, «брань» «съ духами злобы поднебесными», т. е. вообще съ разнообразнѣйшими видами зла.

Но какъ воинъ самимъ своимъ положеніемъ заранѣе готовитъ себя на кровопролитное сраженіе и даже смерть, такъ и пастыря ожидаетъ крестный путь, мученическій путь. Такъ всегда было и должно быть. «Поминайте слово, еже азъ рѣхъ вамъ, — говорилъ Пастыреначальникъ въ прощальной бесѣдѣ ученикамъ, будущимъ пастырямъ: нѣсть рабъ болій господа своего; аще Мене изгнаша и васъ изженутъ» (Іоан. XV. 20); и даже наступитъ такое время, что «всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу» (XVI, 2),—какъ нынѣ же слышали мы въ Евангеліи. И дѣйствительно, какъ Самъ Спаситель всю жизнь Свою шелъ крестнымъ путемъ «нашего ради спасенія»; такъ и всѣ истинные пастыри, начитая съ Апостоловъ, идя чрезъ великихъ столповъ и отцевъ Церкви, до нашего времени, до дней пр. Серафима подвижника и блаженно почившаго о. Іоанна Кронштадтскаго, шли тѣмъ же путемъ крестной борьбы. «Не достанетъ мнѣ времени,—можно сказать съ Апостоломъ,—чтобы повѣствовать» (Евр. XI, 32) даже объ однихъ именахъ этихъ пастырей, прославившихся въ исторіи Церкви. А сколько ихъ, незамѣтныхъ героевъ, дѣлало свое великое, труднѣйшее дѣланіе въ глуши, въ тиши, въ смиренной неизвѣстности,—невѣдомые, можетъ быть, даже себѣ по простотѣ и скромности своей, а лишь открытые очамъ Единаго Бога, Которому воинствовали!..

И дѣйствительно, братіе, нѣтъ и не можетъ быть для пастыря иного пути, кромѣ мученическаго. А мученичествомъ называется и всякое подвижничество, всякій крестный путь.

Св. Симеонъ Нов. Богословъ усиленную борьбу противъ скорбей называетъ дѣломъ не христіанскимъ и даже прямо богоборчествомъ. «Христіанинъ,—говоритъ онъ,—который всячески хлопочетъ и усиливается избыть отъ скудости», «скорбей и тѣсноты», «очевидно, не хочетъ быть христіаниномъ истиннымъ». «Поднимающіе всякіе труды и хлопоты», чтобы всемѣрно «достигнуть довольства и обилія», «можно сказать, идутъ противъ Бога» (Слова, т. I, 71—72).

Если же для всякаго вообще христіанина неизбѣженъ этотъ путь,—то тѣмъ болѣе—для передового воина—настыря. И дѣйствительно, кто не знаетъ, сколько борьбы ждетъ его и со стороны прежде всего своихъ страстей, которыя всегда обостряются у преимущественно наблюдающихъ за ними,—и со стороны окружающихъ враговъ креста—плотоугодниковъ, сектантовъ, еретиковъ, невѣрующихъ, завистниковъ, клеветниковъ?! «Впрочемъ, доколѣ я не остановлюсь, преслѣдуя недостижимое? говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ. Исчислять всѣ здѣшнія трудности значитъ не что иное, какъ измѣрять море» (О свящ. I, 476). Да и кто не знаетъ крестнаго пути истинаго пастыря? «Все у насъ общее»,—говоритъ тотъ же вселенскій архипастырь своимъ слушателямъ. «Въ чемъ же состоитъ мое преимущество предъ вами? Въ работахъ, трудахъ, безпокойствахъ, въ скорби объ васъ» (XI, 604). За «благовѣствованіе» я и донынѣ «злостражду даже до узъ, яко злодѣй», писалъ изъ Римской тюрьмы и престарѣлый апостолъ языковъ (2 Тим. II, 3).

Впрочемъ, мы, питомцы духовныхъ школъ, и сами знаемъ, насколько трудна пастырская стезя; и можетъ быть, особенно она стала трудной въ наше время. Истинное пастырство кажется нынѣ особенно великимъ подвигомъ. Посмотрите, что было прежде и что наблюдается теперь. «Вѣрно слово: аще кто епископства хощетъ, добра дѣла желаетъ» (1 Тим. III, 1). Значитъ, во времена св. Апостола Павла, когда христіанъ гнали и іудеи и язычники, и тогда находились искавшіе, желавшіе пастырскаго служенія. Во времена же великихъ отцовъ Церкви было такъ много домогавшихся престоловъ священства, что необходимо было бороться противъ злоупотребленій и происковъ кандидатовъ. Да, впрочемъ, зачѣмъ искать далекихъ примѣровъ? Откройте первыя страницы нашей же родной Академіи и мы увидимъ поразительныя для нашего времени свидѣтельства. Съ одного курса принимаютъ монашество

5 человѣкъ студентовъ, съ другого—10, бывало и 12. А изъ остальныхъ громадное большинство идетъ въ бѣлое духовенство. Изъ 1.380 окончившихъ за 28 первыхъ курсовъ существованія нашей школы, около 180 было однихъ лишь монашествующихъ, — т. е. на 6 — 7 человѣкъ приходился одинъ инокъ. — тѣмъ болѣе, слѣд., брачныхъ пастырей. Да, тогда тоже умѣли «желать добраго дѣла»! А что мы видимъ теперь? Кончаетъ насъ человѣкъ 60—70, изъ нихъ одинъ, рѣдко 2,—а то и не одного,—идутъ въ иночество; 3—5, и рѣдко 10—принимаютъ священство. Большинство же рѣшительно отклоняется отъ пастырства. Вотъ фактъ, ярче всего свидѣтельствующій, насколько труднымъ кажется теперь пастырское служеніе. Другихъ доказательствъ, послѣ этого, не нужно. Не нужно уже говорить о томъ, какъ относится къ пастырству общество; какъ иногда кандидату священства трудно бываетъ теперь найти себѣ даже «единую жену» (1 Тим. Ш, 2) потому лишь одному, что не хочется быть помощницей именно пастыря.

Да, братіе, путь пастыря именно есть путь «воина Христова», путь крестный, мученическій!

И никто изъ насъ не долженъ закрывать на это глазъ, никто не долженъ успокаивать себя призракомъ безмятежно-спокойной, благополучной жизни. «Никакой воинъ,—слышали мы нынѣ отъ апостола,—не связываетъ себя дѣлами житейскими», если хочетъ заботиться лишь объ одномъ, «чтобы угодить военачальнику» (2 Тим. II, 4). И если иные, — что наблюдаемъ, къ прискорбію нерѣдко и нынѣ,—идутъ въ пастырство съ легкой совѣстью, не задумываясь надъ тяжестью креста своего, ища не «добраго дѣла», а добраго мѣста; то такіе пусть знаютъ, что они не добрые пастыри, а «наемники», которымъ «не суть овцы своя» (Іоан. X, 12). Про такихъ-то преимущественно пастырей, сказалъ Св. Златоустъ извѣстное «жестокое» слово: не думаю, чтобы спаслось много пастырей!.. Нѣтъ!.. «ты убо злопостражди, яко добръ воинъ Христовъ»,—вотъ какія слова должны быть начертаны всегда и глубоко и въ умѣ, и въ сердцѣ каждаго добраго пастыря... И нѣтъ ему иного пути!

Но «жéстоко слово сіе»! говоритъ въ отвѣтъ наше малодушное сердце.

Да, братіе, оно было бы поистинѣ «жéстоко», если бы не было вмѣстѣ съ тѣмъ и высоко-отрадно и даже безмѣрно-сладко.

Когда судья угрожалъ Св. Вел. Θеодору Тирону мученіями, то онъ отвѣтилъ: «муки, тобой наносимыя, не суть ми муки!» Мало того, св. Апостолъ Павелъ,—какъ мы слышали нынѣ,—утѣшая «воина Христова», говоритъ даже ему: «труждающемуся дѣлателю прежде подобаетъ отъ плода вкусити. Разумѣй, яже глаголю» (2 Тим. II, 5—6). Что значатъ, братіе, эти слова, стоящія непосредственно за увѣщаніемъ пастырю терпѣть страданія? Конечно,—не иное, какъ то, что именно въ самихъ страданіяхъ есть нѣчто такое, что не только ослабляетъ, утишаетъ ихъ остроту, но даже даетъ какой-то сладкій плодъ, какое-то удовлетвореніе, отъ котораго вкушаетъ прежде всего именно самъ же страждущій. Въ чёмъ же заключается эта отрада? гдѣ бальзамъ, смягчающій боли отъ ранъ?

Не будемъ говорить, братіе, теперь о томъ, что пастыря успокаиваетъ радостное сознаніе высоты его дѣланія, несравнимаго ни съ чѣмъ на землѣ величія его общественнаго служенія; не станемъ доказывать, что въ самомъ служеніи Богу, въ молитвѣ, есть высшая радость и удовлетвореніе; что истиннаго пастыря ободряетъ и укрѣпляетъ ясное и твердое убѣжденіе, что иного возможнаго и лучшаго пути къ возрожденію человѣчества, кромѣ креста страданій, подвиговъ нѣтъ,— ибо если бы онъ могъ быть, то Господь—Пастыреначальникъ избралъ бы его... Все это дѣйствительно должно утѣшать и утѣшаетъ—«добраго воина Христова». Но этого мало.

Нынѣ нерѣдко не «разумѣютъ» (ст. 6) или забываютъ именно только что указанный смыслъ словъ апостола о сладости самихъ страданій пастырскихъ, о томъ, что именно самому «дѣлателю прежде подобаетъ отъ плода вкусити».

И дѣйствительно, братіе, въ мученичествѣ есть сладость! Человѣкъ есть существо не только религіозное, но и—послѣ грѣхопаденія — непремѣнно страдающее. Эти страданія, это сознательно—терпѣливое перенесеніе скорбей, этотъ крестъ— не только не юродство и не безуміе (1 Кор. I, 23), но именно истинное достоинство человѣка, его слава (Еф. III, 14), его вѣнецъ, такъ неизмѣримо высоко поднимающій его надъ всѣмъ міромъ! Человѣкъ «въ чести сый», безъ страданій «уподобляется»,—можно смѣло сказать съ псалмопѣвцемъ,— «скотомъ несмысленнымъ» (Пс. 48, 21).

Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ свое вниманіе хотя бы на то: чѣмъ живутъ даже люди невѣрующіе, но прислушивающіеся

еще къ инстинктивному требованію своего сердца? Живутъ ли они, или хоть считаютъ ли они достойнымъ для человѣка—жить въ безпечномъ довольствѣ собой съ холоднымъ равнодушіемъ ко всему окружающему? Нимало. Наоборотъ, не опозоривается ли ими самими подобное настроеніе, какъ буржуазное, безнравственное? Не считаютъ ли и они истинною честью для людей своего міровоззрѣнія—хотя бы и ложнаго,—жить въ борьбѣ, въ страданіяхъ, въ своего рода подвижничествѣ? И мало того, самые лучшіе изъ нихъ даже не желаютъ принять будущаго мечтательнаго «рая на землѣ», съ полнымъ удовлетвореніемъ въ немъ естественныхъ потребностей; и не столько не желаютъ—оттого, что дорога къ этому «блаженству» потомковъ улита потомъ и слезами предковъ, сколько именно потому, что внутренно, органически не могутъ воспринять, какъ идеалъ, будущее полное довольство, такъ тѣсно «прилагающее» человѣка къ «несмысленнымъ». Борьба—вотъ въ чемъ счастье», прямо даже говорятъ наиболѣе рѣзкіе изъ нихъ.

И это—всеобщая инстинктивная черта болѣе или менѣе возвышенныхъ, идеалистически настроенныхъ людей.

Въ христіанствѣ же крестъ прямо становится символомъ совершенства, уподобленія Распятому Господу.

«Сынъ Человѣческій»... этимъ именемъ особенно любилъ именовать Себя Спаситель. «Сынъ Человѣческій», т. е. какъ «единъ отъ нихъ», человѣковъ, во всемъ подобный имъ, взявшій все истинно хорошее въ человѣкѣ. А человѣчество искони страдало. И не захотѣлъ Господь быть среди него въ блаженствѣ безстрастія Божества, а уничижилъ Себя, «зракъ раба пріимъ», «въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ», «смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя» (Фил. II, 7, 8). Не снялъ онъ страданій съ людей, а взялъ ихъ и на себя. Сынъ Божій восхотѣлъ быть однимъ изъ сыновъ человѣческихъ, восхотѣлъ страдать съ ними и за нихъ: «желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами», т. е. пасху, какъ символъ приближавшихся крестныхъ страданій за человѣчество,—говорилъ Спаситель ученикамъ на тайной вечери (Лк. XXII, 15).

И съ той поры всякій истинный сынъ человѣческій, желая быть достойнымъ «братомъ» (Евр. II, 11) Христовымъ, сталъ любить страданія болѣе, чѣмъ благоденствіе,—особенно же въ минуты подъема духовнаго. И чѣмъ кто выше поднимается по ступени уподобленія Распятому, тѣмъ больше и больше хо-

чется ему страдать за Господа, за людей и за свое истинное достоинство. «Блаженнѣе давать, нежели пріимать» (Дѣян. XX, 35), блаженнѣе «страдати съ людьми Божіими, нежели имѣти временную грѣха сладость», «поношеніе Христово»—«бóльшее богатство», чѣмъ всѣ «египетскія сокровища» (Евр. XI, 25, 26). И тѣ, кто достигали здѣсь высшей 9-й ступени нравственнаго совершенства, ни чему такъ не «радовались и веселились», какъ «блаженству» поношеній, изгнаній, клеветы и, наконецъ, самой смерти Христа ради. Одинъ старецъ лежалъ въ неизлечимой тяжелой болѣзни. Сочувствующій инокъ приготовилъ ему вкусную похлебку и принесъ. Старецъ, пристально взглянувъ на него, сказавъ: братъ, истину говорю: желалъ бы я, чтобы Богъ попустилъ мнѣ страдать въ этой болѣзни еще другія 30 лѣтъ! И братъ отнесъ приготовленное имъ въ свою келлію (Отечникъ, Игн. Бр.). А сколько тысячъ было мучениковъ, подобныхъ св. Θеодору Тирону, которыя не только радовались постигавшимъ мученіямъ, но иногда даже сами искали ихъ!

Св. Великомученика воина безчестятъ, укоряютъ почитаніемъ какого-то Распятаго іудея; а онъ съ горячимъ восторгомъ отвѣчаетъ: о! какъ бы я хотѣлъ, чтобы это безчестіе было не только моимъ удѣломъ, но и всѣхъ призывающихъ имя Господа моего Іисуса Христа!—Съ него сдираютъ кожу, а онъ радостно поетъ: благословлю Господа на всякое время, выну хвала его во устѣхъ моихъ (Пс. 33, 1). Но вотъ рѣшили выдавать ему въ темницѣ хлѣбъ и стали прельщать милостями и почестями; а Св. воинъ отказывается теперь и отъ пищи и одно только непреклонно твердитъ судьямъ: со Христомъ моимъ я былъ и есмь и буду, а вы творите, что хотите! Наконецъ, его ведутъ на костеръ; но, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, и «во источницѣ пламени»,—какъ поется въ тропарѣ,—«яко на водѣ упокоенія, святый Θеодоръ радовашеся»!

Но, братіе и слушатели, если вообще страданія, и особенно Христа ради, заключаютъ въ себѣ какую-то непостижимую радость, то тѣмъ болѣе—страданія пастырскія.

Если кто хоть разъ испыталъ сладость жизни для другихъ, если кто, хотя мало, вкусилъ страданій за Бога и ближнихъ, тотъ можетъ припомнить и понять, какъ радостны были тѣ моменты! какъ ему хотѣлось все болѣе и болѣе горѣть душой за брата! И дивное дѣло! чѣмъ больше пастырь страдаетъ за свою паству, тѣмъ все ближе становятся ему его пасомые, и

все больше и больше хочется страдать съ ними и за нихъ! Наконецъ, онъ доходитъ до того, что не можетъ уже понять и не хочетъ принять жизни для себя: онъ весь живетъ въ другихъ и для другихъ, умирая за нихъ ежедневно, и самымъ дѣломъ желая наконецъ, «положить душу свою за други своя» (Іоан. XV 13). Страданія пастыря становятся ему и пищей, и питьемъ, и воздухомъ и самою жизнью.—«Равви! Ѣшь!»—говорили ученики, предлагая пищу Господу,—только что послѣ пастырской Его бесѣды съ самарянкой: Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: у Меня есть пища, которой вы не знаете еще». «Развѣ кто принесъ ему ѣсть?»—недоумѣвали апостолы». Іисусъ же говоритъ имъ: «Моя пища есть творить волю Пославшаго Меня и совершать дѣло Его», т. е. дѣло пастырскаго спасенія людей (Іоан. IV, 31—34).

Послѣ же сладость этой пищи поняли и сами Апостолы, и ихъ истинные преемники. Объ этомъ взываютъ всѣ страницы Павловыхъ посланій. Это переживаетъ и всякій «добрый пастырь». въ мѣру своей вѣры и подвига любви. Мы скорбимъ за васъ,—«но нѣтъ для насъ ничего пріятнѣе этой скорби. Хотя забота эта сама по себѣ непріятна, но когда она бываетъ о дѣтяхъ, то доставляетъ великое удовольствіе. Я многихъ изъ васъ родилъ, да и послѣ того (все еще) страдаю муками рожденія» и буду страдать «даже до послѣдняго издыханія нашего».—Однако, «несмотря на то, я сильно желаю переносить такія страданія!» (XI, 604—605). Вотъ какъ умѣло говорить и чувствовать великое пастырское сердце Златоустово! «Бысть въ сердцѣ моемъ, яко огнь горящъ, палящъ въ костѣхъ моихъ, и не могу носити!» вопіялъ и Іеремія (XX, 9)...

Итакъ, братіе и будущіе пастыри,—ибо къ вамъ преимущественно слово мое,—вотъ предъ нами разные пути. Если кто хочетъ высшихъ радостей, если кто желаетъ ближе подойти къ согрѣвающимъ и даже блаженно-сжигающимъ сердце лучамъ солнца страдающей любви къ Богу и ближнимъ, тотъ долженъ заранѣе приготовить душу свою къ подвигамъ и страданіямъ, но—страданіямъ отраднымъ, скорбямъ радостотворнымъ, мученичеству сладкому! Такой пастырь, правда, погубитъ худшую, эгоистическую часть души своей, но за то найдетъ высокій миръ и утѣшеніе въ спасеніи истинно человѣческой, богоподобной лучшей части души и своей, и ближнихъ (Лк. XVII, 13). Съ такимъ «соработникомъ» Божіимъ (1 Кор. III, 9)

незримо будетъ присутствовать утѣшитель, Духъ Истины, прохлаждая огонь его страданій.

Неужели же эту высокую радость полной смысла жизни промѣнять намъ на безмятежное прозябаніе?! Вѣдь, все равно, не удовлетворится имъ душа! Все равно, такая жизнь безъ подвига, или жизнь пастыря—наемника, не принесетъ намъ ничего, кромѣ пустой, скучной, тоскливой, неосмысленной суеты! Неужели же это пріятнѣе, отраднѣе, чѣмъ быть истинными «сынами человѣческими», «сынами Божіими»?!

Нѣтъ, братіе! ежегодная память св. Великомученика Ѳеодора настойчиво зоветъ каждаго питомца этой школы къ словамъ апостола: «ты убо злопостражди, яко добръ воинъ Христовъ», твердо зная, что первый же и вкусишь «отъ плода» трудовъ твоихъ!

Но,—скажетъ кто,—прекрасенъ идеалъ, и зоветъ къ нему сердце, но какъ его достигнуть?

Если кто хоть разъ почувствовалъ въ душѣ своей этотъ огонь духовный, огонь страдающей любви, желаніе горѣть на алтарѣ жертвоприношеніи Христу и ближнимъ; тотъ пусть знаетъ, что его зоветъ Самъ Богъ. Только пусть онъ того «Духа не угашаетъ» (1 Сол. V, 19), а «возгрѣваетъ» (2 Тим. I, 6) и укрѣпляетъ на твердомъ камнѣ. Имя же камню тому—вѣра: «велія вѣры исправленія», т. е.—доказательство, проявленіе великой вѣры, что св. Ѳеодоръ огнемъ всесожжегся,—поетъ св. Церковь.

Объ этомъ и заботится наша духовная школа. Но она можетъ только довести до самой вѣры, можетъ очищать ее отъ примѣсей, устранять препятствія къ ней, и съ точки зрѣнія ея объяснять все происходящее въ мірѣ и человѣкѣ. Но не только дать самую вѣру, но и послѣ поддерживать ее есть дѣло, превышающее всякій разумъ человѣческій, всѣ науки,—ибо это есть даръ Божіей благодати, которая сообщается желающимъ, подвизающимся, способнымъ вмѣстить и хранить ее. Возгрѣвай даръ Божій, живущій въ тебѣ,—заповѣдывалъ Апостолъ Тимоѳею (2 посл. I, 6) А для этого у насъ есть другая Академія, Учителемъ которой Самъ Христосъ (Мат. XXIII, 8) съ Апостолами, святыми отцами, соборамя, благодатной іерархіей, съ вѣками выработаннымъ, Духомъ освященнымъ, бытомъ. Имя этой Академіи—Св. Православная Церковь, главная же учебная аудиторія—этотъ св. Храмъ.

Въ этихъ двухъ академіяхъ и особенно послѣдней и воспи-

тался тотъ крестный пастырь, кронштадтскій свѣтильникъ, который съ радостью горѣлъ и свѣтилъ съ «возсіянія солнца» даже до вечера (Пс. 103, 22, 23).

«Какъ вы стяжали такую пламенную вѣру?» спроили его всего за мѣсяцъ до смерти. Онъ подумалъ и отвѣтилъ: «Я жилъ въ Церкви: участвовалъ въ святыхъ таинствахъ», особенно же, какъ намъ всѣмъ извѣстно, въ ежедневномъ совершеніи Евхаристіи,—«молился, любилъ особенно читать богослужебныя минеи, а когда оставалось время, читалъ и житія святыхъ».

«Я жилъ въ Церкви»,—вотъ гдѣ главный благодатный источвѣры, дающей пламень для любви пастыря, съ радостью полагающаго «душу свою за други своя» и приносящаго себя, «яко хлѣбъ сладкій» Пресвятой Троицѣ.—Аминь.

Іеромонахъ **Веніаминъ**.

Учительное Извѣстіе при славянскомъ Служебникѣ.

Современный составъ славянскаго Служебника, какъ и прочихъ богослужебныхъ книгъ, сложился не сразу. Начало его образованія восходитъ къ XII—XIII в., а завершеніе падаетъ на конецъ XVII ст. Заключительнымъ актомъ этого долголѣтняго процесса является внесеніе въ Служебникъ „Извѣстія Учительнаго, како долженствуетъ іерею и діакону служеніе въ церкви святой совершати и приуготовлятися къ священнодѣйству, наипаче же къ божественной литургіи, и каковіи бываютъ бѣдственніи и недоумѣнніи въ скорости случаи, како въ томъ исправлятися". Въ первый разъ Извѣстіе встрѣчается въ Служебникѣ 1699 г., затѣмъ 1705 г. и 1717 г. Въ іюнѣ 1723 г. „протекторъ" Московской типографіи, архимандритъ Гавріилъ Бужинскій запрашивалъ Св. Сѵнодъ, что онъ „соблаговолитъ о напечатаніи при новоиздаваемыхъ служебникахъ" приложеннаго къ служебникамъ 1717 г. Учительнаго Извѣстія, въ коемъ „многая тождесловная и сумнительная, нѣкая же и весьма неудобная положена"? Выслушавъ данное донесеніе и запросъ, Св. Сѵнодъ „приговорилъ": „того о недоумѣваемыхъ случаяхъ Извѣстія при оныхъ служебникахъ до времени не печатать, понеже обрѣтаются въ немъ въ нѣкіихъ, при тайнѣ евхаристіи бывающихъ, случаяхъ многая тождесловія и сумнительства, нѣкая же и положена весьма неудобная, чего для, онаго Извѣстія, до опаснаго разсмотрѣнія, нынѣ къ служебникамъ и не пріобщать" [1]). Въ виду этого опредѣленія Учительное Извѣстіе и исключено изъ состава Служебника 1723 г. Чрезъ семь лѣтъ послѣ этого, въ 1730 г., снова открылась нужда въ изданіи Служебника, и директоръ Московской типографіи Ѳеодоръ Поликарповъ спрашивалъ Св. Сѵнодъ объ Учительномъ Извѣстіи: „печатать его или не печатать". Сѵнодальнаго рѣшенія на этотъ

---

[1]) Полное Собраніе Постановленій и Распоряженій по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія. 1723 г. III т. № 1057, стр. 93.

запросъ при дѣлѣ не имѣется [1]), и Учительное Извѣстіе вновь появляется въ Служебникахъ 1734 г., 1739 г., 1747 г. и т. д. Всѣ они воспроизводятъ его содержаніе въ редакціи, за немногими исключеніями, тожественной съ современною. Единственною крупною особенностью является неизвѣстное этой послѣдней замѣчаніе, что за совершеніе литургіи безъ священныхъ одеждъ священникъ не только извергается изъ сана, но и подвергается гражданскому наказанію [2]). Остальныя особенности сводятся къ замѣнѣ однѣхъ грамматическихъ формъ другими. Словомъ, Учительное Извѣстіе вносится въ Служебникъ въ готовомъ, сложившемся видѣ. Но если послѣ 1699 г. оно не подвергалось какимъ-либо существеннымъ измѣненіямъ, то этого нельзя сказать о его состояніи въ болѣе раннее время. Данныя этого періода отмѣчаютъ фактъ постепеннаго развитія состава Извѣстія и даютъ возможность прослѣдить исторію образованія этого послѣдняго до современныхъ формъ.

Древнѣйшую и основную редакцію Учительнаго Извѣстія содержитъ помѣщенная въ Виленскомъ Служебникѣ 1617 г. „Наука іереомъ до порядного отправованія службы Божое велце потребная“ [3]). Она излагаетъ и перечисляетъ „што есть священникови потребное: наиперве предъ служеніемъ, второе, въ самомъ служеніи, третяя што по служеніи, четвертая, што за матерія (то есть што за речы) скоторыхъ можно быти тѣло и кровь Христова, што посполите называютъ форма албо совершеніе, шостое прыпадки, которые быся при службѣ Божой такъ стороны матеріи, яко и стороны служителя также

---

[1]) Описаніе Документовъ и Дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода. 1723 г. III т. № $\frac{336}{4}$ $\frac{\text{10 іюня}}{\text{25 февр. 1730 г.}}$

[2]) Тоже самое читаемъ въ служебникѣ 1699 г. (л. 1, обор.). Этого замѣчанія нѣтъ въ Учительномъ Извѣстіи, приложенномъ къ Служебнику 1734 г. Л. 1 обор.

[3]) Служебникъ 1617 г., Вильна. Изъ собранія старопечатныхъ книгъ Императорской Публичной Библ. I. 8. № 15. Богослужебнымъ книгамъ греческой церкви неизвѣстно наше Учительное Извѣстіе. Нѣкоторыя изъ его предписаній встрѣчаются, впрочемъ, въ „Ἱεροτελεστικὸν Τεῦχος ἑρμηνευόμενον ὑπὸ Ἱερωνύμου Βογιάτζη“. 1881 г. Здѣсь мы находимъ отдѣлъ о приготовленіи священника къ совершенію литургіи: онъ не долженъ быть подъ запрещеніемъ, не долженъ имѣть вражды, обязанъ имѣть чисто вымытыя руки и т. п.; отдѣлъ о хлѣбѣ и винѣ для евхаристіи и перечисленіе различныхъ недоумѣнныхъ случаевъ: отсутствіе въ чашѣ вина и воды предъ освященіемъ и послѣ него; приглашеніе священнодѣйствующаго для пріобщенія больного, крещенія, пролитіе крови, упаденіе частицы св. тѣла на полъ, ниспаденіе въ чашу насѣкомаго и т. п. Стр. 39 и 9. По указанію прот. Кекелидзе, Учительное Извѣстіе встрѣчается въ грузинскомъ Евхологіи XVII в. № 448. Литургическіе грузинскіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ. Стр. 197.

тежъ и стороны съвершенія могли прытрафить" [1]). Какъ въ основномъ содержаніи, такъ и подробностяхъ перечисленныя рубрики довольно близки къ современному Учительному Извѣстію, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже буквально сходны съ его предписаніями. Такъ, отдѣлъ „предъ служеніемъ" требуетъ отъ священнодѣйствующаго исповѣди особенно въ смертныхъ грѣхахъ предъ другимъ священникомъ, а, за отсутствіемъ послѣдняго, сердечнаго сокрушенія о грѣхѣ и намѣренія очистить совѣсть впослѣдствіи; въ противномъ случаѣ онъ „ставается святокрадцомъ, виннымъ тѣлу и крови Христовой· тоесть богоубійцомъ зневѣрными оными жыдами, которые убили Христа" [2]); далѣе воздержанія съ вечера „въ еденіи и питіи" [3]), сохраненія душевной и тѣлесной чистоты, „еднакъ если бы ся што предъ сонъ трафило, о томъ онъ предъ засненіемъ не мыслилъ и тымся брыдилъ, не маетъ собѣ того запорешкоду мѣти" [4]); выполненія церковнаго правила,—„але еслибы пилные забавы духовные званею людскому потребные, сповѣди слухаетъ, хворыхъ и здоровыхъ, для которыхъ бы опустилъ правило, а потомъ бы до службы Божое прыступовать прыходило негрѣшытъ, толко бы послужбѣ божой часть правила або и все, которое опустилъ, отправилъ, хоть бы и позно" [5]); свободы отъ клятвы, изверженія, запрещенія, отлученія [6]) и, наконецъ, совершенія литургіи въ извѣстные часы дня, „абы ани барзо предоднемъ, ани пополудню" [7]). Слѣдующая рубрика — „въ служеніи" предписываетъ совершеніе литургіи въ освященномъ епископомъ алтарѣ, предусматриваетъ случаи такого или иного оскверненія церкви (пролитіе крови, изліяніе сѣмени) предъ освященіемъ даровъ и послѣ него, указываетъ выходъ изъ нихъ. Если оскверненіе совершится до освященія, „маетъ престати литургисати іерей, и положивши хлѣбъ прыготованный и вино яко речы посвященые, лечъ не яко сокраментъ, отыти прочь, а еслиже ся то здаритъ попосвященіи тоестъ повымолвенію словъ Христовыхъ надъ хлѣбомъ· пріимѣте и прочая маетъ до конца нетурбуючыся отправити, а потомъ

---

[1]) Ibid. л. 1 обор.

[2]) Ibid. л. 2. Срав. рубрику современнаго Учительнаго Извѣстія: „аще убо въ клятвѣ, во отлученіи же и запрещеніи сый обрѣтается".

[3]) Ibid. л. 2 обор.

[4]) Ibid. л. 2 обор. Срав. современную рубрику: „четвертое препятіе есть смущеніе или движеніе тѣлесное".

[5]) Ibid. л. 3. Ср. современную рубрику: „аще же въ нуждныхъ іерей человѣческому спасенію вещехъ себе упраждвяя правило оставити принужденъ будетъ".

[6]) Ibid. л. 3 и обор.

[7]) Ibid. л. 3 обор. Совершеніе литургіи послѣ полудня допускается въ томъ случаѣ, когда требуется пріобщить больного, а запасныхъ даровъ нѣтъ.

особливое благословеніе епископское въ такихъ церквахъ литургисати взяти и посвятити" [1]). „Тоежся маеть разумѣти и о тѣхъ церквахъ, вкоторыхъ бы явный якій еретикъ погребенъ былъ" [2]). Таже самая рубрика требуетъ цѣлаго и чистаго облаченія, освященнаго епископомъ антиминса, илитона, золотыхъ, серебряныхъ, въ крайнемъ случаѣ оловянныхъ, но ни въ какомъ случаѣ не мѣдныхъ и желѣзныхъ, сосудовъ, покрововъ для нихъ, наличности служебника [3]), чистаго ладана, но въ крайнемъ случаѣ смѣшаннаго „съ яловцемъ" [4]), присутствія въ алтарѣ прислужника,—„ежели бы священникъ самъ себѣ послуговалъ, тогды сакрамента Христовы зневажаетъ, и Христа самого, церковь Его облюбенницу которую особу на тотъ часъ на собѣ носить занѣчого маетъ, и такъ грѣшытъ" [5]), и, наконецъ, благоговѣйнаго отправленія службы: „маеть теды священникъ вслуженію тихій и набожный быти, уважаючи пана, предъ которымъ стоитъ и которому служитъ и котораго особу на себѣ носитъ. Молитвы знабоженствомъ великимъ и зуваженіемъ пилне и цале ничого не опущаючы але уважаючы же богъ невидоме каждое словце зустъ его нѣкіе перлы отбираетъ. Отправовати тежъ маетъ такъ очима, рукама, набожнымъ стояніемъ и всею поставою маютъ выражати вѣру свою которую моцне вѣруютъ же на томъ престолѣ есть маестатъ царя небеснаго, судьи живыхъ и мертвыхъ, на которомъ онъ сѣдитъ, а тмами ангелъ коло него" [6]). Слѣдующій отдѣлъ „послуженіи", начинаясь предписаніе совершать литургію въ праздники и недѣли и только одинъ разъ въ день,—„тая бо вемъ единость оферы значитъ намъ единую смерть Христову, которую разъ претерпѣлъ" [7]), обязываетъ заботиться о тщательномъ потребленіи даровъ, чтобы ни одна часть святаго тѣла не осталась на дискосѣ и въ чашѣ, „для чего разъ другій потреба и третій келихъ пополоскавши вылити и потомъ хусточкою вытерти" [8]), о чистотѣ илитонной губки, сосудовъ и въ заключеніе запрещаеть священнику немедленное по окончаніи литургіи занятіе мірскими дѣлами [9]). Сходны съ узаконеніями Учительнаго Извѣстія предписанія и дальнѣшихъ рубрикъ „Науки" „о матеріи тайны тѣла и крови

---

[1]) Ibid. л. 4 обор. [2]) Ibid. л. 5. [3]) Ibid. л. 5—6.

[4]) Ibid. л. 6 обор.

[5]) Ibid. л. 7. Ср. совр. рубр.: „послужитель во олтари всяко мужескій полъ да будетъ".

[6]) Ibid. л. 7 и обор. Ср. совр. рубр.: „служити же со страхомъ и трепетомъ іерей долженъ есть".

[7]) Ibid. л. 8. Ср. совр. рубрику: „Къ сему да вѣсть іерей и сіе, яко едину точію на день литургію долженъ есть совершити".

[8]) Ibid. л. 8. Ср. совр. руб.: „по совершеніи же божественныя литургіи всякое опасеніе подобаетъ имѣти іерею".

[9]) Ibid. л. 8 обор., л. 9.

Христовы" и „о прыпадкахъ, которые бы се при службѣ божой такъ стороны матеріи яко и служителя могли притрафити". Первая содержитъ слѣдующія требованія объ евхаристическомъ хлѣбѣ и винѣ. „Хлѣбъ маеть быти змуки пшенное и зводы прыроженное уробленый и упечоный квасный; если бы мука была гричаная, албо ячменная, албо авсеная, албо иншая какая, кроме пшенное, албо тежъ пшенная наполы змѣшанная зыншою мукою, тогды хочабы была вода прырожоная, тотъ хлѣбъ не былъ бы матеріею властною; хлѣбъ збузтвѣлый, сплеснѣлый, албо згорчалый, албо зыншыли речми трохи смѣшанъ: яко наприкладъ змолокомъ, змасломъ, зяйцы не можетъ быть матеріею властною" [1]). „Матерія зкотороеся съвершаеть кровь Христова есть вино зматицы винное, тоесть абы было стого дерева албо лозы, которая зсебе грона винные выпущаетъ... сокъ зась ягодный, албо яблочный, такъ тежъ и квасъ вшелякій, пиво, горѣлка, медъ и иншые разные напои же не суть згрона виннаго, наветъ и само вино если бы было змѣшоно зыншымъ якимъ напоемъ, такъ и жды смакъ винный утратило, або тежъ воцетъ ся обернуло, не можетъ быть матерыею прыстойною до съвершенія крови христовое [2]); часу проскомидіи тежъ мается мало барзо только краплю до вина улити воды, и по смѣшеніи тѣла Христова скровью тежъ барзо трохи теплое воды, а не зимное" [3]). Рубрика „о прыпадкахъ которые бы се при службѣ божой такъ стороны матеріи яко и служителя могли прытрафити" отмѣчаетъ слѣдующіе могущіе быть при совершеніи евхаристіи случаи. „Если бы матерія была згола неналежачая, тѣла албо крови Христовое, а священникъ бы тое постерегъ предъ посвященіемъ· на прыкладъ же мѣсто вина налилъ воды· теды маетъ тую воду скелиха прочь вылити а вина влити, и до него трохи воды [4])· естлибы вино было зепсованое, або хлѣбъ зепсованый, а не было бы вина иншаго або хлѣба иншаго тогда маеть перестати отъ служенія· тоежъ маетъ чинити, если есть хлѣбъ житный, або трохи прицвилый, також тежъ естли есть вино приквасное, албо прицвилое [5]). Если бы матерія была вонтпливая яко есть хлѣбъ житный, албо пшенный зводою приправною робленный, а священникъ бы того постерогъ по посвященіи въ причастіи, албо по причастію, тогды тую матерію посвященную отложити троху на сторону, которая маетъ быти вживана по потребленію· другую маетъ взяти и посвятити,

---

[1]) Ibid. л. 9 обор., л. 10, л. 11 обор. Ср. совр. отдѣлъ: „о вещи тайны самаго тѣла Христова".

[2]) Ibid. л. 11 и обор. Ср. совр. отдѣлъ: „о вещи крове Христовы".

[3]) Ibid. л. 12 обор. Ср. тотъ же отдѣлъ.

[4]) Ibid. л. 16 Ср. первую рубрику въ соврем. отдѣлѣ: „о приключеніи въ вещи крове христовы".

[5]) Ibid. л. 16. Ср. послѣднюю рубр. въ томъ же отдѣлѣ

потиху мовячи начавши отъ оныхъ словъ: въ нощь внюже преданъ ажъ до оныхъ словъ· твоя отъ твоихъ, изнову причащатися [1]). Тожъ маетъ чините, если бы по посвященію не знашолъ крови христовое, але воду, албо пиво, албо иншій напой, албо ничего не знашолъ, тогды выливши, еслибы што колвекъ спреромченыхъ вкелиху было, и знову влити вина и воды, и такъ посвятити потиху начавши отъ оныхъ словъ· такожде и чашу повечери глаголя, ажъ до оныхъ словъ· твоя отъ твоихъ· а еслибы иншаго вина згола не могъ достати по посвященію тѣла христова тогды не маетъ переставати отъ службы божое але все ажъ до конца отправовати" [2]). „Если бы впроскомидіи забылъ лити воды до вина, тогды если бы собѣ прыпомнилъ передпосвященіемъ крови христовы, повиненъ подъ грѣхомъ смертельнымъ прылити воды до вина и такъ посвятити, а если бы собѣ прыпомнилъ по посвященіи крови христовы, теды не маетъ лити, а тося не маеть розумѣти о укропцу" [3]). Въ томъ же самомъ отдѣлѣ изложены наставленія, какъ поступать священнику въ случаѣ впаденія въ чашу насѣкомаго (если это будетъ до освященія, „тогды маеть вино подъ престолъ вылити, а другое знову влити") [4]), пролитія крови („повиненъ мѣстце оное омыти и троха скробати· скробутины спалити, и попѣлъ подъ престолъ сховати· если бы пала кропля на убрусъ, на сукно, албо на иншое платье, тогды маетъ оную часточку, где впало, омыти и омывши вырезати и спалити, и спаливши, попелъ подъ престолъ сховати" [5]); если бы кропля пала на ризы священническіе, албо на литонъ, тогды маеть только тое местъце ополоскати, а не потреба вырезывати [6])· на остатокъ если бы ся вся кровь пролила скелиха такъ ижбы ничого не зостало вкелиху, тогды маеть знову вина зводою влити и посвятити· еслибы зась позостало што колвекъ, тогды не маеть посвящати, але тое што зостало потребити, а зместцомъ на которомсе пролила кровь маетъся обходити способомъ вышепо-

---

[1]) Ibid. л. 16 обор. Ср. совр. отдѣлъ: „о случаяхъ, въ служеніи литургіи приключитися могущихъ въ вещахъ".

[2]) Ibid. л. 16 обор. и л. 17. Ср. въ соврем. отдѣлѣ „о приключеніи въ вещи крове христове" рубрику: „аще въ самомъ причащеніи познаетъ сіе".

[3]) Ibid. л. 18 и обор. Ср. въ томъ же современномъ отдѣлѣ рубрику: „аще въ проскомидіи забудетъ іерей влити воду въ вино".

[5]) Ibid. л. 18 обор. Ср. совр. рубр.: „аще предъ освященіемъ святыхъ даровъ муха впадетъ во святую чашу".

[6]) Ibid. л. 19 обор. Ср. совр. рубр.: аще что отъ божественныя крове уканетъ на дску, на земли голѣй"; „аще на подножнѣмъ суквѣ или коврѣ уканенъ божественная кровь".

[7]) Ibid. Ibid. л. 21 обор. Ср. совр. рубр.: „аще на индитіяхъ престольныхъ, аще на покровецъ или на святую одежду уканетъ святая кровь".

мененымъ") [1]), замерзанія крови („келихъ албо теплою хустою объвіяти, албо въ теплую воду келихъ вставити такъ же бы вкелихъ вода не зашла") [2]), тѣла („можетъ цалкомъ вкелихъ вкинути, або тежъ обычайне на дискосѣ согрѣти") [3]), болѣзни или смерти совершающаго литургію священника („еслибы ся тое трафило предъ посвященіемъ тогды мается занехать служба божая, а если бы было по посвященію, тогды иншый священникъ маетъ кончыть тую службу, почавшы отъ того мѣстца на которомъ первый священникъ усталъ. А естли бы жадного священника не было который бы докончилъ службы, тогды такъ тѣло христово, яко и кровь его маетъ быти схованое до святилища чрезъ тыхъ которые бы на тотъ часъ были однакже не голою рукою маются дотыкати дискоса и келиха, але чым колвек чыстым руку увинувшы знабоженствомъ и спрыстойнымъ ушанованіемъ. На остатокъ естли бы не рыхло иншый священникъ прышолъ жебы могъ потребити оные тайны такъ же бы ся въ томъ часѣ особа вина могла попсовати· тогды мается тое вино врѣку влить") [4]), рвоты („вомиты маютъ быти спаленые и попѣлъ ихъ подъ крестомъ схованый") [5]), пожара, паденія церковной крыши, нападенія злодѣевъ („если еще не посвящалъ, можетъ отступити отъ службы божой, а если бы посвятилъ, тогды можетъ заразъ потребити· а если бы и того не могъ доказати, можетъ звинувшы въ литонъ пречистыя тайны знимн утечы, албо ихъ осторожне сховати, але потреба же бы рачей смерть поднялъ, нежели утѣкалъ") [6]). Послѣдній отдѣлъ „Науки"—„развязане прыпадковъ стороны формы" содержитъ аналогичное современному предписаніе на тотъ случай, если бы священникъ забылъ, произносилъ онъ или нѣтъ слова освященія. „Если бы священникъ забылъ, або вонтпилъ, если молвилъ слова албо нѣ· тогды можетъ подъ тымъ способомъ повторить мовечы якобы самъ всобѣ, если не посвятилъ теперь посвящаю· и помысливши то, мовитъ потиху то што на возгласѣ въ требнику написано" [7]).

[1]) Ibid. л. 21 обор. 22 Ср. совр. рубр. „аще случаемъ коимъ приключится всей божественнѣй крови изліятися"; „аще ничтоже останетъ во святѣй чашѣ".

[2]) Ibid. л. 22 обор. Ср. совр. рубр.: „аще въ зимѣ божественная кровь замерзнетъ".

[3]) Ibid. л. 22 обор. Ср. совр. рубр. „аще святый агнецъ на дискосѣ замерзнетъ".

[4]) Ibid. л. 23 и обор. Ср. начальныя рубрики современнаго отдѣла „о准случаехъ недостаточества служащаго священника".

[5]) Ibid. л. 24 Ср. совр. рубр.: „аще по причащеніи святыхъ таинъ приключится іерею изблевати".

[6]) Ibid. л. 24 обор. Ср. совр. рубр.: „аще служащу іерею нападутъ врази", „аще кто восхощетъ іерея служащаго убити"; „аще служащу іерею церковь возгорится".

[7]) Ibid. л. 26. Ср. совр. отдѣлъ „о случаи освященія и совершенія святыхъ даровъ".

Совпадая съ Учительнымъ Извѣстіемъ, „Наука" Виленскаго Служебника представляетъ по сравненію съ нимъ и не мало особенностей. Кромѣ ясно выраженнаго въ отдѣлѣ „о формѣ" католическаго ученія о времени освященія даровъ [1]), ими являются, во-первыхъ, лишнія, неизвѣстныя Извѣстію наставленія и предписанія. Таковы—о совершеніи литургіи священникомъ, находящимся подъ клятвою, запрещеніемъ и отлученіемъ: „еслибы забывшися же есть вклятвѣ, албо воотлученію, албо изверженію служилъ, тогда естли бы собѣ прыпомнѣлъ предъ посвященіемъ, а моглъ бы безгоршеня отыти, повиненъ·—а если по посвященію, тогда повиненъ жаловати за грѣхъ, и службу божію отправовати" [2]); объ отправленіи службы въ неосвященной епископомъ церкви и частномъ домѣ: „если будетъ іерей мѣти благословеніе и антиминсъ подвижный литургисати въ церкви непосвященной еще, або вдому приватномъ, тогда маетъ предъ зачатемъ проскомидіи промовити первей молитву писаную втребникахъ на священіе домовъ, потомъ водою священною храмъ покропившы проскомидію и литургію зачынати" [3]); о побужденіяхъ наблюдать за чистотою и цѣлостью илитона и „хусточки до келиха": „литонъ и хусточка до келиха маютъ быти чистые и неподраные, иначей грѣшилъ бы смертельне· когдыжъ тымся зневажаетъ сакраментъ божый, або вѣмъ не естъ речъ слушная, абы Богъ былъ вмнѣйшомъ пошанованію надъ человѣка· люде бо вѣмъ зстолу посполитого обрусъ забруканый збрыдливостью откидаютъ и за неушановане особъ своихъ когхы ихъ хто токимъ обрусомъ чтитъ почитаютъ, далеко болшъ Богъ" [4]); о необходимости имѣть намѣреніе освятить весь агнецъ, а не часть его, и при освященіи держать хлѣбъ вблизи себя, но не вдали: „потреба же бы въ іерею служащомъ была воля съвершати тѣло христово, або чынини то што церковь чынитъ· и если бы мѣлъ волю одну часточку посвящать, а другихъ не посвящать, то тая только будетъ тѣломъ христовымъ, а другіе не будутъ" [5]). „Потреба абы матерыя не была отъ священника такъ отдалена жебы не могъ ее видѣти и разознати, бобы на тотъ часъ не могъ посвятити, прычина того естъ, бо форма которою съвершается тѣло и кровь христова суть слова сказующе: се есть тѣло мое и се есть кровь моя, а показати не можемо толко тые речы которые намъ суть прытемные и видомые. Претожъ звычае услужебниковъ описаны суть же бы мы мовячи слова· пріимѣте и ядѣте указовали рукою на хлѣбъ перво, потомъ на чашу" [6]). Лишними являются также предписаніе о раздробленіи агнца: „раздробляючи агнецъ не всѣми палцами его ломати, але четырмя палцами обудвухъ рукъ, а иные палцы прыгоротати· раздробивши покраяхъ дискоса час-

---

[1]) Ibid., л. 13—15. [2]) Ibid. л. 3, обор. [3]) Ibid. л. 5.
[4]) Ibid. л. 6. [5]) Ibid. л. 9 и обор. [6]) Ibid. л. 12 и обор.

токъ некласти, нехай внутръ дискоса всѣ частъки будутъ доспущенея вкелихъ. поспущеню и позметеню губкою всѣхъ частокъ тѣла христова вкелихъ, палци штося дотыкали тѣла христова раздробляючи уводѣ чистой пополоскати" [1]); указаніе, какъ поступать въ томъ случаѣ, если при произношеніи словъ „Твоя отъ Твоихъ" упадетъ въ чашу св. агнецъ: „если быся трафило для дрыженія руки на тотъ часъ коли ся подноситъ и мовитъ Твоя отъ Твоихъ агнецъ вкелихъ упалъ, и пришолъ бы тотъ часъ раздробленя тогды або маеть опустити тую церемонію, албо тежъ маеть взяти часточку большую зпозосталыхъ частокъ, и надъ нею тую церемонію отправовати" [2]); допущеніе къ совершенію литургіи, за болѣзнью священнодѣйствующаго, священника поѣвшаго и находящагося въ смертномъ грѣхѣ: „бы тежъ тотъ вторый священникъ и елъ, кгдыжъ менша есть прыказане о постѣ до службы божое прыналежачое, нежели о съвершенею службы наветъ хотьбы тотъ священникъ вторый былъ въ якомъ грѣху смертельномъ, можетъ кончыть службу божую, еслибы видѣлъ же можетъ урости великое згоршенее для несконченя службы" [3]); разъясненіе, какъ долженъ поступать этотъ второй священникъ въ томъ случаѣ, когда первый умеръ, не успѣвъ произнести словъ освященія:„ другій священникъ можетъ надъ тымъ же хлѣбомъ и виномъ цалую форму албо тежъ ишый хлѣбъ и вино знову посвятити, а оный першый агнецъ и вино межы мощы святыхъ положыти, албо заразъ по потребленю таинъ христовыхъ пожыти можетъ" [4]), и, наконецъ, замѣчаніе о несовершеніи таинства при опущеніи или искаженіи священникомъ словъ освященія: „если бы священникъ не мовилъ словъ христовыхъ, которыми се совершаеть тѣло христово, албо знихъ што колвекъ унялъ, албо противное што вложилъ, мовячи, се не есть тѣло мое, албо одменилъ инъшимъ якимъ способомъ, мовячи, сія суть телеса моя се да будетъ, албо будетъ, албо было тѣло мое албо помѣшалъ слова такъ, жебы выразуменя власного не было словъ христовыхъ тогды священникъ и грѣшить тяжко смертельне и не съвершаетъ тѣла христова" [5]).

Въ нѣсколькихъ случаяхъ по поводу одного и того же недоумѣннаго вопроса „Наука" даетъ два отвѣта, и одинъ изъ нихъ является не только лишнимъ, но и не совпадающимъ съ предписаніемъ Учительнаго Извѣстія. Такъ, въ случаѣ впаденія въ чашу насѣкомаго послѣ освященія даровъ она совѣтуетъ поступать слѣдующимъ охразомъ: „Маетъ тогды священникъ иншого вина взяти и знову посвятити, а оное першое вино посвященное маетъ сховати до

---

[1]) Ibid., л. 21 обор. [2]) Ibid., л. 22 и обор. [3]) Ibid. л. 23.
[4]) Ibid. л. 24. [5]) Ibid. л. 25 обор. и л. 26.

меспа святаго, тоестъ тамъ, гдѣ тѣло христово звыклося ховати· и такъ долго маетъ тамъ быти. ажбы особы вина во оцетъ се обернули, албо сплеснели· тогды маетъ оный оцетъ вогонь влити, албо тежъ врѣку текущую· можетъ тежъ и такъ учинити, взявши великое ключя, албо хусту и втое клече або вхусту влити кровь христову, такъ же бы ничого не могла выкапнути, але въ ключю· зостати и коли тое ключе высохнетъ маетъ спалити, а попелъ подъ престоломъ сховати· а если бы робакъ не былъ ядовитый а ни страшный, яко муха, блоха и иншые тымъ подобные, тогды маетъ полкнуть· еслибы было страшное, яко есть пчола, оса, шершень и иные тымъ подобные, тогды маетъ выняти скелиха, и омыти а помыки оные по потребленію тѣла Христова выпить" [1]). По поводу явленія чуда,—„особы хлѣба вособѣ плоти, албо дитятка, а вина въ особѣ крови", Наука не совѣтуетъ вновь освящать хлѣбъ и вино: „ни повиненъ священникъ другого агнца заклати, а ни вина посвящати· бо самое чудо его вызволяетъ. Хотяжъ бы, прибавляетъ она, моглъ и другого агнца заклати" [2]). Наконецъ, въ случаѣ рвоты „Наука" предписываетъ поступать такъ: „ежели бы могли разознати тайны Христовы межы вомитомъ маютъ быти обычайне отъ вомиту отдѣленые и на святомъ мѣстцу положоные" [3]).

Другую особенность „Науки" по сравненію съ Учительнымъ Извѣстіемъ составляетъ отсутствіе въ ней какъ цѣлыхъ отдѣловъ послѣдняго („како хранити божественныя тайны больныхъ ради"; „о подаяніи, пріятіи, храненіи и поклоненіи божественныхъ таинъ"), такъ и многихъ частныхъ предписаній. Она не знаетъ предписаній о необходимости для священнодѣйствующаго быть въ мирѣ со всѣми,—примириться съ обидчикомъ и обиженнымъ, воздерживаться предъ священнослуженіемъ отъ общенія съ женою; избѣгать даже малыхъ препятствій къ отправленію литургіи; подробнаго изложенія церковнаго правила; требованія имѣть приличный внѣшній видъ („главу учесаную, лице и уста измовены") съ замѣчаніемъ объ измовеніи съ вечера устъ; наставленія на тотъ случай, если во время совершенія литургіи священникъ будетъ позванъ для причащенія или крещенія опасно больного, замѣчанія объ отвѣтственности священника за нежеланіе причаститься безъ достаточнаго основанія; подробнаго исчисленія случаевъ пролитія крови Христовой на различныя мѣста и предметы; наставленія наблюдать за приготовленіемъ просфоръ и предъ проскомидіею „искусити просфору, каковаго оная состоянія".

Перечисленныя особенности полагаютъ довольно рѣзкое различіе между современнымъ содержаніемъ Учительнаго Извѣстія и его составомъ по „Наукѣ" Виленскаго Служеб-

---

[1]) Ibid. л. 18 обор. и л. 19. [2]) Ibid., л. 19 и обор. [3]) Ibib. л. 24.

ника 1617 г. Первый шагъ въ дѣлѣ ихъ устраненія и приближенія къ наличнымъ формамъ дѣлаютъ относящіяся къ евхаристіи статьи Требника Петра Могилы: „о пречистой и предивной тайнѣ тѣла и крови Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа; о правильномъ, или законномъ служители Божественныя тайны тѣла и крови Господней, и о еже како подобаетъ ему предъуготовляти себе къ достойному служенію Божественныя литургіи и причащенію Божественныхъ Христовыхъ тайнъ; о времени служенія; о вещехъ яже къ самому служенію приступая, и о тѣхъ яже въ самомъ служеніи іерею хранити достоитъ; о матеріи, сіесть вещи тайнѣ тѣла и крови Христовой; о формѣ, сіесть о образѣ или съвершеніи тѣла и крове Христовой; о случаяхъ въ служеніи божественныя литургіи приключитися могущихъ, еще отъ части матеріи, сіесть вещи, якоже и формы, сіесть образа или съвершенія, якоже и самаго служителя, сіесть священника; о еже что долженъ есть іерей по съвершеніи божественныя литургіи творити, о подаяніи, пріятіи, храненіи и достодолжной чести и боголѣпномъ поклоненіи Божественнаго тѣла и крови Господней; охраненіи божественныхъ таинъ вольныхъ ради“ [1]). Воспроизводя „Науку“ Виленскаго Служебника, перечисленныя статьи перерабатываютъ ея положенія со стороны формы,—придаютъ имъ современную редакцію, что является, между прочимъ, результатомъ замѣны малорусскаго нарѣчія славянскимъ; восполняютъ ее новыми отдѣлами и частными предписаніями, и, наконецъ, опускаютъ нѣкоторыя ея подробности. Большую часть добавленій составляютъ вышеперечисленныя, отсутствующія въ „Наукѣ“, предписанія современнаго Учительнаго Извѣстія, и только нѣкоторыя изъ нихъ, напр., указаніе на возможность совершенія литургіи священникомъ, находящимся въ смертномъ грѣхѣ, въ томъ случаѣ, когда требуется причастить больного, а запасныхъ даровъ нѣтъ [2]), замѣчаніе о постоянномъ распростертіи антиминса подъ верхнимъ убрусомъ [3]) и т. п., неизвѣстны и Извѣстію. Что касается опущенія подробностей „Науки“, то однѣ изъ нихъ исключаются, какъ лишнія въ виду существованія аналогичныхъ предписаній въ текстѣ служебника (о раздробленіи агнца и разложеніи частей его на дискосѣ), другія,—какъ отмѣчающія едвали возможный въ дѣйствительности случай (о ниспаденіи агнца съ дискоса въ чашу при произнесеніи словъ „Твоя отъ Твоихъ“) или же какъ странныя и трудно выполнимыя (объ отдѣленіи въ рвотѣ тѣла и крови Христовой отъ другихъ веществъ) и, наконецъ, третьи, какъ стоящія въ противорѣчіи

[1]) Евхологіонъ, албо Молитвословъ, или Требникъ, имѣяй въ себѣ церковная различная послѣдованія, іереомъ подобающая. Стр. 217—70. Кіевъ. 1646 г.

[2]) Евхологіонъ, Стр. 220—1. [3]) Ibid. стр. 232.

съ другими предписаніями (о совершеніи литургіи послѣ ѣды въ томъ случаѣ, кагда здоровому священнику приходится замѣнить больного) или же какъ повторяющія ихъ (о непроизнесеніи словъ освященія). Простираясь на указанныя подробности, сокращенія не коснулись многихъ другихъ особенностей „Науки". Изъ нихъ евхаристическія статьи Требника Петра Могилы удерживаютъ ученіе о времени пресуществленія даровъ, отдѣлъ о матеріи, или вещи тайны тѣла и крови Христовой съ его заключительнымъ требованіемъ имѣть въ моментъ освященія хлѣбъ и вино вблизи, а не вдали, предписаніе о совершеніи литургіи (при наличности антимиса) въ неосвященной епископомъ церкви и частномъ домѣ, о необходимости имѣть намѣреніе и волю освятить весь агнецъ, а не часть его, замѣчаніе о побужденіяхъ сохранять въ чистотѣ престольныя одежды, о нѣкоторыхъ случаяхъ совершенія литургіи священникомъ, находящимся подъ клятвою, отлученіемъ и запрещеніемъ, объ искаженіи словъ освященія, указаніе на составъ фиміама [1]). Измѣненная со стороны формы и отчасти содержанія, „Наука" Виленскаго Служебника получила въ Требникѣ Петра Могилы близкій къ современному Учительному Извѣстію видъ. Сокращенія уменьшили число ея особенностей, добавленія привнесли недостающія по сравненію съ Извѣстіемъ части, а прежнія сходныя положенія вылились въ современныя формы. И только нѣкоторыя удержанныя статьями Требника особенности Науки и часть наблюдаемыхъ въ немъ новыхъ добавленій составляютъ существенное отличіе этой вторичной редакціи Учительнаго Извѣстія отъ современной.

Измѣненіями „Науки" Виленскаго Служебника въ евхаристическихъ статьяхъ Требника Петра Могилы закончилась исторія развитія Учительнаго Извѣстія въ предѣлахъ юго-западной митрополіи. Современный окончательный его составъ былъ выработанъ въ Москвѣ. XVII вѣкъ былъ для послѣдней временемъ ознакомленія съ юго-западною богословскою литературою и пользованія изданными на югѣ богослужебными книгами, въ частности Требникомъ Петра Могилы. Такъ, изъ него взята глава Московской Кормчев 1650 г. „О тайнѣ супружества"; по нему же неоднократно служилъ Архіепископъ Холмогорскій Аѳанасій,—въ 1685 г. освятилъ церковь Преображенія Господня, 1694 г. оглашалъ иноземцевъ [2]). Тотъ же самый Требникъ значится подъ 1702 г. въ Описной Книгѣ Зміевскаго Никольскаго Косицкаго монастыря, а въ 1703 г. содержаніе его евхаристическихъ статей передаетъ св. Димитрій Ростовскій въ обращеныхъ къ ростовскому духовенству поученіяхъ „о приготовленіи іереевъ къ Боже-

---

[1]) Ibid. стр. 238—9; 235—8; 231—2; 229—30; 232; 220; 244; 234.

[2]) Титовъ. Двинская лѣтопись, стр. 52, 72. Москва 1889 г.

ственному причащенію“ [1]). Вмѣстѣ съ Требникомъ Петра Могилы былъ извѣстенъ въ Москвѣ и Виленскій Служебникъ 1617 г. Результатомъ знакомства съ ними и было появленіе первой Московской редакціи Учительнаго Извѣстія. Мысль о его составленіи и изданіи принадлежитъ патріарху Іоакиму. „Онъ, какъ говорится въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки XVII в. № 433, видяше отъ іереевъ вопрошаніе или испытаніе о случаяхъ въ дѣйствѣ божественныя литургіи ово отъ части священнодѣйства, ово отъ части тѣла и крови Христовой, желаше написана быти рѣшенія на всякія случаи случающыяся въ таинствахъ, наипаче же въ божественной литургіи, да свидѣтельствовавъ та соборне, типографіею издастъ въ общую пользу и въ наученіе всѣмъ священнымъ паствы своея“ [2]). Исполнителемъ воли и желанія патріарха оказался сотрудникъ Епифанія Славинецкаго по исправленію богослужебныхъ книгъ инокъ Евѳимій. „Отъ книгъ кіевскихъ, бѣлорусскихъ и иныхъ“ [3]) имъ было „собрано“ „Воумленіе отъ архіерея, чинномъ служенію божественныя литургіи и иныхъ нуждныхъ случаевъ вѣдѣніе зѣло потребное. Емуже кійждо желаяй іерейства долженъ навыкнути и умѣти е на память во время своего рукоположенія: и тако искусенъ сый со инымъ всякимъ достоинствомъ возводится въ чинъ іерейства. Несвѣдущему же всѣхъ здѣ положенныхъ не есть душеполезно восходити въ чинъ іерейства“ [4]). Являясь первою Московскою редакціею Учительнаго Извѣстія, „Воумленіе“, сообразно со своими источниками, должно было бы отличаться сводными характеромъ. Въ дѣйствительности же почти все его содержаніе заимствовано изъ евхаристическихъ статей Требника Петра Могилы; на долю другихъ источниковъ, именно „Науки“ Виленскаго Служебника 1617 г. падаетъ самая незначительная часть состава. Изъ нея взяты прежде всего начальныя наставленія „Воумленія“: „четыре вещи суть нуждныя начальнѣйшія, яже всякій іерей долженъ умѣти. А. правило церковное совершати, б. литургію божественную служити, г. тайнами церковными строити, д. Люди поучати, что должны творить Господу Богу, себѣ самому и ближнему. Отъ сихъ начальнѣйшая есть литургія. Потребно убо всякому іерею учитися святую литургію совершати, еже быти ей въ славу Божію съ пользою духовною его самого и всѣхъ живыхъ и усопшихъ, за нихъ же божественная жертва приносится. Сего ради здѣ вкратцѣ

[1]) Творенія иже во святыхъ отца нашего Св. Димитрія Ростовскаго. кн. 2-ая, стр. 158 и д. Изд. жур. „Русскій Паломникъ“. 1910.

[2]) Предисловіе Л. 8 обор. и л. 9. [3]) Ibid., л. 9.

[4]) Ibid., л. 51—88. „Воумленіе“ усвояютъ Евѳимію Горскій и Невоструевъ. (Описаніе словян. рук. Московъ. Синод. библ. II, 3, стр. 454). Мирковичъ (О времени пресуществленія даровъ, стр. 38, 253), Сменцовскій (Братья Лихуды, стр. 104, 135).

ученіе изложися іерею потребное, да вѣсть яже всячески хранити долженъ. Первое предъ служеніемъ, второе въ самомъ служеніи. Третіе каковая вещь, изъ ея же имать быти тѣло и кровь Христова. Четвертая, видъ или совершеніе, имъ же совершается таинство. Пятое, случаи, яже въ служеніи божественныя литургіи случаются, въ вещи или въ видѣ, рекше совершеніи, такожде и самого служителя, сіесть іерея. Шестое, что по служеніи" [1]). Изъ „Науки" же заимствовано предписаніе объ обязанности священника совершать литургію въ воскресные и праздничные дни: „хиротнисанный же чинно іерей первое долженъ есть во всякій великій праздникъ и всякую господницу, наипаче аще имать свою парихію, литургисати; аще бо въ таковыя дни не будетъ литургисати, кромѣ вины благословныя, смертно согрѣшитъ: зане ради его мнози слушанія литургіи святыя лишатся, юже по заповѣди божіей и церковнѣй должни слушати. Аще же іереи не имать парикію, всяко долженъ на господскія праздники литургисати" [2]). Изъ того же источника взяты наставленіе о священнослуженіи въ тяжкомъ, смертномъ грѣхѣ: „аще же по посвященіи, сирѣчь по преложеніи хлѣба въ тѣло Христово, вина же въ кровь познаетъ себѣ іерей отъ священнодѣйства отлученна, тогда по нужди литургію довершитъ съ великою болѣзнію и жалостію, по слѣди же литургіи вскорѣ отъ имущаго власть долженъ просити прощенія и разрѣшенія" [3]); а равно и замѣчаніе о возможности совершенія литургіи послѣ полудня: „аще же нуждная яковая потреба: яко аще немощный требуетъ причастія, запасный же агнецъ не есть, тогда можетъ литургисати, аще не предварило яденіе и питіе" [4]).

Остальное содержаніе „Воумленія" за исключеніемъ заимствованныхъ изъ книги „Акосъ" разсужденій о томъ, безъ чего не можетъ совершиться таинство: „творительная вина (Богъ), органная вина (архіерей или іерей), вещь приличная (различная въ каждомъ таинствѣ), видъ, черезъ не гоже, видъ, сирѣчь предѣлъ, къ немуже, конечная вина" (л. 61 обор.), представляетъ повтореніе предписаній евхаристическихъ статей Требника Петра Могилы. Въ большинствѣ случаевъ они воспроизводятся съ буквальною точностью и лишь въ нѣкоторыхъ допускаются перефразировка, добавленія, пропуски и измѣненія. Такъ, въ рубрикѣ объ антиминсѣ встрѣчается лишнее противъ Требника замѣчаніе: „на верхнемъ обрусѣ согбену ему всегда подобаетъ быти, разгибатися же имать во время божественной литургіи" [5]); равнымъ образомъ рубрика о служителѣ въ алтарѣ дополняется предписаніемъ: „женску полу и дѣвицѣ, аще и чистѣй, и монахинѣ не подобаетъ во алтарь

---

[1]) Ibid. л. 51 и обор. [2]) Ibid. л. 51 обор. и л. 52.
[3]) Ibid. л. 52 обор. [4]) Ibid. л. 51 обор. [5]) Ibid. л. 57 обор.

входити“ [1]). Среди опускаемыхъ „Воумленіемъ“ подробностей евхаристическихъ статей Требника Петра Могилы значатся и цѣлыя предписанія и отдѣльныя замѣчанія. Такъ, изъ отдѣла о препятствіяхъ къ совершенію литургіи опущена рубрика: „аще же въ самомъ служеніи божественныя литургіи пришедъ въ себѣ іерей познаетъ себе быти въ грѣхѣ смертномъ“; изъ отдѣла „о случаяхъ въ служеніи божественныя литургіи приключитися могущихъ“ исключено предписаніе: „аще же предъ изреченіемъ самыхъ Божественныхъ словесъ познаніе сіе будетъ“. Нѣтъ въ „Воумленіи“ и замѣчанія Требника: „ибо влѣяніе воды къ вину въ святой литургіи нѣсть отъ нужды тайны, но точію церковное узаконеніе“. Изъ отдѣловъ, подвергшихся существеннымъ измѣненіямъ, выдѣляется отдѣлъ о формѣ, или совершеніи тѣла и крови Христовой: католическое ученіе о времени освященія даровъ замѣняется въ немъ православнымъ. „Видъ, чрезъ него же совершается таинство, говорится въ Воумленіи, есть по молитвѣ іерея и призываніи Св. Духа, со знаменованіемъ креста, еже сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего, аминь. А еже въ чаши сей честную кровь Христа Твоего, аминь. Преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ. Итако вѣруемъ быти хлѣбъ и чашу самое тѣло и кровь Господа нашего І. Христа“ [2]). Данное ученіе неоднократно повторяется въ отдѣлѣ „О случаяхъ въ служеніи божественныя литургіи приключитися могущихъ, яко въ вещи, тако и въ видѣ, или совершеніи“, а потому нѣкоторыя изъ его положеній получаютъ иной, чѣмъ у Петра Могилы, видъ. Такъ, напр., предписаніе послѣдняго: „аще іерей предъ освященіемъ Крове, по освященіи Тѣла познаетъ, яко вина въ чаши нѣтъ, точію вода, да излѣетъ оную воду въ нѣкій чистый и честный сосудъ, и абіе да вліетъ вино и мало отъ воды, глаголя: единъ отъ воинъ копіемъ ребра ему прободе, и абіе изыде кровь и вода; по семъ же абіе да освятитъ, начиная отъ онѣхъ словесъ: такожде и чашу по вечери глаголя“, измѣняется въ „Воумленіи“ слѣдующимъ образомъ. Послѣ словъ „истинно есть свидѣтельство его“ іерей долженъ, по его указанію, „молитву предложенія рещи и поизглаголаніи молитвъ отъ великаго входа призываніемъ Св. Духа потиръ точію назнаменати и прочая совершити, сирѣчь а еже въ чаши сей честную кровь Христа Твоего аминь, преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ, аминь, аминь, аминь. Понеже не будетъ убо совершенно, не пріемше молитвъ и печати и призыванія Св. Духа, и въ божественную кровь не преложится“. Указанная особенность встрѣчается, впрочемъ, лишь въ той редакціи „Воумленія“, которую воспроизводитъ рукопись Московской Синод. библ. № 433. Редакція по рукописи № 567 не знаетъ ее, — повторяетъ

---

[1]) Ibid. л. 59. [2]) Ibid. л. 62.

предписанія евхаристическихъ статей Требника Петра Могилы. Согласно съ ними изложенъ въ ней отдѣлъ „Объ образѣ, или совершеніи тѣла и крове Христова“ [1]); одинаково заканчивается указаніе, какъ поступать въ томъ случаѣ, когда по освященіи хлѣба въ чашѣ не окажется вина; однородно и наставленіе на тотъ случай, „аще что не достанетъ отъ словесъ тѣхъ, ими же освященіе содѣловается и совершается. Словеса же совершенія и освященія тайны тѣла Господия суть сія: пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое и прочая; совершенія же и освященія крове Господни сія суть: пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя новаго завѣта и прочая“ [2]).

Составленное съ цѣлью изданія, „Воумленіе“ не было однако напечатано. Иниціаторъ его составленія—патріархъ Іоакимъ „еще сему собранію не совершившуся преселися въ вѣчное блаженство, не доспѣвъ написанное прочести и свидѣтельствовати соборне, ниже иніи архіереи послѣ его соборнѣ прочтоша даже до днесь, аще по особнѣ и мнози чтоша. Потомъ всесвятѣйшества его преемнику святѣйшеству Адріану патріарху не случися время ключимно еже бы соборнѣ со всѣми архіереии избранными клиросущими, іереи и иными добрѣ знати могущими прочести сія. Посемъ случися ему святѣйшему патріарху тяжелая и долговременная болѣзнь и не допусти ему тая многолѣтняя болѣзнь сего собранія свидѣтельствовати. И тако оста написаніе сіе никимъ свидѣтельствовано“ [3]).

Такова судьба первой Московской редакціи Учительнаго Извѣстія. Но въ это время какъ „Воумленіе“ напрасно ждало соборнаго одобренія и печати, независимо отъ него появилось Извѣстіе въ Служебникѣ 1699 г. Въ отличіе отъ „Воумленія“ оно представляетъ повтореніе только однѣхъ евхаристическихъ статей Требника Петра Могилы и притомъ съ значительно большими, чѣмъ въ немъ, измѣненіями. Не коснувшись формы, они свелись въ большинствѣ случаевъ къ сокращеніямъ; по мѣстамъ замѣтны добавленія и замѣна одного содержанія другимъ. И прежде всего Учительному Извѣстію 1699 г. предпослано иное, болѣе обширное, чѣмъ у Петра Могилы, введеніе. Изъ предисловія къ евхаристическимъ статьямъ Требника оно заимствуетъ исчисленіе пяти вещей, нужныхъ къ совершенію евхаристіи (хиротонисанный отъ архіерея іерей, намѣреніе, или воля къ совершенію тайны тѣла и крови Христовой, вещь тайнѣ приличная,—хлѣбъ и вино, образъ совершенія, престолъ, или присланный епископомъ антиминсъ) и замѣчаніе о грѣхѣ святотатства и несовершеніи таинства при несоблюденіи данныхъ условій, остальное же содержаніе неимѣетъ себѣ въ немъ паралелли. Слѣ-

[1]) Л. 25 обор. и л. 26. [2]) Ibid. л. 36 обор.

[3]) Рукоп. Московской Синод. библ. № 433. Предисловіе. Л. 9.

дующій за введеніемъ отдѣлъ „како подобаетъ служителю предуготовляти себе къ достойному служенію божественной литургіи“ опускаетъ четыре предписанія Требника. „Аще іерей въ самомъ служеніи пришедъ въ себе, вспомянетъ и познаетъ себя всяко безъ конца или до времени отъ священнодѣйствія отлученна, или мѣсто, идѣже служитъ, запрещенно быти, болѣзнію и жалѣніемъ да умилитъ себе и сокрушитъ сердце свое, съ твердымъ предложеніемъ, еже у имущаго власть прощенія и разрѣшенія испросити. Аще убо сіе познаніе предъ великимъ входомъ будетъ, да престанетъ служити, изряднѣе же аще явѣ отлученный есть, и аще кромѣ соблазна сіе престаніе быти можетъ: лучше бо есть сицевому вѣдущему свое недостоинство самому себѣ осуждати, нежели отъ Господа осуждену быти. Агнецъ же и вся части яже на дискосѣ и вино въ чаши сущее, яко еще не освященное, на жертовницѣ самъ да потребитъ. Аще же великая нужда припаднетъ литургисанія, сіесть аще бѣда смертная больному приспѣетъ, тайнъ же божественныхъ готовыхъ не будетъ, къ еже причастити его, іерей же въ грѣхѣ смертномъ сый никакоже священника инаго имѣти можетъ, къ еже исповѣдатися грѣха своего, аще убо грѣхъ есть не отъ тѣхъ, яже всячески возбраняютъ іерею священнодѣйствіе, да служитъ: но убо съ великимъ жаленіемъ и болѣзнію сердца о грѣхѣ, въ немъ же обрѣтается, и твердымъ предложеніемъ, еже скоро исповѣдатися“ [1]). Что касается опущенія перваго предписанія и зависящихъ отъ него второго и третьяго, то оно вызвано, какъ можно думать, желаніемъ избѣжать повторенія. Разсматриваемое требованіе повторяется нѣсколько ниже въ наставленіи того же самаго отдѣла: „аще въ самомъ служеніи божественныя литургіи, пришедъ въ себе, іерей познаетъ себе быти въ грѣхѣ смертномъ, съ елико можетъ великою болѣзнію и жалостію да умилитъ себе и сокрушитъ себе, предложеніе непремѣнное имѣя, еже скоро исповѣдатися“. Оставивъ эту рубрику, Учительное Извѣстіе вполнѣ естественно опустило тожественную ей предшествующую. Исключеніе четвертаго предписанія могло быть мотивировано невозможностью предполагаемаго имъ случая,—отсутствія запасныхъ даровъ для пріобщенія больныхъ. По словамъ евхаристическихъ статей Требника Петра Могилы и Учительнаго Извѣстія, „божежественныя тайны могутъ быть освящены и хранимы не только въ великій четвергъ, но и въ иные дни“, „ежемѣсячно“ и даже „ежедневно, гдѣ можно“ [2]). При подобныхъ условіяхъ отсутствіе запасныхъ даровъ не допустимо, излишня и предполагающая его рубрика. Дальнѣйшій отдѣлъ Извѣстія „о вещахъ, которыя іерей долженъ хранить въ служеніи и предъ служеніемъ“ не знаетъ указаній Требника

---

[1]) Евхологіонъ, албо Молитвословъ, стр. 220—1. [2]) Ibid., стр. 265, 5.

на случай совершенія литургіи на неосвященномъ престолѣ, въ неосвященной церкви и въ частномъ домѣ. „Потребный есть къ служенію престолъ и жертвенникъ освященный. Аще убо неосвященные будутъ, никакоже іерей на нихъ, кромѣ епископскаго изволенія, служити да дерзнетъ. Хотяй убо іерей на священномъ престолѣ въ неосвященной церкви или въ особномъ дому божественную службу совершити, не точію особное достоитъ ему на сіе имѣти епископское благословеніе, но и антиминсъ подвижный всяко нужно потребно есть имѣти: кромѣ бо антиминса никакоже достоитъ ему служити, аще бы и епископское особное на сіе имѣлъ благословеніе... Аще іерей, благословеніе отъ епископа и антиминсъ подвижный имѣяй, восхощетъ литургисати въ церкви еще неосвященной или въ особномъ нѣкоемъ дому, долженъ есть предъ зачатіемъ проскомидіи прочести молитву освященія новаго дому и водою освященною окропити храмъ весь и посемъ начати и совершити божественную литургію“ [1]). Внесеніе въ разсматриваемый отдѣлъ двухъ первыхъ предписаній было излишне въ виду заявленія введенія къ Учительному Извѣстію: „храмъ да будетъ посвященъ отъ самого архіерея, или въ той присланъ антиминсъ посвященный, и по чину священіе той храмъ пріемый“, а удержаніе послѣдняго прямо противорѣчило бы требованію того же Предисловія: „евхаристія, кромѣ посвященнаго храма, нигдѣ же творится“. Изъ разсматриваемаго отдѣла опущено далѣе замѣчаніе о побужденіяхъ сохранять въ чистотѣ престольныя одежды: „человѣцы бо убрусъ скверный отъ трапезы своея съ омерзеніемъ отмѣтаютъ, и якоже безчестіе себѣ отъ предлагающимъ имъ сицевый пріемлютъ: кольми убо паче Господь и Богъ нашъ, его же всѣмъ сердцемъ, всею душею, всею крѣпостію должни есмы любити и чтити“ [2]), и указаніе на составъ ѳиміама: „самый по себѣ или съ яловцемъ смѣшеный“ [3]). Значительно сокращены отдѣлы „О вещи тайнѣ тѣла Христова“ и „О матеріи сіесть вещи крове Христовы“. Изъ перваго исключено перечисленіе различныхъ сортовъ муки, изъ которыхъ нельзя приготовлять евхаристическій хлѣбъ, и запрещеніе употреблять вмѣсто естественной воды „препаленую. какую либо водку“. Побужденіемъ къ этому могло служить то соображеніе, что Требникъ не даетъ прямого и точнаго отвѣта на вопросъ, почему не пригодны для евхаристіи пшеничный, гречневый, просяный, ячменный хлѣбъ и замѣняющая воду „препаленая водка“. Именно, побужденіемъ избѣгать такого вещества евхаристическія статьи Требника Петра Могилы считаютъ только сомнѣніе, можетъ ли совершиться въ немъ тайна тѣла Христова. „Тѣмъ же убо, говорятъ онѣ, понеже въ сицевыхъ хлѣбахъ недоумѣніе и усумнѣніе сицебо есть, еже мощи или

---

[1]) Ibid., стр. 231—2. [2]) Ibid. стр. 232. [3]) Ibid. стр. 234.

немощи съвершитися въ нихъ тайны тѣла Христова, никто же отъ іерей, никакоже, николиже сицевыми хлѣбами служити да дерзнетъ". „Аще и пшеничный хлѣбъ не въ водѣ естественной, но въ препаленой каковой либо буди водцѣ смѣшеный будетъ, о совершеніи въ немъ тайны усумнительно будетъ" [1]). Изъ второго отдѣла опущено перечисленіе пригодныхъ для евхаристіи сортовъ винограднаго вина, - угорское, волоское, французское, рынское, малмазыя, петрисеменъ, можетъ быть, потому, что они были мало извѣстны на сѣверѣ, и предписаніе, чтобы во время освященія хлѣбъ и вино находились предъ іереемъ на престолѣ, „воеже мощи ему зрѣти и рукою показати на ня, внегда словеса Господня тайну совершающія глаголетъ". Соблюдать данное требованіе научаетъ, по словамъ евхаристическихъ статей Требника Петра Могили, Служебникъ [2]), а потому и внесеніе его въ Учительное Извѣстіе представлялось излишнимъ. Исключая изъ перечисленныхъ отдѣловъ только частныя предписанія, составители Извѣстія нашли нужнымъ опустить весь отдѣлъ Требника Петра Могилы „О формѣ, сіесть о образѣ, или совершеніи тѣла и крове Христовой". Какъ содержащій католическое ученіе о времени освященія даровъ, онъ не мирился съ изложеннымъ въ Предисловіи къ Извѣстію православнымъ взглядомъ по тому же самому вопросу. Въ отдѣлѣ „О случаяхъ освященія и совершенія св. даровъ" Учительное Извѣстіе опускаетъ разсужденія евхаристическихъ статей Требника Петра Могилы по поводу того, если бы „священникъ умалилъ словеса освященія, сіесть не вся совершенно изрекъ, но точію часть отъ нихъ нѣкую, или иная словеса съ ними смѣсилъ, въ еже знаменаніе ихъ размѣсити, еже немощи познатися ихъ свойственное знаменаніе" [3]); нѣсколько сокращаетъ разъясненіе, какъ произносить слова освященія при соборномъ служеніи, исключаетъ указаніе, что ихъ произноситъ предстоятель, а сослужащіе „ничто же глаголютъ", и, наконецъ, замалчиваетъ замѣчаніе: „аще который (изъ служащихъ) предваритъ начальствующаго, той освятитъ. Начальствуяй же ту не по семъ изречетъ уже освященнымъ сущимъ тайнамъ" [4]). Первая рубрика могла быть исключена въ виду невозможности отмѣчаемаго ею случая. Такое или иное измѣненіе словъ освященія предупреждалось требованіемъ Извѣстія: „на память молитвъ священникъ да не глаголетъ", но непремѣнно по Служебнику. Неумѣстною представлялась и вторая рубрика. Лишеніе сослужащихъ права произносить слова освященія равносильно безпричинному недопущенію ихъ до участія въ совершеніи таинства. Съ оставленіемъ предписанія о совмѣстномъ и одиновременномъ изреченіи всѣми служащими словъ освяще-

---

[1]) Ibid. стр. 236. [2]) Ibid. стр. 238. [3]) Ibid. стр. 244.
[4]) Ibid. стр. 244.

нія исчезала, наконецъ, нужда въ замѣчаніи о предвареніи кѣмъ либо изъ нихъ „начальствующаго“. Еще незначительнѣе уклоненія Учительнаго Извѣстія отъ евхаристическихъ статей Требника Петра Могилы въ исчисленіи случаевъ „недостаточества служащаго священника“. Они ограничиваются замѣною наставленія подстригать усы [1]), чтобы на нихъ не осталось божественной крови, неопредѣленнымъ требованіемъ „добрѣ управить тыя“, что стоитъ въ прямой зависимости отъ запрещенія Стоглаваго собора подстригать усы, и отсутствіемъ предписанія на тотъ случай, если частица Божественнаго тѣла упадетъ на „покрывало трапезное или на иное кое либо платно“ [2]). Его удержаніе представлялось излишнимъ въ виду существованія въ Извѣстіи аналогичнаго указанія на тотъ случай, если бы божественная кровь уканула на индитію. Предпослѣдній отдѣлъ Учительнаго Извѣстія „како хранити божественныя тайны больныхъ ради“ не знаетъ наставленій Требника о напоеніи кровью Агнца, предназначеннаго для пріобщенія больныхъ. Предполагая подробности этого акта достаточно извѣстными священнику, Извѣстіе ограничивается замѣчаніемъ: „агнецъ изми, и по чину якоже въ великій постъ на преждеосвященной литургіи сотвори“. Само собою напрашивалось на исключеніе и предписаніе Требника о сушеніи агнца въ такое время, какъ утреня, за шестопсалміемъ и послѣ него [3]). Заключительный отдѣлъ Учительнаго Извѣстія „о подаяніи, пріятіи, храненіи и поклоненіи божественныхъ таинъ“ содержитъ въ Требникѣ Петра Могилы повтореніе однихъ и тѣхъ же предписаній. Такъ, дважды повторены наставленія въ случаѣ значительнаго числа причастниковъ одну часть пріобщать въ одинъ день, другую—въ другой; дважды говорится, чтобы во время пріобщенія стояли по бокамъ священника два клирика, дважды о чтеніи благодарственныхъ молитвъ по причащеніи, о запиваніи теплотою и т. п. [4]). Съ устраненіемъ этихъ тавтологій разсматриваемый отдѣлъ получилъ въ Извѣстіи вполнѣ связный видъ.

Другую особенность Учительнаго Извѣстія по сравненію съ евхаристическими статьями Требника Петра Могилы составляютъ разнообразныя дополненія. Болѣе крупными являются три рубрики. Двѣ изъ нихъ въ отдѣлѣ „Како подобаетъ служителю предуготовляти себе къ достойному служенію божественныя литургіи“ касаются не священнослужителей, а мірямъ: „такожде подъ запрещеніемъ отъ архіерея или іерея, отца своего духовнаго, кто и мірскій человѣкъ сущь, индѣ каковою страстію содержася, и пренебрегая того, ико иному духовнику безъ разрѣшенія преходя, и дерзая пречистымъ тайнамъ тѣла и крове Іисусъ Христовы прича-

[1]) Ibid. стр. 249. [2]) Ibid. стр. 248. [3]) Ibid. стр. 264.
[4]) Ibid. стр. 255—8.

щатися, тожде постраждетъ и яко богоубійца осудится“; „тѣмже и хотящіи причаститися таинства должни суть пѣніе церковное и правило ко святому причащенію исполнити вседушно“... Третья въ отдѣлѣ „о случаяхъ недостаточества служащаго священника“ содержитъ предписаніе на тотъ случай, если во время литургіи священнику придется отлучиться изъ церкви для совершенія крещенія или исповѣди. Въ остальныхъ случаяхъ добавленія сводятся къ незначительнымъ вставкамъ. Таковы заключительное разсуждеіе о средствахъ возбудить „алчбу и жажду къ божественному брашну и питію“, упоминаніе о чтеніи во время повечерія каноновъ, запрещеніе служить литургію въ „вельми рудныхъ и раздраныхъ одеждахъ, „указаніе побужденій совершать литургію по Служебнику, а не на память: „зане многія споны, забвеніе и запности тогда случаются“, предписаніе о пѣніи разныхъ приличныхъ стиховъ въ то время, когда священникъ въ случаѣ пролитія крови Христовой принужденъ бываетъ вновь совершить часть проскомидіи и прочитать молитвы освященія чаши. Лишнею является, наконецъ, и заключительная рубрика Учительнаго Извѣстія: „за истинное убо благочинное и правильное смотрительство“. Въ остальномъ же содержаніи оно оказывается точною копіею евхаристическихъ статей Требника Петра Могилы *).

Свящ. **А. Петровскій.**

---

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Новыя книги.

Н. Терентьевъ. Лютеранская вѣроисповѣдная система по символическимъ книгамъ лютеранства. Казань. 1910.

Въ послѣднее время, въ силу развитія въ Россіи протестантизма, ощущается особая нужда въ критическихъ работахъ, посвященныхъ разсмотрѣнію протестантства, какъ религіознаго движенія. Къ сожалѣнію, въ русской богословской литературѣ доселѣ сдѣлано очень мало для удовлетворенія указанной нужды. Въ большинствѣ работъ, посвященныхъ обслѣдованію протестантской вѣроисповѣдной системы, совсѣмъ или почти совсѣмъ игнорируется критическій элементъ. Счастливое исключеніе въ разсматриваемомъ отношеніи составляетъ недавно появившееся изслѣдованіе г. Н. Д. Терентьева подъ заглавіемъ: „Лютеранская вѣроисповѣдная система по символическимъ книгамъ лютеранства. Казань. 1910", распадающееся на введеніе (стр. 1—54), въ коемъ обслѣдуется происхожденіе символическихъ книгъ лютеранства, и 6-ти главъ, изъ коихъ въ 1-й (стр. 55—84) излагается и критикуется ученіе символическихъ книгъ лютеранства объ источникахъ христіанскаго вѣдѣнія, во II-ой (стр. 85—134) ученіе тѣхъ же книгъ о первородномъ грѣхѣ, въ III-ей (стр. 135—218) ученіе символическихъ книгъ лютеранства объ оправданіи человѣка, въ IV-ой (стр. 219—291) ученіе тѣхъ же книгъ о церкви, въ V-й (стр. 292 — 398) ученіе символическихъ книгъ лютеранства о таинствахъ и въ VI-ой (стр. 399—449) ученіе тѣхъ же книгъ о церковномъ культѣ. Изслѣдованіе заканчивается заключеніемъ (стр. 450—461), въ коемъ дѣлаются общіе выводы. При всей высокой научной цѣнности

своей указанное изслѣдованіе г. Н. Терентьева, какъ вышедшее изъ подъ пера начинающаго ученаго, само собою понятно, не чуждо нѣкоторыхъ дефектовъ. Въ упрекъ автору напр. слѣдуетъ поставить прежде всего то, что онъ, представивъ на основаніи символическихъ книгъ лютеранства обильнѣйшій матеріалъ по всѣмъ болѣе или менѣе существеннымъ пунктамъ лютеранской вѣроисповѣдной системы, въ то же время ярко не оттѣнилъ развитія и различія этихъ пунктовъ по отдѣльнымъ символическимъ книгамъ лютеранства. Дѣло въ томъ, что указанныя книги, какъ появившіяся въ различное время—по мѣрѣ развитія лютеранской вѣроисповѣдной системы, трактуя почти объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ, раскрываютъ ихъ далеко не одинаково: однѣ менѣе полно и менѣе противорѣчиво римско-католическому и вселенскому ученію, другія болѣе полно и болѣе противорѣчиво тому и другому ученію. Подтвержденіемъ этого можетъ служить отношеніе различныхъ символическихъ книгъ лютеранства къ церковному Преданію. Читая книгу г. Н. Терентьева, въ частности первую главу ея, можно сдѣлать тотъ выводъ, что во всѣхъ символическихъ книгахъ лютеранства одинаково отрицается значеніе за св. Преданіемъ какъ источникомъ христіанскаго откровенія (стр. 66—67). Въ дѣйствительности, однакожъ, этого не находимъ. Возставая въ первый періодъ реформаторской дѣятельности только противъ преданія римской церкви, но не противъ Преданія вселенской церкви, Лютеръ и Меланхтонъ лишь во второй періодъ реформаторской дѣятельности рѣшительнѣе отрицаютъ какъ римско-католическое, такъ и вселенское Преданіе. Соотвѣтственно этому въ раннихъ символическихъ книгахъ лютеранства не только не отрицается, но, напротивъ, рѣшительно признается за вселенскимъ Преданіемъ значеніе источника христіанскаго вѣроученія. Въ предисловіи къ Аугсбургскому исповѣданію наприм. говорится, что „свою доктрину, изложенную въ этомъ исповѣданіи, нѣмецкіе реформаторы заимствовали ex scripturis sanctis et puro verbo Deî, т. е. изъ Св. Писанія и чистаго Слова Божія“ (Müller. Die symbolischer Bücher der evangelisch-lutherischen Kirche. Gütersloh. 1907. S. 36) Сами. представители лютеранства, напр. Олеръ, сознаются въ томъ, что подъ verbo Dei въ приведенной цитатѣ разумѣется вселенское Преданіе [1]). Равнымъ образомъ въ заключеніи той

[1]) Oehler. Lehrbuch der Symbolik. Tübingen. 1876. S. 254.

же символической книги лютеранства говорится, что «in doctrina ac ceremoniis apud nos nihil esse receptum contra scripturam aut ecclesiam catholicam», т. е. что „въ вѣроученіи и въ практикѣ лютеране не желаютъ принимать что либо противорѣчащее Св. Писанію и вселенской церкви“ (Müller. S. 69). И наконецъ въ самой указанной символической книгѣ читаемъ: „сохраняются и у насъ многія преданія, существующія для того, чтобы поддерживались: порядокъ церковный, чтенія во время мессы и главнѣйшіе праздники“... (Müller. S. 57) [1]. Если отъ этого ученія о церковномъ Преданіи, какъ источникѣ христіанскаго откровенія, содержащагося въ Аугсбургскомъ Исповѣданіи, т. е. первой по времени происхожденія символической книгѣ лютеранства, обратимся къ раскрытію того же ученія въ позднѣйшихъ символическихъ книгахъ, особенно въ Формулѣ согласія, то увидимъ, что въ этихъ книгахъ излагается рѣшительное отрицаніе св. Преданія какъ источника христіанскаго откровенія, и при томъ Преданія не только помѣстнаго—римско-католическаго, но и вселенскаго — общехристіанскаго. „Мы вѣруемъ, учимъ и исповѣдуемъ, говорится здѣсь, что единственной нормой, по которой должны быть провѣряемы всѣ ученія и учители, является св. Писаніе“... (Müller. S. 517. 568) [2]. То же самое можно наблюдать въ сочиненіи г. Н. Терентьева при раскрытіи и ученія о природѣ первосозданнаго человѣка (стр. 86—87). При раскрытіи и этого вѣроисповѣднаго пункта онъ не отмѣчаетъ градаціи и различія между отдѣльными символическими книгами лютеранства. А между тѣмъ эти градація и различія несомнѣнно существуютъ. Возставъ противъ римско-католическаго ученія о правотѣ природы первосозданнаго человѣка, какъ простой гармоніи духовныхъ и тѣлесныхъ силъ человѣка, поддерживаемой сверхъестественной благодатію, нѣмецкіе реформаторы въ первый періодъ реформаторской дѣятельности пришли къ тому заключенію, что первобытная правота первосозданнаго человѣка заключалась не въ гармоническомъ только сочетаніи духовныхъ и тѣлесныхъ

---

[1]) „Servantur tamen apud nos pleraeque traditiones, quae conducunt ad hoc, ut res ordine geratur in ecclesia: ut ordo lectionum in missa et praecipuae feriae“...

[2]) „Wir glauben, lehren und bekennen, das die einige Regel und Richtschnur, nach welcher zugleich alle Lehren und Lehrer gerichtet und geurtheilet werden sollen... Schriften altes und neues Testament“...

силъ человѣка, а въ полномъ совершенствѣ этихъ силъ и что это совершенство было вложено въ природу человѣка при самомъ же созданіи ея. Выраженіе подобнаго взгляда можно находить въ Апологіи Аугсбургскаго исповѣданія, составитель коей, указавъ на то, что первобытная правота первосозданнаго человѣка заключалась въ полномъ совершенствѣ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ человѣка [1]), выразившемся въ созданіи человѣка по образу и подобію Божію, далѣе допускаетъ такое выраженіе: «sancta scriptura inquit hominem ad imaginem et simulitudinem conditum (Müller. S. 80), т. е. „св. Писаніе свидѣтельствуетъ, что первый человѣкъ былъ основанъ въ образѣ и подобіи Божіемъ"... Послѣднія слова, что первый человѣкъ былъ „основанъ—(conditus) въ образѣ и подобіи Божіемъ", ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что присущая природѣ первосозданнаго человѣка правота, по ученію составителя Апологіи, являлась полнымъ совершенствомъ ея силъ и была внѣдрена въ эту природу при самомъ же созданіи ея. Такъ какъ это крайнее ученіе Лютера и Меланхтона о природѣ первосозданнаго человѣка своимъ послѣдствіемъ имѣло появленіе въ воззрѣніяхъ нѣкоторыхъ представителей реформаціи крайняго ученія о грѣхѣ первородномъ, какъ субстанціально извратившемъ природу человѣка, сдѣлавшемъ ее тождественной съ природою діавольской, то нѣмецкіе реформаторы во второй періодъ ихъ реформатской дѣятельности измѣняютъ свое прежнее ученіе о природѣ первосозданнаго человѣка въ смыслѣ приближенія къ ученію римско-католическому, т. е. отрицаютъ полное совершенство въ духовныхъ и тѣлесныхъ силахъ человѣка. Выраженіе этого поворота можно находить опять въ Формулѣ согласія, гдѣ о совершенствахъ природы первосозданнаго человѣка говорится, что онѣ представляютъ изъ себя «dotes in paradiso naturae concreatae» (Müller. S. 580), т. е. „дары, присозданные къ природѣ человѣка въ раю". Словами этими, какъ можно легко видѣть, рѣшительно отрицается полное совершенство за духовными и тѣлесными силами человѣка, такъ какъ онѣ признаются *дарами* человѣку, да

---

[1]) „Porro justitia in scripturis continet non tantum secundam tabulam Decalogi, sed primam quoque, quae praecipit de timore Dei, de fide, de amore Dei. Itaque justitia originalis habitura erat non solum aequale temperamentum corporis, sed etiam... recte rectitudinem et vim ista efficiendi"... (Müller. S. 80).

и притомъ случайно присозданными къ природѣ послѣдняго, какъ нѣчто добавочное. На первое указываетъ слово dotes (дары), на второе слово concreatae (присозданные) [1]. То же самое можно наблюдать на раскрытіи различными символическими книгами лютеранства и другихъ частныхъ пунктовъ лютеранской вѣроисповѣдной системы.

Помимо указаннаго, такъ сказать, основного недостатка, встрѣчаются въ изслѣдованіи г. Н. Терентьева и другіе дефекты болѣе частнаго характера. Неправильна напр. дѣлаемая имъ характеристика символическаго ученія лютеранъ о церкви. На стр. 219-й по данному вопросу онъ пишетъ: „сущность символическаго ученія лютеранъ о церкви можно выразить въ слѣдующей краткой формулѣ: церковь есть невидимое общество святыхъ, имѣющихъ равные благодатные дары", каковое ученіе, по его мнѣнію, „раскрывается преимущественно въ Апологіи Аугсбургскаго исповѣданія", „преимущественно" потому, что „остальныя символическія книги ничего не говорятъ по данному вопросу, исключая Аугсбургскаго исповѣданія, въ коемъ дѣлаются лишь намеки на него"... (стр. 220). Нѣсколько ниже (стр. 221) г. Н. Терентьевъ замѣчаетъ, что и „Апологія въ ущербъ логикѣ приписываетъ невидимой церкви и нѣкоторые видимые признаки" (стр. 221), каковые признаки онъ затѣмъ и перечисляетъ... Но если, т. о., по словамъ самого же автора, даже въ Апологіи Аугсбургскаго исповѣданія невидимой церкви усвояются видимые признаки, то значитъ, вопреки его же утвержденію, „сущность символическаго ученія лютеранъ о церкви" не можетъ быть выражена въ предлагаемой имъ формулѣ: „церковь есть невидимое общество святыхъ".... Строго говоря, ученія о церкви, какъ невидимомъ обществѣ святыхъ, нѣмецкіе реформаторы придерживались лишь въ самый начальный періодъ ихъ реформаторской дѣятельности и раскрыли его въ частныхъ сочиненіяхъ, напр. Лютеръ въ Рѣчи объ отлученіи 1518 г. и въ Толкованіи на Посланіе къ Галатамъ 1519 г., Меланхтонъ въ сочиненіяхъ противъ Бокка, Θомы Мурнера, францисканца Альвельда 1521—1522 г. г. Что же касается символическихъ книгъ, то въ нихъ, какъ появившихся въ болѣе позднее время, Лютеръ

[1]) Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что латинскій глаголъ: concreatae въ нѣмецкомъ текстѣ Формулы согласія переводится глаголомъ: angeschaffene, который еще сильнѣе выражаетъ ту же самую мысль.

и Меланхтонъ подъ вліяніемъ анабаптистическаго движенія смягчаютъ свое ранѣе высказанное ученіе о церкви какъ невидимомъ обществѣ святыхъ, характеризуя ее какъ величину видимую. Видно это изъ тѣхъ опредѣленій церкви, какія встрѣчаемъ въ символическихъ книгахъ. Въ Аугсбругскомъ исповѣданіи, напр., читаемъ: „церковь есть собраніе святыхъ, *въ которомъ правильно изучается писаніе и правильно совершаются таинства* (evangelium recte docetur et recte sacramenta administrantur. Müller. S. 40). А въ Апологіи того же исповѣданія читаемъ даже слѣдующее: „церковь есть.... общеніе вѣры и Св. Духа въ сердцахъ, *которое имѣетъ и внѣшніе признаки, по которымъ можно было бы узнать его (ut agnosci possit)*, въ частности чистое ученіе евангелія и совершеніе таинствъ согласное съ Евангеліемъ Христа"... (Müller. S. 152 [1]).

Не совсѣмъ правильно излагается г. Н. Терентьевымъ и лютеранское ученіе о сущности оправданія (стр. 180—185). Въ символическихъ книгахъ лютеранства въ содержаніи оправданія различаются четыре стороны: во-1-хъ, justificatio=оправданіе въ строгомъ смыслѣ слова, состоящее въ юридическомъ признаніи человѣка правымъ (Müller. S. 613) [2], во 2-хъ, regeneratio= возрожденіе, состоящее въ измѣненіи отношеній человѣка къ Богу—изъ врага дѣлающагося сыномъ Его (Müller. S. 613) [3], въ 3-хъ, sanctificatio=освященіе, состоящее въ снабженіи человѣка дарами Св. Духа (Müller. S. 358) [4], и въ-4-хъ, renovatio= обновленіе, состоящее въ измѣненіи прежняго несовершеннаго религіозно-моральнаго состоянія человѣка на иное болѣе совершенное (Müller. S. 530) [5]. Правда въ тѣхъ же символическихъ книгахъ лютеранства, напр. въ Формулѣ согласія,

---

[1]) „Ecclesia... principaliter est societas fidei et Spiritus sancti in cordibus, quae tamen habet externas notas, ut agnosci possit, videlicet puram evangelii doctrinam et administrationem sacramentorum consentaneam evangelio Christi"....

[2]) „Das Wort rechtfertigen hie heisst gerecht und ledig, von Sunden sprechen"...

[3]) „Wiedergeburt gebraucht allein Vergebung pro remissione peccatorum et adoptione in filios Dei, das ist, dass wir zu Kindern Gottes angenommen werden"....

[4]) „Ich glaube, dass der heilige Geist hat mich durchs Evangelium berufen, mit seinen Gaben erleuchtet, in rechten Glauben geheiliget und erhalten"....

[5]) „Dass der Glaube darum selig mache, weil die Erneuerung, so in der Liebe gegen Gott und Nähesten stehe, in uns durch den Glauben angefangen werde"....

два послѣдніе акта—обновленіе и освященіе выдѣляются изъ члена объ оправданіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, однакожъ, признаются слѣдствіями оправданія и какъ таковыя разсматриваются въ связи съ первыми двумя моментами оправданія—оправданіемъ въ собственномъ смыслѣ и возрожденіемъ (Müller. S. 615). Въ своемъ сочиненіи, при раскрытіи лютеранскаго ученія о сущности оправданія г. Н. Тереньтевъ почему-то говоритъ только объ оправданіи въ тѣсномъ смыслѣ и обновленіи, умалчивая о возрожденіи и освященіи, и потому не даетъ вполнѣ яснаго пониманія лютеранскаго ученія по данному вопросу. Къ числу недостатковъ сочиненія г. Н. Терентьева далѣе слѣдуетъ отнести отсутствіе детальной разработки нѣкоторыхъ болѣе или менѣе существенныхъ пунктовъ лютеранства, нашедшихъ для себя выраженіе въ символическихъ книгахъ послѣдняго. Сюда напр. слѣдуетъ отнести: отсутствіе раскрытія вопроса о значеніи закона, въ первый періодъ реформаторской дѣятельности отвергнутаго Лютеромъ и Меланхтономъ въ дѣлѣ оправданія и затѣмъ во второй періодъ той же дѣятельности принятаго ими какъ необходимаго для оправданія (Müller. S. 536—538, 639—645); отсутствіе той же детальной разработки при раскрытіи вопроса о взаимоотношеніи между Евангеліемъ и Закономъ, очень рѣзко раздѣляемыми Лютеромъ и Меланхтономъ (Müller. S. 87—88, 106, 65—67, 175, 53, 55, 638 и др.); отсутствіе детальнаго раскрытія ученія Лютера и Меланхтона о церкви, поскольку авторъ напр. упоминаетъ не о всѣхъ свойствахъ, усвояемыхъ церкви Лютеромъ и Меланхтономъ (Müller. S. 178) и пр. Встрѣчаются, наконецъ, въ изслѣдованіи г. Н. Тереньтева и нѣкоторыя неточности. На стр. 238-й онъ напр. говоритъ, что „о діаконской степени священства въ символическихъ книгахъ ничего не говорится“. Это не совсѣмъ точно. Въ символическихъ книгахъ лютеранства не разъ говорится о діаконскомъ служеніи, въ частности, что это служеніе имѣетъ Божеское происхожденіе (Müller. S. 203) [1]), о томъ, что діаконы по заповѣди Божіей должны были вести брачную жизнь (Müller. S. 49) [2]), о томъ, что діаконы должны пріобщаться

---

[1]) „die Kirche hat Gottes Befehl, dass sie soll Prediger und Diakonos bestellen“....

[2]) „Aus den Historien und Väter Schriften zu beweisen, dass in der christlichen Kirchen vor Alters der Brauch gewest, dass die Priester und Diakon Eheiweiber gehalt“....

во время литургіи послѣ епископовъ и пресвитеровъ (Müller. S. 53, 340, 786) [1]) и проч.

Всѣ указанные дефекты не ослабляютъ очень цѣннаго значенія за книгой г. Н. Терентьева и даже болѣе или менѣе извинительны для него, какъ выступившаго съ первымъ литературнымъ трудомъ, да и при томъ посвященнымъ обслѣдованію вопроса очень серьезнаго и сложнаго. Съ другой стороны всѣ эти дефекты съ лихвою вознаграждаются тѣми высокими научными достоинствами, которыя присущи изслѣдованію г. Н. Терентьева. Въ число этихъ достоинствъ слѣдуетъ поставить прежде всего то, что его изслѣдованіе написано по первоисточникамъ, по символическимъ книгамъ лютеранства, изданнымъ частію на древне-латинскомъ, частію на древне-нѣмецкомъ языкахъ, трудно понимаемымъ, каковое обстоятельство не воспрепятствовало г. Н. Терентьеву основательно изучить эти перводокументы лютеранской вѣроисповѣдной системы. Въ очень важное достоинство изслѣдованія указаннаго ученаго затѣмъ слѣдуетъ поставить и то, что въ немъ представлена лютеранская вѣроисповѣдная спстема во всей полнотѣ, а не въ отдѣльныхъ пунктахъ, какъ это дѣлаютъ тѣ немногіе русскіе ученые, которые свои труды посвящали обслѣдованію изучаемаго г. Терентьевымъ предмета, напр. проф. Ястребовъ, Стуковъ, Коржавинъ, Олесницкій и нѣк. друг. Въ очень важное достоинство изслѣдованія г. Н. Терентьева слѣдуетъ далѣе поставить и то, что онъ, при написаніи своей книги, помимо данныхъ, доставляемыхъ ему символическими книгами лютеранства, постарался внести въ него тѣ данныя, которыя доставляла ему богатая заграничная литература, посвященная обслѣдованію происхожденія, исторіи и содержанія символическихъ книгъ лютеранства и не только въ существенныхъ, но и даже во второстепенныхъ вопросахъ, и для этого проштудировалъ труды Франка: Die Theologie der Concordienformel. 1858—1865 въ 4-хъ книгахъ, Köstlin'а. Lüthers Theologie. Stuttgart. 1863, Koch'а. Ordo salutis in der luth. Dogmatik. Berlin. 1899, западныя символики Элера, Келльнера, Мелера, Мюллера, Носгена, Филиппи, многія статьи въ Realenzyklopädie... Herzog-Hauck'а, въ журналахъ Theologische Studien und Kritiken, Beweis

[1]) Denn also lauten die Wort im canone Nicaeno: Die Diakon sollen nach den Priestern ordentlich das Sacrament empfahen vom Bischof oder Priester"....

Glaubens и пр. И наконецъ въ весьма важное достоинство изслѣдованія г. Н. Терентьева слѣдуетъ поставить и то, что онъ подвергъ въ немъ основательной критикѣ лютеранскую вѣроисповѣдную систему по всѣмъ трактуемымъ пунктамъ, пользуясь для этого какъ заграничной богословской литературой, напр. многотомнымъ трудомъ извѣстнаго римско-католическаго догматиста новѣйшаго времени проф. Гейнриха Die dogmatische Theologie, такъ и русской богословской литературой, всегда или почти всегда провѣряя ту и другую подлинными изданіями Mansi и Migne. Въ виду этого, книга г. Н. Терентьева можетъ имѣть весьма полезное значеніе при обличеніи протестантства, какъ религіознаго движенія, а также и при обличеніи русскаго сектантства, какъ имѣющаго въ нѣкоторыхъ пунктахъ близкое соотношеніе съ протестантствомъ. Поэтому смѣло рекомендую книгу г. Н. Д. Терентьева, какъ трудъ весьма цѣнный въ научномъ отношеніи и весьма полезный въ практическомъ отношеніи.

Вл. Керенскій.

Фр. Кс. Функъ, проф. Тюбингенскаго университета. Исторія христіанской церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней. Въ русскомъ переводѣ со значительными измѣненіями, дополненіями и предисловіемъ **П. В. Гидулянова**, ординарнаго профес. Императорскаго Московскаго университета. Москва 1911. Стр. VII+616. Цѣна 2 р. 50 к.

Покойный профессоръ Фр. Кс. Функъ († 24 февр. н. с. 1907 г.) принадлежалъ къ числу выдающихся работниковъ на нивѣ церковно-историческаго знанія. Своими изслѣдованіями въ области исторіи Церкви онъ стяжалъ славу крупнаго ученаго, безпристрастнаго въ оцѣнкѣ фактовъ, осторожнаго въ выводахъ, точнаго и яснаго въ изложеніи результатовъ изысканій. Задачей для своего прекраснаго учебника по исторіи Церкви онъ ставилъ—дать въ сжатой и доступной формѣ „ту сумму церковно-историческихъ познаній, какая необходима для каждаго образованнаго богослова настоящаго времени“ [1]). Достигъ ли авторъ своей цѣли и, если достигъ,

---

[1]) *F. X. Funk*, Lehrbuch der Kirchengeschichte. 5 Aufl. Paderborn 1907. S. V.

-то въ какой мѣрѣ, лучшимъ отвѣтомъ на эти вопросы можетъ служить слѣдующій фактъ: въ теченіе двадцати съ небольшимъ лѣтъ учебникъ проф. Функа по исторіи Церкви выдержалъ пять изданій и былъ переведенъ на французскій и итальянскій и въ послѣднее время на англійскій языки. Въ настоящее время онъ вышелъ и въ русскомъ переводѣ. Этотъ фактъ не только можно, но и должно бы привѣтствовать, если бы русскому обществу дали переводъ учебника проф. Функа, хотя съ измѣненіями и дополненіями, но безъ искаженій. Къ сожалѣнію, этого не случилось. Ученый переводчикъ, ординарный профессоръ Московскаго университета, г-нъ Гидуляновъ, повидимому, приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы доказать, что книга на нѣмецкомъ языкѣ часто является для него „книгой за семью печатями", что исторія христіанства, этотъ „фокусъ исторіи культуры" [2]), можетъ привлекать къ себѣ не только „добрыхъ мѣняльщиковъ", и съ этой цѣлью въ однихъ мѣстахъ исказилъ мысли проф. Функа до неузнаваемости, въ другихъ приписалъ ему рядъ изумительнѣйшихъ открытій.

Инымъ можетъ показаться просто дерзкимъ наше утвержденіе, что для ординарнаго профессора, который взялся за переводъ нѣмецкой книги, эта самая книга нерѣдко является „китайской грамотой". Однако, смѣлость такого заявленія весьма умѣреннаго свойства. Оно покоится на твердомъ основаніи тѣхъ данныхъ, которыя г-нъ Гидуляновъ щедрой рукой разсыпалъ по всему своему переводу учебника проф. Функа. Изъ этихъ данныхъ мы выберемъ только нѣсколько, въ которыхъ богатство творческихъ силъ ума г-на переводчика, его изобрѣтательность въ борьбѣ съ нѣмецкимъ языкомъ выступаютъ съ ясностью самоочевидной истины.

F. X. Funk, Lehrbuch der Kirchengeschichte[5], S. 12.	Переводъ г-на Гидулянова, стр. 12.
Auf den starken Anlauf, den die Kirchengeschichtschreibung im 16 Jahrhundert nahm, folgte ein längerer Stillstand. Man beschränkte sich geraume Zeit	Особенно развилась церковная исторія въ наступившій затѣмъ мирный промежутокъ. Результатомъ дѣятельности историковъ этого вре-

[2]) См. у г-на Гидулянова въ его предисловіи къ переводу учебника проф. Функа, стр. III.

darauf, die Resultate der beiden grossen Werke in Auszügen und Kompendien zu weiterer Kenntnis zu bringen.

мени явились двѣ большихъ работы и цѣлый рядъ компендіумовъ.

(За сильнымъ подъемомъ, котораго достигла церковная исторія въ XVI вѣкѣ, послѣдовалъ довольно продолжительный застой. Долгое время ограничивались тѣмъ, что въ извлеченіяхъ и компендіумахъ доводили до свѣдѣнія болѣе широкихъ круговъ результаты этихъ двухъ большихъ работъ (Магдебургскихъ центурій и Анналовъ Баронія).

S. 28.

Im anderen Fall würde sich unsere Kenntnis auf den Namen des Apostels beschränken, da sich die angeführte Überlieferung ganz auf Jakobus den „Bruder des Herrn" bezieht.

Стр. 29.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, имѣется въ виду апостолъ, хотя преданіе все это цѣликомъ относитъ къ Іакову, брату Господню.

(Въ противномъ случаѣ наше знаніе ограничивалось бы (только) именемъ Апостола (Іакова младшаго), такъ какъ приведенное преданіе цѣликомъ относится къ Іакову „брату Господню").

S. 32.

In der Tat gewann das Christentum manche, wie Justin und Dionysius von Alexandrien, die zuvor, freilich vergeblich, alle Anstrengungen machten, die Wahrheit innerhalb der Philosophie zu finden.

Стр. 33.

Въ этомъ дѣлѣ содѣйствовали христіанству особенно такіе мужи, какъ Іустинъ и Діонисій александрійскій, постаравшіеся указать существованіе истины во всякой философіи.

(Дѣйствительно, христіанство пріобрѣло и такихъ послѣдователей, въ родѣ Іустина и Діонисія Александрійскаго, которые раньше тщетно, конечно, прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы найти истину въ философіи).

S. 77.

Die Prodikianer, Anhänger eines gewissen Prodikus, die als Königssöhne über das den Knech-

Стр. 78.

Продикіане, приверженцы извѣстнаго Продика, примѣнившіе къ себѣ законъ, дан-

ten gegebene Gesetz sich erhaben wähnten.	ный царскимъ сыномъ своимъ слугамъ.

(Продикіане, послѣдователи нѣкоего Продика, которые воображали, что они, какъ сыны Царя, выше закона, даннаго слугамъ).

Союзъ indem—это личный недругъ П. В. Гидулянова, и послѣдній, не замѣчая подвоховъ коварнаго врага, съ чисто дѣтской довѣрчивостью и трогательной наивностью пишетъ: „На сирмійскомъ соборѣ въ Панноніи въ 351 году единосущіе (ὁμοούσιος), по крайней мѣрѣ, фактически было устранено, *хотя* (*indem*) означавшее ту же мысль слово въ новомъ вѣроисповѣданіи, такъ называемая первая сирмійская формула, никѣмъ не было принято“ (122); „Доселѣ онъ (Амфилохій Иконійскій) не нашелъ еще подлежащей оцѣнки, *хотя* (*indem*) дошедшія подъ его именемъ гомиліи признаны неподлинными“ (197). Слово unter такъ походитъ на слово unser, что кто осудитъ г-на Гидулянова, если онъ, вмѣсто „низшій міръ“, скажетъ: „нашъ міръ“ (76). У насъ сложился и упорно держится предразсудокъ, что *das Leib* значитъ *тѣло*. Оказывается, по П. В. Гидулянову, что *das Leib* обозначаетъ *любовь* (78). Много подводныхъ камней въ безпредѣльномъ морѣ нѣмецкаго языка, и ученый переводчикъ терпитъ крушеніе даже на маленькомъ denn, которое одной только буквой отличается отъ dann. Вотъ какъ переводитъ онъ, напр., извѣстное мѣсто объ Іисусѣ Христѣ у Іосифа Флавія.

Funk, S. 18.	*Гидуляновъ*, стр. 20.
Ant. XVIII, 3,3 lesen wir ferner: «Zu jener Zeit lebte aber Jesus, ein weiser Mann, [wenn man ihn anders einen Mann nennen darf; denn er war] ein Vollbringer auffallender Werke [ein Lehrer der Menschen, welche das Wahre freudig annehmen]. Er war viele Juden, aber auch viele aus dem Heidentum an sich gezogen. Dieser war (bezw. galt als) der Messias. Und als ihn Pilatus auf eine Anklage der vornehmsten	Въ Ant. XVIII, 3,3 дальше мы читаемъ: „Около этого времени жилъ Іисусъ, мудрый мужъ (если Его можно назвать человѣкомъ, *затѣмъ* Онъ былъ), совершитель удивительныхъ дѣлъ (учитель человѣковъ, которые радостно принимали истину). Онъ привлекъ многихъ іудеевъ, но также многихъ и изъ язычества. Онъ былъ (т. е. считался какъ) Мессія. И когда Его

Männer bei uns zum Kreuze verurteilt hatte, so lieszen doch diejenigen, melche ihn zuerst geliebt hatten, nicht ab. [Denn er erschien ihnen am dritten Tage wieder lebendig, da die göttlichen Propheten dieses und tausend anderes Wunderbare über ihn geredet hatten]. Noch bis jetzt hat das Geschlecht der Christen, welche nach ihm benannt werden, nicht aufgehört».

Пилатъ по жалобѣ начальствующихъ у насъ лицъ присудилъ къ распятію, то тѣ, которые раньше Его возлюбили, не прекратились. (*Потомъ* на третій день Онъ явился опять живымъ, *какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ божественные пророки и тысячи чудесныхъ явленій*). И доселѣ еще не прекратился родъ христіанъ, которые были такъ названы по Немъ".

(„Въ то же время жилъ Іисусъ, мужъ мудрый [если только можно назвать Его мужемъ, ибо Онъ былъ] совершитель необыкновенныхъ дѣлъ [учитель людей, съ радостью принимавшихъ истину]. Онъ привлекъ къ себѣ многихъ іудеевъ, но также многихъ и изъ язычества. Онъ былъ Мессія (или: считался за Мессію). И когда Пилатъ, по доносу знатнѣйшихъ у насъ, осудилъ его на крестъ, то возлюбившіе Его прежде не отреклись (отъ Него). [Ибо въ третій день Онъ явился имъ опять живымъ, такъ какъ божественные пророки предсказали относительно Него и это и тысячу другихъ чудесныхъ явленій]. Родъ христіанъ, названныхъ (такъ) по Немъ, еще и доселѣ не прекратился").

Слово *Schwärmer* (*мечтатель*) переводчикъ заставилъ превратиться въ *Schwarm* (*толпа*). И никто не оцѣнитъ этой его колоссальной работы; напротивъ, найдутся буквоѣды, которыхъ не удовлетворитъ и новѣйшее русское слово „*дифферентеры*" (514), представляющее *почти* буквальный переводъ нѣмецкаго *Dissenters*.

Отъ гимназиста 1-го класса можно и должно требовать, чтобы онъ различалъ единственное и множественное числа, но ученый переводчикъ стоитъ выше этихъ мелочей, и удивительно ли, что онъ заговорилъ о многихъ или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ „Священныхъ Писаніяхъ" (26), о нѣсколькихъ „*сочиненіяхъ* Цельза", которыя „могутъ быть отчасти возстановлены изъ опровергающаго ихъ сочиненія Оригена" (45), превратилъ „*надписи* папы Дамаса" въ „*писаніе* Дамаса" (86) и *бесѣды* Іоанна Златоуста *о статуяхъ* въ „*проповѣдь о статуѣ*" (194) и т. д.?

Въ безславномъ бою съ нѣмецкимъ языкомъ г-нъ Гидуляновъ могъ бы пострадать значительно меньше, если бы его хорошая освѣдомленность въ церковной исторіи, отмѣченная въ 1907 г. † Н. С. Суворовымъ [1]), къ 1911 г. не разрѣшилась рядомъ изумительныхъ открытій, которыя мы затрудняемся назвать собственнымъ ихъ именемъ. Но предоставимъ слово г-ну Гидулянову [2]).

Funk, S. 121.	*Гидуляновъ*, стр. 119.
Der B. Alexander trat ihr aber als einer Art ebionitischen Monarchianismus entgegen.	Еп. Александръ александрійскій противопоставилъ ему (т. е. ученію Арія) нѣчто въ родѣ евіонитскаго монархіанизма.

(Но еп. Александръ (александрійскій) выступилъ противъ него (т. е. ученія Арія), какъ противъ своего рода евіонитскаго монархіанства).

S. 140.	Стр. 137.
Konsequent erschien ihnen bereits der blosse Dyophysitismus als Nestorianismus, und bei dieser Auffassung war ein neuer Streit unvermeidlich.	Послѣдовательно у нихъ діофизитизмъ являлся еще болѣе голымъ [3]), чѣмъ въ несторіанствѣ, почему былъ неминуемъ новый споръ по этому поводу.

(Послѣдовательно уже простой діофиситизмъ казался имъ (родоначальникамъ монофиситства) несторіанствомъ, а при такомъ пониманіи новый споръ былъ не избѣженъ).

---

[1]) Изъ исторіи развитія церковно-правительственной власти. Москва 1907. Стр. 28.

[2]) Оговариваемся, что и въ дальнѣйшемъ мы коснемся только нѣкоторыхъ открытій г-на Гидулянова, такъ какъ не ставимъ своей задачей отмѣчать всѣ недочеты его перевода, считая подобную работу совершенно безцѣльной.

[3]) Любовь г-на Гидулянова къ слову „голый“ такъ велика, что онъ находитъ возможнымъ говорить: о „голомъ незачетѣ грѣховъ“ (512), о „голой естественной религіи“ (522) и т. д. Въ книгѣ: „Восточные патріархи въ періодъ первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ“, г-нъ Гидуляновъ даетъ основаніе предполагать, что даже и ὅμοιος по его лексикону значитъ „голый“ (321).

S. 201.	Стр. 194.
Ein Verehrer des Origenes, nahm er von dessen Sonderlehren wenigstens die ἀποκατάστασις πάντων an.	Почитатель Оригена, онъ по крайней мѣрѣ тогдашними учеными былъ названъ: ἀποκατάστασις πάντων.

(Почитатель Оригена, онъ (Григорій Нисскій) усвоилъ изъ его особыхъ ученій, по крайней мѣрѣ, ἀποκατάστασις πάντων).

Но что значатъ эти и подобныя открытія въ области церковной исторіи въ сравненіи съ тѣми откровеніями, какія осѣнили переводчика, лишь только онъ вошелъ въ соприкосновеніе со священной исторіей. На стр. 20 своего перевода г-нъ Гидуляновъ пишетъ: „Христосъ чрезъ 30 лѣтъ послѣ чудеснаго Его рожденія отъ Дѣвы Маріи со своими 12 избранными учениками *отправился* (откуда?) *въ Палестину*", а на 35 снова дѣлаетъ другое не менѣе удивительное открытіе: „Соотвѣтствуя *десяти карамъ фараона противъ Моисея*, какъ прообразу христіанскихъ гоненій", десятеричное исчисленіе гоненій на христіанъ „имѣетъ символическій смыслъ, хотя и противорѣчитъ исторіи".

Г-нъ Гидуляновъ искупитъ *отчасти* свою вину предъ русскимъ обществомъ, если заявитъ печатно, что переводъ учебника проф. Функа, этотъ тяжкій грѣхъ, взятый имъ на душу, сдѣланъ въ минуты крайне тяжелаго душевнаго состоянія, въ минуты полной растерянности. И читатель повѣритъ. Даже болѣе того: онъ самъ укажетъ нѣкоторыя мѣста въ переводѣ, которыя, какъ нельзя болѣе лучше, подтвердятъ это заявленіе г-на Гидулянова. На стр. 393 читаемъ: „Расколъ по послѣднему вопросу (о непорочномъ зачатіи Приснодѣвы Маріи) неоднократно приводилъ къ столь ожесточеннымъ спорамъ, что Сикстъ IV вынужденъ былъ выслушать взаимныя обвиненія обѣихъ партій (Ѳомы Аквината и Дунсъ Скота) въ ереси *(1483). Здѣсь*, между прочимъ, случайно открылось, что *въ началѣ XVI вѣка* въ доминиканскомъ монастырѣ въ Бернѣ были преданы смерти четыре монаха". Контекстъ рѣчи оставляетъ внѣ всякаго сомнѣнія, что, по мнѣнію г-на Гидулянова, въ концѣ XV в. могли говорить о событіяхъ, имѣющихъ совершиться въ началѣ XVI в., какъ давно случившихся уже. Смѣемъ думать, что ни одинъ человѣкъ, дающій себѣ отчетъ въ томъ, что онъ говоритъ или пишетъ, не ста-

нетъ утверждать что-либо подобное. Или: „Одна книга (изъ сивиллиныхъ) имѣетъ *лже-христіанское*, скорѣе *еретическое*, вѣрнѣе, *іудео-христіанское* происхожденіе" (98). Попытайтесь на основаніи данной фразы рѣшить вопросъ, какого же происхожденія была эта злополучная сивиллина книга: христіанскаго или „лже-христіанскаго" [1]). Или: „Безбрачіе не являлось *обязательнымъ* для духовенства. Кто уже женатымъ получалъ посвященіе, тотъ могъ продолжать *его* (т. е. безбрачіе?) и въ новомъ санѣ" (53). Или: „Ради своего ученія о человѣческой природѣ во Христѣ Аполлинарій порвалъ съ церковью и этимъ именно обстоятельствомъ можно объяснить *потерю всѣхъ его работъ*. Къ намъ *дошли* только *нѣкоторыя его сочиненія*" (197). Или: „Какъ доказываютъ появившіеся въ XIV и XV вв. многочисленные университеты, духовнаго подъема въ это время нѣтъ" (394).

Читатель пойдетъ дальше: онъ укажетъ, что для того состоянія, въ которомъ г-нъ Гидуляновъ работалъ надъ своимъ переводомъ, характернымъ является не только отрицаніе элементарныхъ требованій здраваго человѣческаго смысла, но и нарушеніе основныхъ законовъ родного языка. На стр. 59 читаемъ: „*Евхаристическое торжество* первоначально также совершалось вечеромъ... Главныя составныя *ея* (т. е. „евхаристическаго торжества") части... Болѣе подробно мы узнаемъ о *ней* (т. е. объ „евхаристическомъ торжествѣ") отъ Іустина". Или: „Происхожденіе *этихъ сочиненій* падаетъ на время немногимъ болѣе раннее, чѣмъ появленіе *ея* („этихъ сочиненій") въ исторіи" (203). Или: „Для этого *института* значило болѣе желаніе испанскаго властелина, чѣмъ воля папы. Дѣятельность *ея* („института") въ высокой степени партійно окрашена" (381). Или: „Турецкая опасность благопріятствовала дальнѣйшему росту *протестантизма*. Правда, нѣкоторыя безпокойства сулилъ *имъ* („протестантизму") заключенный" и т. д. (427).

Не можемъ не выразить крайняго своего изумленія по поводу слѣдующихъ строкъ предисловія г-на Гидуланова къ его переводу: „При всѣхъ своихъ достоинствахъ Функъ все же

---

[1]) Соотвѣтствующее мѣсто у проф. Функа (S. 100) читается такъ: Ein Buch (VI) verrät christlichen. bezw. häretischen, eines (VII) judenchristlichen Ursprung (Одна книга (VI) обнаруживаетъ христіанское, resp. еретическое, а другая (VII) іудео-христіанское происхожденіе).

католикъ. Этого не слѣдуетъ забывать. Правда, онъ обладалъ большею широтой мысли, чѣмъ большинство его единовѣрцевъ, тѣмъ не менѣе, католическая закваска не могла не оказать вліянія на его религіозное міровоззрѣніе. Исправить этотъ недостатокъ, вытравить этотъ „папежскій духъ“ [1]) было уже моей задачей, какъ переводчика. *Вторую главу первой части мнѣ, напримѣръ, пришлось цѣликомъ написать самому*“ (V). Напечатанныя курсивомъ слова заключаютъ въ себѣ утвержденіе, что *вторая глава первой части перевода* г-на Гидулянова цѣликомъ составляетъ его литературную собственность. Изслѣдуемъ. Вторая глава (стр. 47—56) первой части распадается на *четыре* параграфа: отъ 18—по 21 включительно. Изъ этихъ *четырехъ* параграфовъ *одинъ* (§ 19) *представляетъ собой буквальный* [2]) *переводъ соотвѣтствующаго параграфа* (19) *учебника проф. Функа, изъ 49 строчекъ 21-го параграфа 31 строка представляетъ буквальный* [3]) *переводъ соотвѣтствующихъ строкъ* § 21 *въ учебникѣ Функа*, и только 18-ый параграфъ, правда, довольно обширный (47—51), второй абзацъ 20-го параграфа и 18 строкъ 21-го принадлежатъ переводчику. Предоставляемъ читателю судить, правду-ли говоритъ г-нъ Гидулянов, когда заявляетъ: „вторую главу первой части мнѣ пришлось *цѣликомъ* написать самому“, или нѣтъ.

Свое предисловіе къ переводу г-нъ Гидуляновъ заканчиваетъ такими словами: „Пусть же эта книга содѣйствуетъ тому, чтобы сдѣлать болѣе легкимъ и болѣе полезнымъ изученіе въ нашихъ школахъ церковной исторіи! Пусть она возбудитъ въ изучающихъ эту науку интересъ и, служа подготовкой, явится стимуломъ для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ трудовъ въ этой области“ (VII). Если бы г-нъ Гиду-

---

[1]) Г-нъ Гидуляновъ пишетъ языкомъ образнымъ и мѣткимъ, поэтому его переводъ пестритъ такими выраженіями: „насупротивъ“ (76), „сѣмо и овамо“ (186), „елико возможно“ (203, 310, 377), „ничтоже сумняшеся“ (237), „патріархъ уперся на своемъ“ (248), „папа Гонорій *наслъ* на Фридриха II“ (303) и т. д.

[2]) Конечно, съ нѣкоторыми свойственными г-ву Гидулянову вольностями: „новый союзъ“ (т. е. Новый Завѣтъ), безбрачіе женатыхъ лицъ, о которыхъ мы выше говорили, и т. д.

[3]) Опять таки съ обычными для г-на Гидулянова искаженіями (не эти ли искаженія г-нъ Гидуляновъ называетъ „измѣненіями“?): замѣчаніе св. Кипріана приписано еретикамъ, св. Аверкій превращенъ въ „Аберкія“, а его эпитафія—въ „надгробное слово“ и т. д.

лановъ внимательно прочелъ свой переводъ, онъ никогда не написалъ бы этихъ строкъ: онѣ оказались бы излишними, какъ излишнимъ оказалось бы и все предисловіе. *Для русской церковно-исторической науки и русскаго общества переводъ г-на Гидулянова, до неузнаваемости исказившаго прекрасный учебникъ проф. Функа, не только не нуженъ, но и положительно вреденъ.*

Александръ Сагарда.

Редакторъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи
Петръ Смирновъ.